

HISTORIA ROSSICA

ЭПИДЕМИЯ
БЕЗБРАЧИЯ
СРЕДИ РУССКИХ
КРЕСТЬЯНОК
СПАСОВКИ
В ХVІІІ-ХІХ
ВЕКАХ

ДЖОН БУШНЕЛЛ

Historia Rossica

Джон Бушнелл

**Эпидемия безбрачия
среди русских крестьянок.
Спасовки в XVIII–XIX веках**

«НЛО»

2020

УДК [271.2-79]:392.3(47+57)«17/18»
ББК 63.3(2)5-282.2

Бушнелл Д.

Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок. Спасовки в XVIII–XIX веках / Д. Бушнелл — «НЛО», 2020 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1383-6

Исследование Джона Бушнелла о брачных практиках крестьян-старообрядцев Спасова согласия в Ярославской, Владимирской и Костромской губерниях меняет наши представления о социальной истории крестьянства в России XVIII–XIX веков. Количество спасовцев в середине XIX века, по мнению автора, достигало как минимум миллиона человек, и жили они в основном вдоль Волги — от Ярославля до Астрахани. Поэтому их брачное поведение оказывало существенное влияние на жизнь деревни всего этого большого региона. Влияние это, как показывает автор, было иногда разрушительным для экономики и демографии. Автор также связывает широкое распространение безбрачия среди спасовок с началом вмешательства дворян в брачное поведение своих крепостных, что обогащает наши знания о развитии крепостного права. Джон Бушнелл — профессор Северо-западного университета в США (Northwestern University).

УДК [271.2-79]:392.3(47+57)«17/18»

ББК 63.3(2)5-282.2

ISBN 978-5-4448-1383-6

© Бушнелл Д., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. СМЯТЕНИЕ В АРХИВЕ	5
Глава 1	17
Глава 2	39
Глава 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Джон Бушнелл

Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок Спасовки в XVIII—XIX веках

ВВЕДЕНИЕ. СМЯТЕНИЕ В АРХИВЕ

Данное исследование, посвященное русским крестьянкам, не желавшим вступать в брак, появилось в результате двух совершенно неожиданных находок, сделанных одновременно и потянувших за собой клубок вопросов, на которые у меня не было ответов. Находки эти обнаружили в ряде исповедных ведомостей – в списках состава семей прихожан, которые приходили (или не приходили) на ежегодную исповедь, как это требовалось от всех членов Русской православной церкви. Это были ведомости из прихода села Купля – кучки деревень возле небольшого городка Гороховец в восточной части Владимирской губернии. Одна из находок демографического характера: в некоторых из этих деревень в конце XVIII столетия весьма значительная часть взрослых женщин всю жизнь оставались в девках. В русских деревнях XVIII и XIX вв. нередко можно было обнаружить одну или двух взрослых незамужних женщин, но с той же вероятностью даже в очень большой деревне все до одной взрослые женщины могли оказаться замужем. Среди российских историков и этнографов бытует единодушное мнение, что вступление в брак для русских крестьян было практически неизбежно. В приходе с. Купля дело обстояло явно не так: на 1795 г. в деревне Случково 44% женщин старше 25 лет были не замужем. Даже эта цифра сильно преуменьшает сопротивление случковских женщин браку: ревизские сказки показывают, что из всех женщин, родившихся в этой деревне и достигших возраста 25 лет в период между 1763 и 1795 гг., целых 70% остались незамужними. Случковские же мужчины почти все были женатыми, но подавляющее большинство их жен были родом из других деревень. Дальнейшее исследование показало, что, хотя случковские женщины отказывались от брака в процентном соотношении чаще, чем женщины в других деревнях данного района, в этой части Гороховецкого уезда в конце XVIII в. среди уроженок этих деревень процент воздержавшихся от брака колеблется от 20 до 40%. Ничто из прочитанного мной о крестьянском браке или крестьянской культуре в России не предвосхищало и не объясняло обнаруженной ситуации в приходе с. Купля.

Из тех же исповедных ведомостей я узнал, какие именно женщины чурались замужества, – они были членами старообрядческого Спасова согласия. Это удивило меня по двум причинам. Во-первых, у спасовцев брак не запрещался, наоборот, они имели нелестную славу в старообрядческих кругах именно из-за того, что венчались в православных церквях. Во-вторых, мне никогда раньше не попадались исповедные ведомости, где священник указывал бы, к какому согласию принадлежат старообрядцы из его прихода. Во многих исповедных ведомостях старообрядцы (или, как называли их православные, «раскольники») обозначаются только по их общей принадлежности к расколу: священники указывают эту принадлежность как причину, почему те или иные прихожане не являются на исповедь. В приходе с. Купля священники начали обозначать старообрядческие согласия еще до 1830 г. и продолжали как минимум до 1850 г. Это не входило в их обязанности, однако пример первого священника, называвшего согласия, оказался заразителен для его преемников. Возможно, исповедные ведомости с. Купля не уникальны в этом отношении, хотя нельзя сказать наверняка. То, что я заказал тома исповедных ведомостей именно с. Купля, а не другого прихода Гороховецкого уезда, было чистым везением. Этот шанс – один к нескольким тысячам, если не больше: спасовцев даже в те времена было заведомо трудно опознать, поскольку они маскировались под православных.

Они крестились в церкви, венчались в церкви и перед венчанием исповедовались и причащались в церкви. Приходские священники обычно включали их в списки православных. В приходе с. Купля, однако, спасовцы раскрыли местному священнику свое вероисповедание.

То, что не выходявшие замуж женщины-староверки д. Случково были из Спасова согласия, скорее усложнило, чем разрешило загадку. Спасовцы заодно со многими россиянами отвергли текстуальные и обрядовые нововведения патриарха Никона (поставлен в патриархи в 1650 г., оставил первосвятительскую кафедру в 1658 г., извержен из патриаршества в 1666 г.), официально утвержденные поместным Московским собором в 1667 г. Эти реформы вызвали смятение в Русской православной церкви. Противники сочли все реформы ересью, Никонианскую православную церковь еретической и заключили, что грядет конец света, а Антихрист, должно быть, уже шествует по миру. К несчастью для антиреформистов, хотя на раннем этапе священники и монахи были среди главных заводил протеста, в их рядах не оказалось ни одного епископа. Поскольку лишь епископы могли совершать хиротонию, после смерти последнего священника, рукоположенного до патриаршества Никона, мир – по логике самых радикальных и последовательных староверов – останется без священства, то есть некому будет совершать большинство таинств. Исключение составляли крещение и исповедь, которые по старым правилам православной церкви в экстренных случаях – например, в отсутствие священника – могли совершаться мирянами. Эти, как их называли, беспоповцы категорически отрицали брак, так как не было не впавших в ересь попов, чтобы брак освятить. Более прагматичные среди староверов принимали к себе беглых попов, которые отреклись от никонианской ереси и очистились через таинство миропомазания. Эти прагматики известны под именем «поповцы», и в этой истории они не играют почти никакой роли.

Спасовцы проявили себя как отдельное беспоповское согласие в конце XVII в. и в некоторых отношениях оказались более радикальны, чем другие согласия: они настаивали, что без попов не могут совершаться никакие таинства (даже крещение и исповедь), что Бог лишил мир Своей благодати и что христиане уже ничего не могут сделать для своего спасения. По меньшей мере до 1730 г. брак они однозначно запрещали. К концу XVIII в., однако, они решительно пересмотрели свою брачную доктрину и постановили, что члены согласия могут заключать браки в православных церквях и что православные священники могут также крестить их детей. Поскольку православная церковь требовала, чтобы молодые перед венчанием исповедовались и причащались, брачующиеся спасовцы совершали также и эти таинства¹. При этом спасовцы по-прежнему отказывались признавать православное венчание, крещение, исповедь и причастие действительными таинствами, но, очевидно, они не считали – в отличие от большинства других старообрядцев, – что, принимая эти лжетаинства от священников-еретиков (то есть православных попов), они подвергают опасности свои бессмертные души. Поскольку любого, кто принимает православные таинства, священники считали православным, они ничтоже сумняшеся записывали в исповедных ведомостях спасовцев, не объявивших себя таковыми, как православных.

Существует очень мало источников, располагающих сведениями о спасовцах XVIII в., и ни в одном из них (и ни в одном из источников XIX в.) не объясняется, почему спасовцы решили венчаться в православных церквях. Я выдвигаю предположение по этому поводу в главе 5. В целом спасовцы в этом вопросе не сильно отличались от большинства других беспоповских согласий, которые также в течение XVIII–XIX вв. постепенно примирились с браком, так как жесткий запрет на заключение брака не позволил бы им сохранить многочисленный

¹ Все, в том числе сами священники, считали это правилом, хотя, как отметил Священный синод в 1839 г., православное каноническое право не содержит положения, требующего, чтобы брачующиеся исповедовались и причащались перед венчанием (Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб.: МВД, 1860. Кн. 2 (1801–1858). С. 359–361). Синод постановил, что священники должны продолжать предлагать брачующимся совершить таинство, но делать это в качестве личного совета, а не приказа. На практике это недоразумение обрело силу закона.

контингент приверженцев из мирян. Беспоповские согласия, продолжавшие запрещать брак, теряли своих членов в пользу брачующихся согласий, и в XVIII–XIX вв. в согласиях часто происходили расколы в результате разногласий по вопросу о браке. Другими словами, приемлемость брака у спасовцев в XVIII в. соответствовала более широкой тенденции среди беспоповцев. Однако только они потворствовали привлечению православных священников к совершению брачной церемонии.

Еще более озадачивает то, что в то же самое время, когда спасовцы сочли приемлемым брак, совершаемый православными священниками, все больше крестьянок-спасовок стали отказываться от замужества, и это касается не только прихода с. Купля. Доктрина пошла навстречу браку, на практике же женщины бежали от него. Между тем мало кто из современников спасовцев в XIX в. вообще заметил, что большое число женщин Спасова согласия избегали замужества. Мной был обнаружен лишь один такой источник: некий наблюдательный чиновник отметил, что в одной губернии в среде спасовцев было необычайно много незамужних женщин. Но это замечание не сопровождалось никаким объяснением. В главе 5 я предлагаю свое, кажущееся мне вероятным толкование предпочтения спасовских женщин оставаться в девках: они отвергали брак от отчаяния, что живут в мире, к которому Господь Бог совершенно безразличен. Аргументы в пользу этого решающего довода в лучшем случае косвенные и контекстуальные. Я должен с сожалением признать, что не могу пока представить окончательного ответа на некоторые вопросы из тех, что посыпались со страниц исповедных ведомостей с. Купля.

Даже при отсутствии объяснения отношения спасовцев к браку и если мое предположение ошибочно, демографические и социальные последствия резко повысившегося уровня воздержания от брака очевидны. Так, например, спасовские двory оставили вполне отчетливый след в демографических источниках. Возникло новое явление, которое можно назвать «двор-женонакопитель»: незамужние сестры и дочери главы дома, его жена и жены его сыновей, порой незамужние внучки главы, иногда другие родственницы, влившиеся в женонакопитель после распада их собственного двора. Многие крестьянские хозяйства в России разорялись вследствие различных демографических зловключений, но спасовские двory просто напрашивались на разорение. При этом каждый разорившийся двор увеличивал демографическое бремя других дворов, где находили прибежище его уцелевшие домочадцы. Отношение спасовцев к браку привело к возникновению дворов и общин, чья структура шла вразрез с традиционными стратегиями выживания русского крестьянства.

Брачные обычаи спасовцев создавали также проблемы для остальной части крестьянской общины. При широком распространении противления браку среди крестьянок, принадлежавших к Спасову согласию, и притом что практически 100% крестьян-спасовцев женились, где эти мужчины находили жен? За исключением самых крупных русских деревень многие и даже большинство крестьян находили невест в других деревнях, на расстоянии порядка 10 километров от собственной деревни. Именно таков был радиус поиска у мужчин прихода с. Купля в 1760-х гг., как раз когда спасовские женщины начали активно покидать рынок невест. К концу XVIII в. они расширили радиус поиска до 15 километров, а в отдельных случаях и значительно дальше и зачастую были вынуждены покупать невест из крепостных, что весьма редко случалось до того (сами крестьяне Случково не были крепостными). Поскольку во многих деревнях вблизи прихода с. Купля находилось большое количество спасовских дворов (они выделялись своей характерной структурой), можно сделать вывод, что большие расстояния, которые приходилось покрывать в поисках невест, и затраты на выкуп крепостных невест – это беды, которые спасовцы сами навлекли на свою голову. Можно лишь удивляться успеху спасовцев в обеспечении себя невестами.

Однако последствия спасовской брачной головоломки не ограничивались нарушениями местного паритета между мужчинами и женщинами, желающими вступить в брак. Бок о бок со

спасовцами жили *неспасовцы*, для которых было совершенно естественно, что все крестьяне – мужчины и женщины – брачатся. Крестьяне признавали, конечно, исключения – например, отдельным женщинам серьезные физические или умственные недостатки не позволяли выполнять положенную жене работу по дому; некоторые женщины (и православные, и староверки) не выходили замуж, поскольку они чувствовали призвание свыше. Большинство же *неспасовцев* принимали за должное, что, за редким исключением, все крестьяне брачались. Они предполагали также и даже настаивали на том, что все молодые крестьянки должны быть готовы вступить в брак. Русские крестьяне понимали – и это отражается в некоторых их челобитных, – что всеобщий брак означает многосторонний обмен дочерьми между всеми местными дворами. Если же ошутимое количество молодых женщин не вступает в брак, то в данной местности образуется нехватка невест и юношам, возможно, будет трудно добывать себе жен. Те дворы, которые стремились оженить своих сыновей, а дочерей замуж не отдавали, вызывали возмущение у соседей. И поскольку столь многие из их дочерей не выходили замуж, *спасовцы* в большой степени зависели от готовности крестьян с другими религиозными убеждениями поставлять невест для их сыновей. Есть косвенные данные о том, что некоторые деревни, обменивавшиеся дочерьми с д. Случково в 1760-х гг., к 1780-м стали отказываться выдавать дочерей замуж в это село. Есть немало прямых свидетельств возмущения в крепостных имениях, порожденного отказом женщин от брака: крепостные жаловались своим владельцам, что из-за отказа женщин выходить замуж их сыновья не могут найти себе жен. Они просили своих хозяев, чтобы те заставили отцов отдать дочерей замуж. Эти свидетельства у меня представлены в главе 2. Крепостные помещики во второй половине XVIII в. первыми – не считая самих крестьян – узнали о широко распространившемся противлении браку, потому что им донесли об этом их крепостные, и я привожу доводы в пользу тезиса о том, что тенденция вмешиваться в брачные дела своих крепостных была спровоцирована именно жалобами крепостных мужиков на баб, отказывавшихся выходить замуж.

Я также выдвигаю тезис о том, что в Спасовом согласии решение выходить или не выходить замуж фактически принимали сами женщины. В приходе с. Купля в первой половине XIX столетия все или почти все женщины, родившиеся в семьях *спасовцев*, избежали уз брака, но так было не во всех общинах Спасова согласия. Да и в самом приходе с. Купля до конца XVIII в. ситуация была иной. Демографические источники показывают, что в некоторых общинах Спасова согласия были семьи, где некоторые дочери выходили замуж, а другие нет. Если бы речь шла не о русских крестьянах, то сам собой напрашивался бы вывод, что дочери, вероятно, сами принимали решение относительно замужества. Однако в данном случае мы имеем дело с твердо устоявшимся стереотипом: в России в крестьянских семьях родители принимали все брачные решения за своих сыновей и дочерей. В отношении XVIII в. вышеуказанный стереотип имеет твердую основу, так же как в некоторых, но не во всех областях России первой половины XIX в. Когда некоторые девочки выходили замуж в минимальном для брака возрасте – в 12 (начало XVIII в.) или 13 лет (конец века) – и когда большинство из них уже были замужем к 15–16 годам, а большинство мальчиков – к 16–17 годам, у детей было мало возможности повлиять на выбор брачного партнера. По мере повышения брачного возраста и, соответственно, большего количества лет, которые дети проводили до брака, играя в ухаживания, а затем женихаясь всерьез, стереотип этот терял свою силу или по крайней мере становился не столь очевиден.

Говоря о с. Купля, мы в действительности не знаем, каков был средний возраст брака в XVIII в.: даже в конце этого столетия очень немногие священники во Владимирской епархии отмечали возраст при венчании. В любом случае из с. Купля не сохранилось метрических книг (в отличие от исповедных ведомостей) XVIII в. Мы знаем только, что в некоторых семьях некоторые из дочерей выходили замуж, а другие – нет. Решали ли отцы и матери из Спасова согласия, какой дочери выходить замуж, а какой нет? Мне кажется гораздо более веро-

ятым, что в религиозной общине, где по какой бы то ни было причине наблюдалось растущее сопротивление замужеству, родители, возможно, не приветствовали вступление дочерей в брак, но – как свидетельствуют ревизские сказки – все-таки позволяли им или же просто не могли воспрепятствовать браку некоторых дочерей. Другими словами, в явном противоречии с крестьянской традицией молодые женщины Спасова согласия, похоже, пользовались свободой выбора, то есть сами принимали решение, выходить или не выходить замуж. Если это основное право выбора оставалось за ними, то наверняка у них были значительные возможности выбора жениха. Именно этот вывод я попытаюсь обосновать на конкретных примерах прихода с. Купля (главы 3 и 4), с. Баки на юго-востоке Костромской губернии (глава 6) и с. Стексово на юге Нижегородской губернии (глава 7).

Крестьянки, которые предпочитали не выходить замуж, являлись разрушительной силой для крестьянского общества во многих отношениях. Когда большое число крестьянок отказались выходить замуж, практически ни одна грань крестьянского уклада жизни не оставалась непоколебленной. Когда молодые женщины из Спасовых общин уже в третьей четверти XVIII в. приобрели право решать, выходить им замуж или нет и даже за кого выходить, они нанесли удар по традиционному крестьянскому укладу. Но это была лишь одна часть более широкого – хотя необязательно сознательного – покушения на основы основ традиционного крестьянского общества. Распад общей культурной матрицы должен был, в свою очередь, облегчить возможность или даже создать необходимость для того, чтобы молодые женщины брали на себя принятие брачных решений.

Я не утверждаю, что только женщины Спасова согласия избегали замужества. В приходе с. Купля, например, в первой половине XIX в. к отказу от брака женщин Спасова согласия присоединились женщины из беспоповского поморского согласия, хотя руководители поморского согласия относились к браку с одобрением. В других местах, где священники вешали ярлык раскольника на всех староверов, трудно иногда определить, к какому согласию принадлежали браконенавистницы. Тем не менее именно Спасово согласие, похоже, служило основным очагом женского противления браку и рассадником этой «заразы» для других. Насколько значительным было это явление для русского крестьянства, зависит от численности спасовцев.

Когда Министерство внутренних дел выпустило статистический анализ старообрядческого населения на 1858 г., про спасовцев анонимный автор мог сказать лишь то, что «большинство Спасова согласия, весьма многочисленного на Волге» невозможно отличить от православных, поскольку так же, как и некоторые другие раскольничьи секты, они «исправно бывают у исповеди и причастия»². Посчитать количество спасовцев не представлялось возможным, ибо по внешнему религиозному поведению они, как правило, были неотличимы от православных.

Оценить численность старообрядцев всяких толков было достаточно трудно. Министерство, однако, усердно старалось вывести более или менее вероятную цифру. Начиная с 1844 г. его сотрудники отправлялись в губернии, где старообрядцы были особо многочисленны, и выявляли число раскольников на основе данных, представляемых священниками в ежегодных исповедных ведомостях: к официально записанным и открыто принадлежавшим к расколу они причисляли и тех, кто по отчетам не исповедовался «по склонности к расколу»; тех, кто не был на ежегодной исповеди по нерачению (по определению священников); тех, кто исповедовался, но не причащался; и часть тех, кто представлял какую-то уважительную причину неявки на исповедь (например, отлучка из прихода во время Великого поста)³. Хотя не существо-

² Бушен А., ред. Статистические таблицы Российской империи. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год (с карт населенности Европейской России). С. 235. Данная формулировка предполагает, что информация была получена от Павла Мельникова, министерского чиновника, занимавшегося обследованием старообрядцев в Нижегородской губернии в конце 1840-х – начале 1850-х гг. См. приводимые далее источники.

³ Эти цифры можно найти в печатных экземплярах ежегодных отчетов Святейшего синода 1850-х гг., например: Извлече-

вало никакой очевидной причины относить к старообрядцам всех крестьян, не желавших причащаться или якобы забывших прийти на исповедь, министерские чиновники, посоветовавшись с попами и другими лицами, хорошо знавшими старообрядческий мир, пришли к выводу, что так сделать правильно. Анализ ежегодных исповедных ведомостей, например, показал, что «забывчивые» забывали исповедоваться из года в год. Результаты этих официальных исследований поразительны: в Ярославской губернии, к примеру, оказалось в 37 раз больше старообрядцев, чем было указано в официальных отчетах: в 1859 г. – 278 417, а не 7454. Это был вопиющий случай; министерство пришло к выводу, что старообрядцев примерно в 10 раз больше, чем их официально зарегистрировано: 875 382, то есть около 8 миллионов на 1859 г., что соответствует почти одной шестой всего номинально православного (то есть в основном русского) населения⁴.

В 1868 г. Павел Мельников, в течение многих лет будучи чиновником Министерства внутренних дел, занимавшийся изучением (и преследованием) старообрядцев в Нижегородской губернии (а позже под псевдонимом Андрей Печерский писавший романы о старообрядцах этой губернии), опубликовал статью «Счисление раскольников». В ней он рассуждает о ряде причин, по которым местные чиновники и попы намеренно занижают данные о количестве старообрядцев: в основном это вариации на темы взяточничества, вымогательства и боязни подать неприятные сведения. Затем он делает пересчет министерской статистики и выводит общее число раскольников – 8 584 494. К этой цифре он добавляет еще 110 тысяч, посчитав различные небольшие тайные секты, которые обычно не причислялись к раскольникам (хлысты, скопцы и др.), и предположительные 700 тысяч спасовцев, которые «исполняют требы в православных церквях, то есть крестят детей, приобщаются (особенно перед свадьбой), венчаются. Все они записываются в духовных росписях бытчиками у исповеди и св. причастия»⁵. Всего на 1859 г. Мельников насчитал 9 миллионов 300 тысяч старообрядцев. А учитывая ежегодное приращение народонаселения России – согласно тогдашним оценкам – в 1,3%, общая цифра к 1868 г. достигла 10 295 000 (Мельников не стал возиться со сложными процентами).

Мельников не объясняет, каким образом у него получилось 700 тысяч спасовцев. Однако он отмечает, что число старообрядцев в Нижегородской губернии, указываемое министерством, – 172 500 (как министерский специалист по старообрядцам в данной губернии он отвечал за подачу этой статистики и описывал ее как «полученную мной») – ниже цифры, позднее представленной преосвященным Иеремиею, епископом Нижегородским, – 283 323, – и выдвигает предположение, что именно спасовцы, чью численность в своей губернии он теперь оценивает в 60 000, вероятно, и составили основную разницу⁶. Годы, проведенные в беседах со

ние из отчета по ведомству духовных дел Православного исповедания за 1859 год. СПб.: Синодальная типография, 1861. С. 21.

⁴ Бушнелл А., ред. Статистические таблицы. Вып. 2. С. 210–212, 216–217, 234–235. В министерский подсчет включено было также пропорциональное число детей до 7 лет, которые не обязаны были исповедоваться, и гипотетический миллион «тайных раскольников», тех, кто совершал и исповедь, и причастие. Два отчета министерству – за 1852 и 1853 гг., оба из Ярославской губернии – приводятся в составленном В. Кельсиевым «Сборнике правительственных сведений о раскольниках» (Лондон: Trübner & Co, 1862. Вып. 4. С. 1–187). В отчете за 1852 г. пространно и убедительно обосновываются правила подсчета.

⁵ Мельников П. И. Счисление раскольников // Мельников П. И. Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб.: А. Ф. Маркс, 1909. Т. 7. С. 384–409 (цитата на С. 408). Впервые напечатано в: Русская мысль. 1868. № 2.

⁶ Мельников П. И. Счисление раскольников. С. 404, 409. В 1853 г. Мельников докладывал, что в губернии 170 506 старообрядцев (Мельников П. И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Министерстве внутренних дел коллежским советником Мельниковым // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1910. Т. IX. С. 3). Он же, по-видимому, представил более высокую цифру, которая фигурирует в министерском анализе годом или двумя позднее. В неопубликованном приложении к докладу он объясняет, каким образом получил эту цифру в 1853 г. Цифра, доложенная митрополитом Геронтием, дается в длинном списке указаний Геронтию от Священного синода о мерах, которые необходимо принять для преодоления раскола в его епархии (Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб.: МВД, 1860. Кн. 2 (1801–1858). С. 672–682). Помимо всего прочего, Геронтию было указано на необходимость объяснить разницу между его цифрой и цифрой Мельникова.

старообрядцами и попами, должны были дать ему определенное представление о численности спасовцев. Судя по всему, он экстраполировал сведения, полученные о Нижегородской губернии, на Россию в целом. Сергей Зенковский, анализируя данные Мельникова на 1859 г., в свою очередь подсчитал, что в начале XX в. спасовцев должно было быть 1,5–2 миллиона – цифра, скорее всего, основанная на предположении, что число спасовцев росло примерно такими же темпами, что и православное население Российской империи⁷.

Мельников почти наверняка недооценил общее количество как в целом старообрядцев, так и спасовцев. Начнем с того, что кроме староверов, притворявшихся православными (включая большинство спасовцев), были еще, если можно так сказать, «полуверы» – мужчины и женщины, которые ходили на исповедь и к причастию, не принадлежали ни к какому определенному согласию, но полагали себя старообрядцами и – в старости или чувствуя приближение смерти – покидали официальную церковь, чтобы прибиться к какому-нибудь старообрядческому толку. Были и такие, что свободно сочетали православные и старообрядческие обычаи, и те, что говорили попам, что они православной веры, но предпочитали старые книги и старые обряды. В данном рассуждении, однако, мы можем принять за исходную точку предварительный подсчет Мельниковым количества практикующих (в том числе тайно) староверов. В пограничных случаях православного и старовера различить невозможно. Даже если бы нам удалось с уверенностью определить количество притворявшихся православными, но твердо уверенных в своей подлинной принадлежности к старой вере, все равно оставались бы неучтенными еще миллионы с изменчивой или неопределенной религиозной принадлежностью.

Что же касается количества спасовцев, мы должны опираться в качестве экспертной оценки на цифру 60 тысяч, приблизительно выведенную Мельниковым в 1850-х гг. по Нижегородской губернии. Солидный том его отчета от 1854 г. Министерству внутренних дел о раскольниках в данной губернии свидетельствует о глубокой осведомленности как в истории местных старообрядцев (взятой с их слов), так и в губернских и епархиальных документах, касающихся этой истории, в географии распространения различных согласий по губернии, в роли, которую старообрядцы играли в экономике губернии, в их обычаях и убеждениях, даже в различиях между иконами, которым разные согласия отдавали предпочтение⁸. Он представил также значительную информацию о губернских спасовцах. Тем не менее, как бы усердно он ни трудился, стремясь установить истинную численность старообрядцев и спасовцев в губернии, он почти наверняка допустил здесь просчет.

Мельников подсчитал, что в крепостном селе Стексово (подробнее о нем в главе 7) среди официально заявленных в начале 1850-х гг. православных прихожан 60% в действительности являлись староверами. Далее он прикинул, что в группе из 16 приходов, в которую входило Стексово, 50% населения принадлежало к одному или другому старообрядческому согласию⁹. Результат его подсчета в с. Стексово оказался гораздо выше, чем можно было высчитать с помощью методологии Министерства внутренних дел: в 1826 г., например, из 1164 стексовских прихожан от 7 лет и старше 218 человек (18,7%) не исповедовались потому, что были заявлены староверами или склонными к старой вере, или забывчивыми, или отсутствующими; все остальные «были у Исповеди и Святого причастья»¹⁰. Однако пространность обсуждений про-

⁷ Зенковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1970. С. 472. Зенковский не объясняет, откуда взял свою оценку, однако в 1859 г. православные и старообрядцы вместе составляли 54 628 083 человек, а в 1897 г. – 89 328 200, то есть их число увеличилось на 70% менее чем за 40 лет; Бушнелл А., ред. Статистические таблицы. С. 233–234; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб.: Центральный статистический комитет, 1905. Т. 1. С. 248.

⁸ Мельников П. И. Отчет о современном состоянии.

⁹ Там же. С. 33, 40, 44.

¹⁰ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория). Оп. 559а. Д. 966. Л. 449–466.

блемы староверов в вотчинной переписке и частота епархиальных расследований (как показано в главе 7) убедительно говорят в пользу подсчета Мельникова, что 60% являлись староверами. И все же исповедная ведомость из этого прихода (несколько по-другому составленная, нежели в 1826 г.) от 1861 г. преподносит сюрприз: в этом году во время Великого поста на исповедь явились лишь 28 из 723 приходских крестьян, остальные же 695 (96%) не исповедовались и были записаны либо как признанные староверы, либо как неисповедовавшиеся «по склонности к расколу»¹¹. Вряд ли можно сомневаться, что это неслучайно: 1861-й – год освобождения крепостных. В Нижегородской губернии попы читали своим прихожанам-крестьянам «Манифест об отмене крепостного права» с 12 по 20 марта, во время Великого поста, как раз тогда, когда крестьяне должны были исповедоваться¹². В контексте вызванных манифестом чрезвычайно преувеличенных надежд крепостные с. Стеково вообразили, должно быть, что царь-батюшка освободил их не только от крепостной зависимости, но и от необходимости притворяться православными. Епархиальные документы не оставляют сомнений, что большинство старообрядцев в с. Стеково – иными словами, большинство крепостных крестьян с. Стеково – были спасовцами. Возможно, именно потому, что спасовцев так трудно было опознать, Мельников и его местные осведомители и недооценили их количество на 36% (или, если посчитать по-другому, старообрядцев в с. Стеково было на 60% больше, чем Мельников предполагал). Единственный документированный случай значительного занижения численности именно там, где старообрядцы были в основном из Спасова согласия, имеет неопределенный доказательный вес¹³. И все-таки он по крайней мере дает основания предположить, что число спасовцев в Нижегородской губернии в 1850-х гг. было, вероятно, ближе к 100 тысяч, чем к 60 тысяч.

Хотя оценка Мельниковым численности спасовцев в 700 тысяч по империи в целом основывается на том, что ему было известно о спасовцах в других губерниях, похоже, он неверно представлял себе географическое распространение многочисленных популяций спасовцев. Он утверждал, что наиболее многочисленны спасовцы в приволжских губерниях – от Нижнего Новгорода на юг до Астрахани, а также в Пензенской, Тамбовской и Воронежской губерниях¹⁴. Ему, по-видимому, не были известны значительные скопления спасовцев в Гороховецком уезде и, по всей вероятности, на востоке Владимирской губернии в целом. Несколько больше удивляет то, что Мельников, похоже, не знал о наличии – и это впоследствии станет очевидно – большого количества спасовцев также и в Костромской и Ярославской губерниях, где их было, возможно, больше, чем в любой другой из названных им губерниях, кроме Нижегородской. Учитывая, что даже весьма добросовестный Мельников значительно недооценил количество спасовцев в губернии, которую он инспектировал, подсчеты в других губерниях тоже, вероятно, были занижены и он либо не принял в расчет, либо сильно преуменьшил количество спасовцев во Владимирской, Ярославской и Костромской губерниях, мне кажется справедливым предположение, что в середине XIX в. количество спасовцев достигало как минимум миллиона, возможно, даже полутора миллиона человек, а в первом десятилетии XX в. – от 2,5 до 3 миллионов. Эти цифры подчеркивают значение отношения спасовцев к браку. Поскольку спасовцы в большинстве своем населяли губернии вдоль Волги – от Ярославля вниз до Астрахани, они составляли особенно существенную часть населения в этих районах. А так как они не были равномерно распределены по этим губерниям, их влияние в местном масштабе могло

¹¹ Там же. Д. 1502. Л. 100–107, 123 – 132 об. (в 1861 г. в приходе было два попа, каждый из них со своей паствой).

¹² *Evtuhov S. Portrait of a Russian Province. Economy, Society, and Civilization in Nineteenth-Century Nizhni Novgorod.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 196.

¹³ Последний печатный выпуск ежегодного отчета Священного синода, в который включены сведения о количестве номинальных православных, пропустивших исповедь, относится к 1860 г.: Извлечение из отчета по ведомству духовных дел Православного исповедания за 1860 год. СПб.: Синодальная типография, 1862. С. 24. Отчет за 1861 г., похоже, не был издан, а в последующих томах подобной статистики не приводилось.

¹⁴ *Мельников П. И. Счисление.* С. 408.

быть колоссальным – колоссально разрушительным, как в примере с приходом с. Купля и его окрестностями.

Большая часть из вышесказанного стала мне известна только после моего неожиданного знакомства с исповедными ведомостями с. Купля. Я приехал во Владимир в поисках первоисточников для совершенно другой книги, которую я в тот момент писал, – об истории крестьянского брака в России. Я нашел очень полезную информацию о брачном возрасте в XVIII в. в Рязанской губернии, и мне нужны были сопоставимые данные о брачном возрасте в регионе с другими экологическими параметрами. Подобных сведений во Владимирской губернии не оказалось. То, что я обнаружил взамен, описано выше.

Мне не сразу стали понятны причины брачного поведения спасовцев прихода с. Купля, отличавшегося от практически всего, что я знал о крестьянском браке в России, и поэтому я не начал тут же на месте писать данную книгу. Мне пришлось еще не один раз вернуться во владимирский архив прежде, чем у меня создалось более или менее адекватное представление о сопротивлении замужеству среди спасовских женщин в приходе с. Купля. И тем не менее то первое прочтение исповедных ведомостей начало мало-помалу выкристаллизовываться в переоценку отрывочных сведений, которые уже мне попадались, о сопротивлении браку среди крестьянок старообрядческих толков. К примеру, подворная опись 1845 г. из одного из имений Сергея Михайловича Голицына, с. Стексово, показывает, что 17,6% среди женщин 25 лет и старше из села и 14,1% по всему имению (куда входили части еще пяти сел и деревень) всю жизнь оставались старыми девами. Из документов имения становится понятно, что эти противницы брака были из старообрядцев того или другого толка и что Сергей Голицын и его приказчики многие годы безуспешно пытались заставить своих крепостных девок выходить замуж. Я выступил на конференции с докладом о сопротивлении браку в Стексово, в котором выдвинул предположение, что здесь существовала какая-то связь со старой верой. Но даже в контексте старообрядчества Стексово выглядело аномальным; большинство крестьян-старообрядцев все-таки вступали в брак. Купля навела меня на след спасовцев, а в епархиальных документах из Центрального архива Нижегородской области обнаружилось доказательство присутствия спасовцев в Стексово. От прихода с. Стексово сохранилось очень мало исповедных ведомостей, и ни в одной из сохранившихся, естественно, старообрядцы не подразделялись на согласия. Мне удалось, однако, составить комплект ревизских сказок с середины XVIII до середины XIX в. Демографическая история имения с. Стексово походила на демографическую историю прихода с. Купля, хотя женское сопротивление браку в Стексово не достигало таких чрезвычайных размеров, как вокруг с. Купля.

На самом деле подворная опись 1845 г. из Стексово не была моим единственным источником до того, как я обнаружил приход с. Купля. Еще в самом начале моих изысканий я сталкивался с признаками сопротивления браку в среде старообрядцев в виде жалоб крепостных мужиков на крепостных баб, не желавших выходить замуж. Я даже написал о них в статье о том, как Владимир Орлов распоряжался брачными делами крепостных в своих имениях. Но тогда я пришел к выводу, что «документы не дают оснований предполагать, что было очень много» крепостных баб, отказывавшихся выходить замуж¹⁵. Этот вывод касался всех многочисленных поместий Орлова и, в большей или меньшей степени, справедливо отражал полученные из этих документов сведения. Если бы я тогда обратил внимание на географию жалоб крепостных по поводу браконенавистниц, обработал бы эту информацию и изучил соответствующую демографическую документацию, хранящуюся в областных архивах, я мог бы прийти к другому выводу или, по крайней мере, отметить некую географическую закономерность. К тому времени, как я проштудировал документы из сел Купля и Стексово, у меня сложилось совсем

¹⁵ *Bushnell J. Did Serf Owners Control Serf Marriage? Orlov Serfs and Their Neighbors, 1773–1861 // Slavic Review. 1993. August. № 3. Vol. 52. P. 433.*

другое понимание неколичественных сведений о крепостных бабах-старообрядках, противившихся браку, которые, как стало件нятно, были не просто старообрядками, а вероятнее всего – спасовками или, по крайней мере, частью широкой волны женского сопротивления браку среди крестьян-беспоповцев в районах к северу от Москвы и вдоль реки Волги.

Когда я стал рассказывать историкам, как в России, так и за ее пределами, о том, что я обнаружил – весьма высокий уровень отказа от брака среди Спасовых женщин как минимум с середины XVIII до середины XIX в., – это вызвало определенный интерес, но и вполне понятный скептицизм. То, что я им рассказал, никак не увязывалось с тем, что всем известно и во что я сам верил до того, как наткнулся на исповедные ведомости прихода с. Купля, а именно: утверждение, что за редким исключением все русские крестьяне вступали в брак. Меня спрашивали, уверен ли я, что правильно истолковал документы. Один коллега, согласившись с приведенными фактами, утверждал, что Купля наверняка явление аномальное, обусловленное, должно быть, некими местными обстоятельствами. Другие предполагали, что натолкнулся я, скорее всего, не на избыток незамужних баб, а на нехватку женихов в результате, по-видимому, местных излишеств с рекрутчиной: столько мужиков забрали в солдаты, что оставшихся не хватало для всех девушек на выданье. Я мог легко опровергнуть все эти возражения, но заданные вопросы, несомненно, помогли мне сформулировать мои доводы.

Этот изначальный скептицизм побудил меня принять два решения. Во-первых, я сделал вывод, что для придания моим аргументам неопровержимой силы требуется еще больше доказательств. Положась на удачу, я просмотрел в Британском музее документы из имения с. Баки Костромской губернии. Публикации Эдгара Мелтона, касающиеся баковского имения князей Ливенов, дают основания предположить там ощутимое присутствие старообрядцев, и я уже нашел сведения о значительном женском сопротивлении браку в других частях Костромской губернии¹⁶. Хранившийся среди ливенских бумаг экземпляр баковской ревизской сказки от 1795 г. действительно показал значительное женское противление замужеству. Я отправился в Кострому искать дополнительных сведений с некоторым трепетом, поскольку в 1982 г. примерно треть документов местного архива была уничтожена пожаром. Хотя из с. Баки не сохранилось (не обязательно по вине пожара) ни одной исповедной ведомости, несколько ревизских сказок все-таки уцелело (в том числе один экземпляр со сплошь опаленными по краям страницами). И оказалось, что каждый том ревизских сказок Костромской губернии, который мне довелось открыть, содержал сказки деревень, в которых множество женщин всю жизнь оставались незамужними.

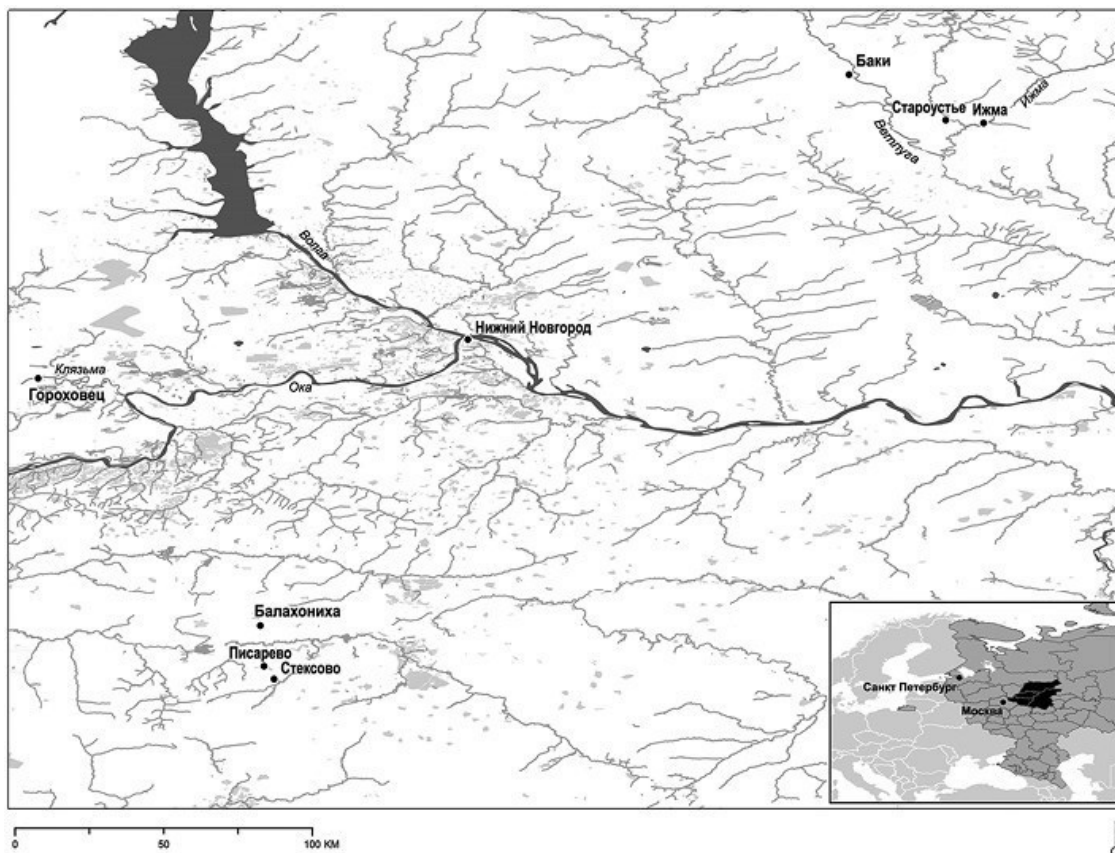
Второй моей реакцией на скептицизм, с которым я столкнулся, а также на массу накопившегося у меня фактического материала было решение, что для убедительности материал должен быть представлен развернуто, а не в общих словах. Многое здесь действительно требует объяснения. История сопротивления браку среди спасовцев не укладывается в одну главу истории крестьянского брака в России, она требует и заслуживает отдельной книги.

Я добирюсь до истории сопротивления спасовских женщин браку несколько окольным путем – только к главе 3. В главе 2 я говорю о том, как дворяне-крепостники столкнулись с сопротивлением браку во второй половине XVIII в., потому что данные, извлеченные из личных фондов дворян, позволяют обрисовать географическое распространение сопротивления браку. К тому же то, как господа реагировали на донесения своих крепостных мужиков, само по себе является частью нашего рассказа: брачные порядки спасовцев вызывали весьма жесткую реакцию со стороны *многих* помещиков, которые считали, что женское сопротивление браку угрожает их собственным интересам. Многие дворяне стремились выдать замуж крепостных баб, всех до одной, и часто за мужиков из своего, а не чужого поместья. Брачные порядки спа-

¹⁶ В частности: Melton E. Household Economies and Communal Conflicts on a Russian Serf Estate, 1800–1817 // Journal of Social History. 1993. Vol. 26. № 3. P. 564–578.

совцев, таким образом, становились частью истории крепостного права. Этот аргумент, однако, идет вразрез с широко распространенным убеждением, что дворяне стремились контролировать браки своих крепостных практически с самого начала крепостного права в XVII в. или что по крайней мере с начала XVIII столетия установление определенного порядка женитьбы крепостных считалось одной из основ хорошего хозяйствования. В главе 1 я показываю, что помещики XVII в. практически никогда не пытались устанавливать свой порядок или вмешиваться в браки крепостных и что в первой половине XVIII в. большинство дворян по-прежнему позволяли своим крепостным жениться по их собственному усмотрению. Это рассуждение, надо признаться, никак не связано с сопротивлением браку среди спасовцев, но оно является необходимым дополнением к главе 2, а также дает представление о брачных обычаях русских крестьян, от которых спасовцы так радикально отклонились.

Исследование практически заканчивается на ревизских сказках от 1850 и 1858 гг. – последних подворных переписях населения. В принципе, перепись 1897 г. проводилась приблизительно таким же образом, но от нее сохранились – за малым исключением – лишь сводные сказки, а не местные – подворные – описи. Аналогичным образом исповедные ведомости в начале 1860-х гг. встречаются уже редко, а затем и вовсе сходят на нет: разрешение советского архивного начальства в 1920-х гг. уничтожить исповедные ведомости, составленные после 1865 г., было, похоже, повсеместно воспринято как приказ¹⁷. Я не нашел сопоставимых документов, созданных позднее начала 1860-х в тех местах, которые меня особенно интересовали. Есть основания полагать, что после 1850-х гг. женское сопротивление браку среди спасовцев ослабло, возможно в значительной степени. Об этом я буду говорить в главе 5 (о Спасовом соглашении) и в заключительной части.

Карта 1. Расположение исследованных в монографии селений

¹⁷ О работе местных Разборочных комиссий // Бюллетень Центрархива РСФСР. 1927. № 4/5. С. 7.

Глава 1

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА БРАЧНОГО РЫНКА КРЕПОСТНЫХ В РОССИИ, 1580–1750: БРАКИ КРЕПОСТНЫХ НЕ РЕГЛАМЕНТИРОВАНЫ

Во второй половине XVIII столетия браки крепостных в России были нераздельно связаны с моральной экономикой. Например, в 1706 г. Петр I пожаловал своего фельдмаршала Бориса Шереметева (1652–1719) дворцовым владением с центром в Вошажниково в Ростовском уезде, приблизительно в 200 километрах на север от Москвы. Будучи дворцовыми крестьянами, жители этого села платили подати, которые шли на содержание царя, его родни и правительства. В числе дополнительных сборов было выводное – 10 или 25 копеек – в случаях, когда дочери выходили замуж за мужиков, не подчинявшихся дворцовому управлению, – например, за владельческих или монастырских крестьян¹⁸. Как правило, платить приходилось семье жениха. Шереметев продолжал взимать выводное, по-видимому, примерно в том же размере, что и дворцовая администрация. В январе 1712 г. он, возможно впервые, послал в Вошажниково инструкцию вотчинному приказчику; в ней не было указаний относительно выводных денег или каких-либо других аспектов браков крепостных¹⁹. Вероятно, где-то в конце 1717 г. он объявил, однако, что отныне выводное будет в размере 5 рублей. Крестьяне взроптали – как против этой наценки, так и против увеличения оброка и других сборов. По поводу выводного, в частности, они утверждали, что соседские крестьяне отказываются столько платить, а у них самих нет таких денег, «и тех девок у нас сирот твоих за тем большим выводом умножилось не малое число и между собою в вотчине не изверстатса»²⁰. Крестьяне просили установить выводное на том же уровне, как у местных вотчинников. 4 мая 1718 г. Шереметев ответил, что купил вотчину кровью своей, что жалован он был ею, чтобы пользоваться по собственному усмотрению, и крепостным его должно делать, что им велят, и чтобы челобитных больше не подавали. Тем не менее он согласился уменьшить размер выводного до обычного местного уровня, каким бы он там ни был²¹.

Шереметев, конечно, как и любой другой дворянин на его месте, не до конца поверил в слова крепостных, но признал, что был неправ, устанавливая исключительно высокий – по тем временам – сбор за выход замуж не в своей вотчине (в ту эпоху в Вошажниковском районе цена в 5 рублей, вероятно, в два, а то и более раза превышала рыночную стоимость бракоспособной крепостной девки), и что он в действительности не знал, каким в этом районе мог бы быть приемлемый размер выводного. Его немедленная и полная капитуляция в этом деле говорит о том, что Шереметев понял, что переступил некую нравственную черту. Его сыновья Петр и Сергей последовали его примеру. В 1733 г. они взимали 15 копеек за выход замуж не в своей вотчине, что на тот момент являлось примерно средним по Ростовскому уезду сбором²².

¹⁸ О десятикопеечном сборе сказано в наказе, посланном приказчику дворцового владения в Вошажниково в 1703 г., двадцатипятикопеечный упоминается в наказе по дворцовым владениям в целом от 1705 г. (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (первая половина XVIII в.). М.: АН СССР, 1984. С. 12, 147).

¹⁹ Там же. С. 24–25.

²⁰ Архив села Вошажникова. М.: Типо-литография А. В. Васильева, 1903. С. 98.

²¹ Там же. С. 99.

²² РГАДА. Ф. 615 (Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв.). Оп. 1. Д. 9159 (1733). Л. 44.

До 1772 г. Петр иногда брал за вывод рубль, но чаще позволял женщинам из Вошажниково выходить замуж на сторону без выводного²³.

Успешный протест крепостных свидетельствует о том, что в вопросе о браке Шереметев и его крепостные придерживались единой позиции: владелец не должен ставить финансовых препон на пути своих крепостных женщин к замужеству. Как показывает Е. П. Томсон в «Моральной экономике низших слоев английского населения в XVIII в.», подобным же единогласием между беднотой и местной политической и социальной элитой в Великобритании XVIII в. относительно того, что высокие цены на хлеб не должны лишать трудящиеся массы доступа к пропитанию, объяснялось то, что в годы продовольственного дефицита рабочему люду часто удавалось добиться от фермеров, мельников и пекарей снижения цен на зерно, муку и хлеб до привычного уровня²⁴. Вошажниковский инцидент не является единственным основанием моего утверждения, что примерно до середины XVIII в. браки крепостных крестьян имели твердые корни в моральной экономике. В начале XVIII в. поразительно схожие конфликты по поводу выводных денег возникали и в других местах и разрешались точно таким же образом, и я вернусь к этому в конце данной главы.

Я хочу, однако, с самого начала обозначить следующее: браки крепостных подчинялись принципам моральной экономики, которые продолжали действовать где-то до 1760-х гг., когда значительная часть дворянства отказалась от единой позиции по этому вопросу. Из XVII в. до нас дошли лишь намеки на ту же моральную экономику, что проявилась в капитуляции фельдмаршала Шереметева, но намеки достаточно прозрачные. Я собираюсь показать, что в период с 1580-х гг., когда российское правительство начало запрещать свободное передвижение крестьян, по 1750-е гг. помещики редко вмешивались или пытались контролировать браки своих крепостных. При этом в течение XVII и первой половины XVIII в. масштабы деспотизма и вмешательства в жизнь крепостных со стороны их владельцев последовательно росли, так почему они *не* попытались, по крайней мере, извлечь прибыль из браков своих крепостных? Почему они пренебрегали очевидной возможностью превратить номинальное выводное в некий вид продажи, как это собирался, по-видимому, сделать граф Шереметев в 1717 г.? Если бы дворян XVII в. попросили объяснить по этому поводу, они, скорее всего, сказали бы, что следуют традиции. Вряд ли многие из них когда-либо задумывались над браками крепостных. Они просто позволяли им действовать сообразно местным обычаям. Сами же крестьяне формулировали свое понимание моральной экономики брака, лишь когда обычаи нарушались. Я привожу здесь концепцию моральной экономики, чтобы подчеркнуть, что долгое время русские помещики признавали право крепостных на заключение браков по собственному усмотрению и тот вред, который мог быть нанесен попытками регламентировать браки крепостных или нажать на них.

«Экономика» в данном случае не метафора. Брак у русских крестьян в XVIII в. – так же как и до и после – был сопряжен с рядом экономических операций. Семья жениха платила выкуп за невесту. Семьи жениха и невесты стоваривались, сколько во время свадебных торжеств будет потрачено на еду, водку и подарки. Нужно было купить у архиерея венечное знамя и заплатить священнику за совершение обряда венчания. Вплоть до начала первой половины XVIII в. вступление в брак в большинстве случаев предполагало небольшое денежное или съестное подношение тому, кто управлял деревней – помещику ли, его приказчику, поселскому старцу в монастырских деревнях либо местному чиновнику, заведовавшему черносотными крестьянами. Дополнительный взнос, уплачиваемый в случаях, когда невеста переходила из одной юрисдикции в другую, обычно составлял лишь малую часть свадебных расходов.

²³ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9177. Л. 7, 23; Д. 9180. Л. 4 об. – 5 об., 12–12 об., 15 об.; Д. 9205. Л. 10 об. – 11, 16–16 об., 22 об. – 23; Д. 9207. Л. 9–9 об., 28–29 об., 39–39 об., 70–70 об. Это касается только Вошажниковой вотчины.

²⁴ *Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. Feb. P. 76–136; также: Thompson E. P. The Moral Economy Reviewed // Customs in Common. Pontypool: Merlin Press, 1991. P. 259–351.*

Крепостные Шереметева оспаривали не выводные деньги как таковые, а только внезапное – возможно, 20-кратное – увеличение с 25 копеек до 5 рублей. Как и британский рабочий люд XVIII в., они просили лишь о снижении таксы до привычного им уровня.

МОБИЛЬНОСТЬ КРЕПОСТНЫХ ЖЕНЩИН ПРИ ВЫХОДЕ ЗАМУЖ

Если оставить в стороне набор правил, установленных православной церковью, до второй половины XVIII в. браки крепостных в России облагались сборами, но практически совсем не регламентировались. По общепринятому толкованию с окончательным установлением крепостного права в 1649 г. крестьяне, жившие в дворянских имениях, крепостные, потеряли право сдвигаться с них на другие места. На самом же деле право перехода потеряли только крепостные мужики, в то время как женщины могли переселяться при выходе замуж. Согласно статье 19 в главе 11 Соборного уложения от 1649 г., «а будет» вотчинник или помещик «или чьи приказчики или старосты крестьянских дочерей или вдов учнут отпускати итти замуж за чьих людей или за крестьян», женщинам этим давались отпускные за подписью их владельцев или духовных отцов. Эти документы нужно было хранить на случай возникновения спора о том, кто является действительным владельцем женщины. Согласованное выводное должно было быть уплачено, и сумма его записывалась в отпускной документ²⁵. Эта статья не только обеспечивала женщинам мобильность, коей мужчины были лишены, но и шла, в принципе, вразрез с рядом положений Уложения, направленных на предотвращение убыли населения из жалованных поместий, – как, например, запрет отпускать на волю крепостных (мужского пола) из этих поместий²⁶. В Уложении 1649 г. свобода передвижения женщин посредством замужества принималась как данность и давалось добро на этот установленный порядок.

Конечно, крепостное право не возникло, а было лишь закреплено законом в 1649 г. Начиная с 1582 г. цари издавали указы о «заповедных летах», когда крестьяне – сначала временно, а с 1603 г. уже постоянно – теряли право сдвигаться с дворянского имения, в котором они жили. В течение всех этих лет женщины выходили замуж наперекор границам собственности. Их переход облагался налогом – владельцы вносили выводное, но неважно, заповедный был год или нет, – женщины все равно уходили.

Выводное как таковое существовало еще до крепостного права: этот сбор взимался великими и более мелкими князьями, начиная по крайней мере с середины XV в., и иногда упоминается в тарханных грамотах, освобождавших жителей имений от различных повинностей. Самая ранняя из сохранившихся тарханных грамот, где упоминается выводное, об освобождении от этого и других сборов, выданная князем Ярославским Юрием Васильевичем Новинскому монастырю, относится к 1464 г.; это выводное было в ходу, по-видимому, в течение некоторого времени до того²⁷. Как и следовало ожидать, большинство сохранившихся тарханов были выданы монастырям и другим церковным владениям, но в некоторых случаях такие грамоты выдавались собственникам-мирянам. В 1487 г., например, Иван III освободил поло-

²⁵ Hellie R., ed. and transl. The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649. Part 1. Irvine, CA: C. Schlacks, 1988. Jr. P. 89. Русский и английский тексты на смежных страницах.

²⁶ Ibid. P. 101.

²⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: АН СССР, 1951. Ч. 1. С. 68. В 1471 г. князь Юрий таким же образом освободил земли, принадлежавшие Свято-Троицкой Сергиевой лавре (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.: АН СССР, 1952. Т. 1. С. 292). Это первые найденные мной ссылки на *выводную куницу*. Есть более ранние упоминания *новоженой куницы*, которая была, вероятно, другим налогом – и меньшего размера – на все браки в государстве, который впоследствии – или также – назывался *убрусом*. Возможно, термин «новоженная куница» иногда включал в себя дополнительную пошлину, взимающуюся за переход «за рубеж».

вину села Глядящего (и обширные земли? и озера вокруг) в Муромском уезде от этой и других мелких повинностей, когда передавал его в наследственное владение Ивашке Глядящему²⁸.

Хотя в грамотах об этом обычно не упоминалось, получатели ее в большинстве случаев, по-видимому, продолжали взимать выводное, но уже в свою пользу. Когда в 1564 г. Иван IV пожаловал митрополиту Афанасию Ржевскую десятину, он непосредственно передал Афанасию право взимать вывод²⁹. В 1590 г., передавая патриаршие угодья Новинскому монастырю, патриарх Иов оговорил, что вывод, который ранее уплачивался патриарху, будет отныне платиться игумену монастыря³⁰. Поскольку великий князь, по всей вероятности, дал патриарху (или до него митрополиту) и землю, и тарханную грамоту, право взимать вывод передано Новинскому монастырю через вторые руки. В целом, когда в XV в. царь начал давать землю за службу, владельцу имения отходило право «собирать зерно и доход» – в том числе, видимо, выводные деньги как часть «мелкого дохода», иногда указывавшегося в тексте пожалования, – которое раньше принадлежало царю, его местному правителю или бывшему владельцу конфискованного имения³¹. К XVII в. владельцы и вотчин, и жалованных поместий, а также владельцы церковных земель собирали то, что к тому времени стало частной пошлиной на вывод невест. В крупных имениях вывод обычно шел в доход приказчику.

Материалы, свидетельствующие о том, что даже во время заповедных лет женщины выходили замуж в чужие владения, вполне надежны, хотя их не так много, в то время как не осталось ни малейших свидетельств того, что женщинам не давали выйти замуж за рубеж, хотя такое наверняка иногда случалось. В 1591 г. Иосифо-Волоколамский монастырь дал наказ одному из своих приказчиков брать по 6 копеек (по контрасту с 4 копейками, взимавшимися до того) в случае, когда отец выдавал дочь замуж в чужое имение³². В 1607 г. патриарх Гермоген обязал крестьян, принадлежавших Благовещенскому монастырю, платить своему старцу 10 копеек, когда невесту отдавали за пределы монастырских владений³³. В 1619 г. царь Михаил Федорович дал патриарху Филарету подтвердительную грамоту на Ржевскую десятину, которая изначально была пожалована митрополиту Московскому в 1564 г., с четко прописанной передачей митрополиту, а ныне патриарху права собирать – среди прочих – выводную пошлину³⁴. В 1620 и 1621 гг. он наделил той же привилегией другие патриаршие владения³⁵. Приблизительно в 1620 г. царь Михаил издал указ, согласно которому те, кто жил в ямских слободах и на окружающей территории, обязаны были платить царю 3 копейки, если отдавали дочь замуж в другую юрисдикцию. В 1620–1630-х гг. архиепископ Рязанский и Покровский девичий монастырь устанавливали выводные деньги в своих владениях в размере 10–20 копеек³⁶.

²⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.: АН СССР, 1964. Т. 3. С. 146–147.

²⁹ Это указано в подтвердительной грамоте патриарху Филарету на владение землей и на право собирать вывод (Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: АН СССР, 1961. Ч. 3. С. 98–99).

³⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. С. 45. Есть и другие подобные дарственные патриарха.

³¹ Архивный материал: новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. М.: Университетская тип., 1905. С. 124–128 и в других местах. См. также: Се аз пожаловал есми... в поместье. Жалованная грамота Ивана III 1482 года // Исторический архив. 1993. № 5. С. 187–189; Корбин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. С. 107; Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago: University of Chicago Press, 1971. P. 27–28.

³² Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. М.: АН СССР, 1948. С. 161–162; Щенетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI века // Исторические записки. 1946. Вып. 18. С. 116.

³³ Акты феодального землевладения. М.: АН СССР, 1961. Ч. 3. С. 85–86.

³⁴ Там же. С. 98.

³⁵ Там же. С. 107, 115.

³⁶ Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820. С. 75; Материалы для истории Владимирской губернии. Владимир: Типолиитография губернского правления, 1904. Вып. 3. С. 329; Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Ф. 17 (Личный фонд Уваровых). Оп. 2. Д. 2а; Д. 302. Л. 1.

Информация, подтверждающая, что собственники-миряне в первой половине XVII в. отпускали крепостных женщин для вступления в брак, скудна, но в 1631 г. Воин Карсаков приказал старосте на своем Вышеславском поместье в Суздальском уезде брать выводное, когда женщины выходили замуж в чужие владения³⁷. В 1643 г. приказчик имения, принадлежавшего вдове Феодосии Волинской, в районе, позже ставшем частью Вологодской губернии, взял выводное в размере 2 рублей с женщины, которая затем оказалась уже замужем, и распорядился, чтобы местный священник совершил обряд венчания. Приказчик, знамо дело, потребовал непомерную сумму 2 рубля за пособление незаконному браку³⁸. В любом случае обильный материал по второй половине XVII в. не оставляет сомнений. Скудность информации о том, как помещики обходились с браками крепостных в первой половине этого века, объясняется малым количеством какой бы то ни было частной переписки того времени, дошедшей до нас. Обычай отпускать женщин из имений был настолько широко принят в начале XVII в., что в 1607 г. в указе о заповедных летах, в течение которых переход крестьян (мужского пола) из одного имения в другое запрещался, царь Василий Шуйский заявил, что свобода передвижения в брачных целях распространяется даже на холопов: если хозяин не обеспечил девке замужество до 18 лет или мужику женитьбу до 20 лет, то государев служащий должен был выдать им отпускные грамоты – так, чтобы они могли самостоятельно искать себе супругов³⁹.

Формулировка статьи 19 главы 11 в Уложении 1649 г. «а будет» помещик или вотчинник из поместья своего крестьянских дочерей отпускать идти замуж предполагает, что отпуск оставался на усмотрение владельца. Василий Семевский высказал мнение, что официальное требование к владельцам выдавать отпускную грамоту должно было вызывать у них нежелание это делать и, таким образом, препятствовать выходу женщин замуж в чужие поместья⁴⁰. Мне, однако, встретился только один документ, подтверждающий, что, возможно, некоторые из владельцев все-таки упорствовали в нежелании отпускать крепостных женщин: где-то во второй половине XVII в. Воскресенский монастырь в Череповце запретил вдовам и девкам в его поместьях в Белозерском уезде выходить замуж за тех, кто не проживает в деревне, принадлежащей монастырю⁴¹. Алексей Новосельский утверждает, что Андрей Безобразов (1621–1690; был казнен за то, что прибег к помощи колдунов, дабы расположить к себе молодого Петра I) энергично вмешивался в браки своих крепостных и тем самым мостил дорогу к полному контролю над браками со стороны помещиков в XVIII в.⁴² Как и Семевский, Новосельский принимает это за аксиому, неверно истолковывая фактическую информацию. Один из приказчиков Безобразова действительно докладывал, что какие-то крепостные женщины вышли замуж в чужое владение, не испросив, как положено, разрешения у Безобразова, но в переписке не содержится никаких сведений о том, что Безобразов когда-либо отказывал в разрешении (он, возможно, всего лишь хотел проследить, чтобы были выданы необходимые отпускные грамоты),

³⁷ Материалы для истории Владимирской. Вып. 3. С. 333. Текст обрывается за одну строчку до того, как Карсаков определил размер выводного.

³⁸ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М.: Изд-во П. И. Щукина, 1898. Ч. 3. С. 79. Крестьянин отрицал, что ему было известно о бигамии жены, но, вполне возможно, говорил неправду.

³⁹ Памятники истории крестьян XIV–XIX вв. М.: Изд-во Н. Н. Ключкова, 1910. С. 49. В указе 1607 г. не говорится, что крепостная женщина имела право выйти замуж в другое имение, потому, вероятно, все это уже и так знали. К сожалению, на текст указа нельзя полагаться, поскольку он был частично подделан Василием Татищевым на основе более поздних документов XVII в. Тщательный анализ был проведен В. А. Аракчеевым (Соборное уложение 9 марта 1607 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 98–114). Он делает вывод, что это положение присутствовало в сохранившемся фрагменте оригинала, так как его не было в позднейших законах и указах, из которых Татищев заимствовал.

⁴⁰ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. Т. 2. 2-е изд. С. 302.

⁴¹ ГИМ ОПИ. Ф. 229 (Материалы к истории землевладения, крестьян и дворян). Оп. 1. Д. 46. Л. 12–12 об. Документ без даты, но написан, согласно приписке архивиста, почерком второй половины XVII в.

⁴² Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 73, 78 и в прочих местах.

зато достаточно доказательств того, что его крепостные девки выходили замуж на сторону безвозбранно. Безобразов на самом деле отзывался на жалобы крепостных о том, что они так бедны и никто не принимает сватовства их сыновей, отдавая распоряжение приказчикам найти несчастным юношам невест и прибегая при необходимости к нажиму (что иногда не приносило результата). С позиции жениха, по крайней мере, Безобразов оказывал таким образом матримониальную услугу⁴³.

Все остальные данные свидетельствуют в пользу того, что практически повсеместно владельцы позволяли своим крепостным женщинам выходить замуж через границы поместий. Монастыри Свято-Пафнутьев Боровский, Спасо-Прилутский, Кирилло-Белозерский, Свято-Троицкая Сергиева лавра и Нижегородская епархия, например, во второй половине XVII в. позволяли браки с переходом в чужие имения⁴⁴. Тысячи отпускных грамот, сохранившихся со второй половины XVII в., делают очевидным, что границы владений не были границами матримониального рынка. И хотя Уложение 1649 г., судя по всему, касалось только выхода замуж крепостных девок за крепостных мужиков (холопов) – в каком случае их свобода была мимолетной и обрывалась, как только они шли под венец, попадая таким образом обратно в крепостную зависимость, – на самом деле крепостные крестьянки иногда выходили замуж за некрепостных крестьян или за мещан, приобретая после свадьбы правовой статус мужа.

Подавляющее большинство уцелевших отпускных документов XVII в. не отвечают требованию Уложения 1649 г. об указании размера выводного. В некоторых выводное вообще не упоминается, что может означать, что, когда девушка покидала поместье, денег за это действительно не брали; в некоторых отпускных грамотах прямо указывается, что девушку отпустили безвыводно⁴⁵. В некоторых сказано, что выводное было взято «по договору», в других, что «по указу [хозяина]», а в некоторых, что выводное «уплачено все сполна». По указанным в отпускных бумагах пошлинам получается, что в середине века уровень выводных был низким, медленно поднимался к началу 1680-х, затем, в конце 1680-х и 1690-х, вырос на порядок или больше, но не во всех владениях.

В середине XVII в. выводные были в основном по 10–20 копеек. Управляющие дворцовыми владениями начиная с 1647 г. взимали за вывод невесты по 10 копеек⁴⁶. В 1650-х гг. в отпускных грамотах, представлявших в Суздальский Рождественский собор девушками из дворянских, монастырских, патриарших и дворцовых имений, вписаны пошлины в пределах от 12,5 до 20 копеек; крепостной, написавший отпускную собственной дочери, взял с крепостного из Суздальской епархии 25 копеек⁴⁷. Примерно в то же самое время Борис Морозов – самая влиятельная фигура при дворе царя Алексея – взимал выводное в размере 13 копеек или столько, сколько брали в соседних имениях, если его собственным крепостным приходилось

⁴³ Переписка Безобразова о браках крепостных: РГАДА. Ф. 1257 (Безобразовы). Оп. 1. Д. 1. Л. 401 – 403 об.; Д. 3. Л. 271–271 об.; Д. 4. Л. 317, 403–403 об., 463–464 об.; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 29 (Беляев). Д. 135. Л. 92–93. Три из этих документов опубликованы в: Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. М.: Памятники исторической мысли, 2012. Ч. 1. С. 442, 658–661. См. дополнительные доклады, посланные приказчиками Безобразову, о выводных или о девушках, отпущенных замуж из его имений (Там же. С. 441, 458, 500, 638, 646).

⁴⁴ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М.: Наука, 1977. С. 258, 300–301; РГАДА. Ф. 1441 (Кирилло-Белозерский монастырь). Оп. 2. Ч. 1. Д. 2285. Л. 2; Щенетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI века // Исторические записки. 1946. Вып. 18. С. 116; ЦАНО. Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория). Оп. 552, 1726. Д. 42. Л. 11.

⁴⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Коллекция. Ед. хр. 13. Д. 1363. Л. 2, 5 (Л. 1, 5. Муромский посад; касается мещанок, выходивших замуж в крепостные деревни); Шумаков С. Обзор «Грамот Коллегии экономии». М.: Синодальная типография, 1917. Вып. 4. Кострома «со товарищи» и Переславль-Залесский. С. 415–416.

⁴⁶ Гневушев А. М. Новгородский дворцовый приказ в XVII веке (краткий очерк деятельности приказа и документы). М.: Русская печатня, 1911. С. 9–10.

⁴⁷ Описание актов собрания Графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым под редакцией профессора М. В. Довнар-Запольского. М., 1905. С. 129, 131–132.

платить больше⁴⁸. В 1650-х более мелкие дворяне, монастыри и Успенский собор в Кремле взыскивали по 7–25 копеек за отпуск крепостных невест в замужество⁴⁹. В 1658 г. архимандрит Печерского монастыря в Нижнем Новгороде распорядился собирать по 10 копеек за девицу, по 20 за вдову или столько, сколько взимали соседи, если монастырским крепостным женихам приходилось платить им больше⁵⁰.

С 1660-х по конец 1680-х гг. выводные увеличились совсем ненамного. В 1660-х государственный служащий взыскал 25 копеек (по его расчетам, по-видимому, это соответствовало обычной местной таксе) за вывод девушки из конфискованного поместья в Казанском уезде, в то же время два помещика из Белозерского уезда взимали по 1–2 рубля соответственно (это были крайние случаи)⁵¹. В 1670–1690-х гг. монастыри в Переславль-Залесском, Суздале и Владимире выдавали и получали отпускные грамоты с проставленными выводными в 13–40 копеек⁵².

В конце 1680-х и в 1690-х гг. ряд владельцев повысили таксу довольно сильно и, по всей видимости, внезапно. В 1681 г., например, Саввино-Сторожевский монастырь дал распоряжение приписному Спасо-Зарецкому монастырю взимать выводные, равные выводным в соседних имениях, так что мы можем считать, что в том году монахи Спасо-Зарецкого монастыря следовали в своих владениях обычаям края⁵³. Затем, в 1689 г., Саввино-Сторожевский монастырь распорядился, чтобы его приписной Пурдышевский монастырь брал за женщин, выходящих замуж в чужие деревни, вывод в размере 2 рублей 20 копеек, что безусловно означает, что Саввино-Сторожевский монастырь установил у себя такую же таксу⁵⁴. В 1691 г. Иван Семенов из Ржевского уезда взял 5 рублей выводного за вдову, вышедшую замуж за крепостного, приписанного к Иосифо-Волоколамскому монастырю; вдова забрала с собой трех незамужних дочерей, и Семенов должен был получить по 3 рубля за каждую, когда они в свою очередь пойдут под венец⁵⁵. С другой стороны, Нижегородская епархия в 1690-х собирала всего по 15 копеек с женщин, вышедших замуж за пределы епархиальных имений⁵⁶. Отдельные выводные доходили до 2 рублей в 1690 г. в Кашинском уезде, 5 рублей в 1690 г. в Старицком уезде, 6 рублей в 1693 г. в окрестностях Москвы, 30 копеек в 1695 г. в Суздальском уезде, 2 рублей в 1696 г. в Курмишском уезде⁵⁷. Монастыри чаще всего взимали от 20 до 50 копеек⁵⁸. Нет осно-

⁴⁸ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М.: АН СССР, 1940. Ч. 1. С. 152; *Забелин И. Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII век) // Вестник Европы. 1871. № 1. С. 22–23; *Петрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л.: Наука, 1967. С. 71.

⁴⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1а, 2а, 3, 136, 152, 296с, 428; *Дмитриева З. В.* Уставные грамоты Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 266–267.

⁵⁰ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1851. Т. 4. С. 98.

⁵¹ *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии» // Тексты и обзор белозерских актов (1395–1758 гг.). М.: ИОИДР, 1900. Вып. 2. С. 30 (Белозерск); Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб.: Археографическая комиссия, 1864. Т. 2. Стб. 582 (конфискованное поместье); ГИМ ОПИ. Ф. 229. Оп. 1. Ед. хр. 46 (Документы Смоляниновых). Л. 19 (Белозерск).

⁵² *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 2. С. 238; Там же. Вып. 4. С. 415; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. С. 281–282; ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1; Д. 102; Оп. 2а. Д. 251, 252; Оп. 4. Д. 550.

⁵³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. Т. 5: 1676–1700. С. 96.

⁵⁴ Там же. С. 333.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский монастырь). Оп. 1. Д. 1148.

⁵⁶ ЦАНО. Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория). Оп. 552, 1726. Д. 42. Л. 51. Эта информация о размерах выводных в прошлом представлена в форме пояснительной записки, составленной в 1725 г. в подготовку к составлению новых инструкций для приказчиков.

⁵⁷ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданы Археографической комиссией. СПб.: Археографическая комиссия, 1864. Т. 2. Стб. 650–652 (примеры из 1690, 1693 и 1696 гг.); ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Коллекция. Ед. хр. 4. Д. 563 (1695).

ваний считать, что большинство владельцев брали больше 2 рублей, когда крепостные женщины уходили из их имений в замужество, поскольку (как я поясню дальше) 2 рубля были исключением даже в начале XVIII в. Тем не менее мы можем сказать, что в 1690-х гг. некоторые владельцы крепостных начинали рассматривать выводные деньги не как взимаемую на общепринятых основаниях относительно мелкую пошлину, а как продажу собственности.

Этот новый подход к выводным складывался одновременно с возникновением рынка купли-продажи крепостных. За некоторыми исключениями, возможно, купля-продажа отдельных крепостных (то есть отдельно от земли) началась только во второй половине XVII в. и совершалась на первых порах околичными путями: бывшему владельцу платились деньги за беглых крепостных, живущих теперь в имении нового хозяина, или же крепостного отдавали в заклад под невозвращавшийся долг. Лишь с 1675 г. стало возможно записывать купчие на отдельных крепостных (без земли). И только в 1688 г. вышел указ «учинить» в Поместном приказе специальные Записные книги крепостей на крестьян. Именно с этого момента продажи всякого рода стали, похоже, стремительно расширяться. Единственным доступным нам статистическим показателем, по всей видимости, может считаться число «околичных продаж», зарегистрированных в Новгороде: 4 в 1667–1676 гг., 7 в 1677–1686 гг., 124 в 1687–1699 гг.⁵⁹ Установить, какой могла быть общепринятая ставка за крепостную девку брачного возраста, не представляется возможным, поскольку большинство крепостных продавались семейными группами. Однако во время одной из сделок 1689 г. девушку в брачном возрасте продали за 10 рублей. Это была внушительная сумма, гораздо выше 2–4 рублей, которые платились за незамужнюю крепостную в 1730–1740-х гг. Почти все известные нам цены за группы крепостных в конце XVII в. были выше цен за подобные группы в первой половине XVIII в.⁶⁰ Возможно, это типично для становления рынка новых товаров, в данном случае крепостных без земли – сначала цены высокие, а затем, по мере расширения объемов продаж, продавцы и покупатели выходят на цену, обеспечивающую равновесие спроса и предложения. Резкий скачок в размере выводного в 1690-х гг. был почти несомненно отражением высоких цен, назначавшихся за крепостных без земли, когда они впервые стали появляться на рынке в более или менее значительном количестве.

Шаблон «отпускной бумажки» – имя-фамилия женщины и ее мужа, сумма выводного (если указана), владелец отпускающий и владелец принимающий невесту – не раскрывает нам человеческой драмы, которая наверняка в некоторых случаях предшествовала ее написанию, но иногда дает кое-какие намеки. Отпускное письмо от 1691 г., оформившее согласие ржевского помещика отпустить вдову по уплате 5 рублей с оговоркой, что он в будущем получит по 3 рубля за каждую из трех ее дочерей, когда они будут выходить замуж, говорит нам не только о скачке в размере выводного в 1690-х. Чем это вдова и дочери так привлекли крепостного крестьянина Волоколамского монастыря, что он готов был заплатить подобную цену, и откуда у него взялись деньги? А как насчет крепостного крестьянина-отца, который сам оформил отпускное письмо дочери и забрал себе плату? Надул ли он таким образом своего владельца, и не могло ли это быть обычным делом в местностях, где крепостные жили в маленьких деревнях вдали от глаз хозяина? Мошенничество приказчиков должно было быть весьма распространено, как показывает эпизод с крепостными Андрея Безобразова. 9 марта 1670 г. приказчик с. Ивашково Владимирской губернии отписал Безобразову, что, мол, собрал по 50 копеек

⁵⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1, 115, 119, 36, 461, 465, 473.

⁵⁹ *Майков А. Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 193–217. Вполне, как представляется, обоснованное утверждение, что Борис Морозов покупал крепостных без земли еще до 1650 г., находим у Петрикеева: Крупное крепостное хозяйство. С. 156–157. Ссылки на «купленных крестьян» встречаются иногда в переписке Андрея Безобразова: Архив стольника. С. 230–231 (1671), 650 (1681).

⁶⁰ *Майков А. Г.* Развитие. С. 210–211; *Борисов В.* Помещичье хозяйство. Цена людей в конце XVII века // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1898. Кн. 4. Смесь. С. 22–24.

выводного за каждую из трех девок, отпущенных в замужество. 13 марта крепостные того же села послали челобитную с нижайшей просьбой избавить их от многих лишений, жалуясь, что приказчик на самом деле взыскал по 60 копеек за каждую отпущенную девушку, а трех других отпустил, поимев по 2 рубля с четвертью с каждой, доложив при этом Безобразову, что не получил с них никаких выводных, так как они, мол, поменяны были на привозных невест. Еще ивашковские плакались, что приходится платить по 1 рублю 20 копеек и более за вывод девок из соседних деревень, а в следующем предложении просили снизить гужевые повинности⁶¹. Крепостные явно пытались выжать какую-нибудь выгоду для себя из разницы в местных ставках за вывод невест и доноса о приказчиковых злоупотреблениях.

Челобитные, поданные Безобразову (по случайному совпадению в марте 1670 г.) из деревни Суздальской губернии, свидетельствуют о том, что крестьянская община могла чинить препятствия браку с не меньшим, по крайней мере, успехом, чем какой-нибудь помещик того времени. Артем Семенов жалуется, что соседи отказываются отдавать своих дочерей замуж за его сына Фролку, потому что, по их мнению, Артем с женой до смерти забили Фролкину первую женку. Артем клянется, что это враки. Безобразов получает отдельное сообщение от местных крепостных крестьян, что Фролка жену свою колотил. Фролка в своей челобитной плачется, что ни одна семья в деревне не хочет выдать дочь за него и из соседних деревень не отдают: требуют выкупа в 5 рублей, а то и более, а ему платить не по силам. Это была, по видимому, учтивая форма отказа жениху⁶².

Если очевидно, что пятирублевый выкуп являлся непреодолимым препятствием для брака в округе Фролкиной деревни, то с какого уровня выводное становилось серьезной помехой для ищущего себе невесту крестьянина? Типичный заработок крестьянского труда вне деревни в среднем равнялся 3 копейкам в день, каменщикам платили около 8 копеек за день. Сложить обычного типа печку могло обойтись крестьянину примерно в 1 рубль 70 копеек; ведро водки, выставлявшееся семьей жениха на свадьбу, стоило 55 копеек⁶³. В конце XVII в. выводное в размере 50 копеек могло, вероятно, позволить себе большинство крестьянских дворов. Два или более рублей за вывод отнимали, наверное, надежду у многих потенциальных женихов, но сохранившиеся отпускные бумаги, где указан размер платы такого порядка, свидетельствуют о том, что были крестьяне, способные столько заплатить. Обычные выводные в начале XVIII в. зачастую были ниже 50 копеек, но поднимались и до 1, а в некоторых районах до 2 рублей⁶⁴. Обычное для XVII в. выводное не могло помешать большинству крепостных подыскать себе невесту или не крепостным жениться на крепостной.

Так или иначе, кладка, которую отец жениха должен был выложить отцу невесты, влияла на выбор жен, скорее всего, больше, чем выводное. Сведения о том, сколько крестьяне XVII в. запрашивали друг с друга за выдачу дочерей замуж, достались нам единственно от группы владений, принадлежавших солотчинскому монастырю в Рязанском уезде, и относятся к концу 1680-х и 1690-м гг. В тот период отцы женихов из Солотчинских поместий платили кладку в 3–4 рубля; в одном случае отец потребовал за свою дочь 6 рублей, в другом – снизил плату до двух, потому, вероятно, что зять не забирал дочку, а шел жить в их двор⁶⁵. Стремление самих крестьян получить солидную цену за дочерей действительно являлось, как жаловались

⁶¹ Архив стольника. С. 441–442.

⁶² РГАДА. Ф. 1257. Оп. 1. Д. 3. Л. 402–403 об.

⁶³ *Hellie R.* The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago: University of Chicago Press, 1999. P. 419, 450–451, 139, 105.

⁶⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1а; Д. 148; Ф. 229. Оп. 1. Д. 4. Л. 79; РГАДА. Ф. 615 (Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв.). Оп. 1. Д. 8526 (Пошехонье, 1704–1710); Д. 8529 (Пошехонье, 1714). Рязанский уезд, о котором позже пойдет речь, был одним из первых, где двухрублевое выводное стало нормой.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1202 (Солотчинский Рождественский мужской монастырь). Оп. 1. Д. 265, 324, 451, 502; *Доброклонский А. П.* Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII веке // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1881. № 1. С. 72.

Солотчинские крепостные в челобитных архимандриту, камнем преткновения в приобретении невесты⁶⁶. В то время как до 1696 г. выводное Солотчинские крепостные платили сравнительно скромное – 25 копеек. В ноябре 1696 г. монастырь попытался поднять ставку, по крайней мере в одном из владений, до 3 рублей. Крепостные воспротивились, и ставка была понижена до 2 рублей или же «по рассмотрению» старца, отвечавшего за деревню. Когда в 1708 г. девушка вышла замуж в другую деревню, монастырь взыскал всего лишь 1 рубль выводного⁶⁷. То есть монастырь в 1696 г. сделал попытку собирать за вывод столько же, сколько крестьяне брали за своих дочерей. Как и Шереметев, монахи в результате пошли на попятную.

Необходимо признать, что дворяне XVII в. позволяли крепостным женщинам уходить в замужество потому, что им была ясна двусторонняя природа движения невест: их девки покидают имение, но их мужики приводят к ним своих невест, и так будет продолжаться при условии, что соседские помещики следуют тому же обычаю. Крестьяне сами понимали, что брак предполагает многосторонний обмен дочерьми, как солотчинские крепостные толковали это в челобитных архимандриту. 12 из 18 отцов, просивших его содействия в приобретении жен для сыновей в свадебный сезон с сентября 1693 по февраль 1694 г., напомнили ему, что они отдали своих дочерей по его указу и ожидали, соответственно, компенсации такого же рода. Типичной была челобитная Васки Климентева от 1694 г. В октябре мне приказали выдать дочь за сына Леонтия Подшивалова, мой сын Тимошка достиг совершеннолетия, моя жена немощна, у Захара Афанасева есть дочь брачного возраста, пожалуйста, прикажи ему выдать ее, чтобы мой дом не погиб, писал он⁶⁸. То, что в представлении крестьян могло быть обменом между дворами в одном и том же имении, дворяне XVII в. понимали, по всей видимости, как обмен среди многих имений.

ПОНЯТИЯ КРЕПОСТНЫХ О МОРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ БРАКА ОДЕРЖИВАЮТ ВЕРХ, 1700–1750-Е

В течение XVIII столетия дворяне вводили в управление поместьями все больше детально прописанных правил. Существует некий историографический консенсус, что, мол, с начала этого века помещики насильно вмешивались в браки своих крепостных и, в частности, запрещали крепостным крестьянкам выходить замуж на сторону, а также принуждали всех своих крепостных жениться, причем в раннем возрасте⁶⁹. Материалы по первой половине XVIII в. показывают, однако, что в отношении браков крепостных большинство дворян сохраняли нейтралитет. Дошедшие до нас инструкции о вотчинном управлении – явно случайная

⁶⁶ Полное исследование брака среди солотчинских крепостных в 1690-х гг. можно найти в работе: *Бушнелл Д.* Борьба за невесту. Крестьянские свадьбы в Рязанском уезде 1690-х гг. // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2006. № 2. С. 81–98.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1202 (Солотчинский монастырь). Оп. 1. Д. 499, 502.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 324. Л. 29. Остальные челобитные см.: Там же: Л. 4, 5, 8, 13, 14, 18, 19, 25, 26, 27, 28. Я разбираю обычай, бывший в ходу у крестьян в солотчинских поместьях и требовавший, чтобы архимандрит приказал им выдать дочь замуж: *Бушнелл Д.* Борьба за невесту. Вкратце, это позволяло им избежать бесчестного, по их разумению, поступка – добровольной выдачи дочерей.

⁶⁹ Достаточно привести мнения только самых серьезных историков: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 302–324 и в разных местах; *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976. С. 303–309; *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. С. 152–153; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 3-е изд. С. 167–168. Исключением из этого консенсуса является: *Moon D.* The Russian Peasantry 1699–1930. The World the Peasants Made. London: Longman, 1999. P. 168. Остальные приняли сведения из второй половины XVIII в. как отражающие ситуацию в этом веке в целом. По вотчинным инструкциям в целом: *Александров В. А.* Сельская община. С. 47–116; *Тихонов Ю. А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М.; СПб.: Летний сад, 2005. С. 337–413; *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. С. 132–148.

выборка из общего числа – составлены в основном знатными вельможами того времени и, вероятно, отражают образ мышления этого класса. До 1750 г. они уделяли мало внимания бракам крепостных. Сохранилось немного источников со сведениями о более мелких вотчинниках, составлявших значительное большинство дворянства. По всей вероятности, мало кто из них давал себе труд разрабатывать свод правил управления, но представление об их подходе к делу можно получить из других источников.

Действительно, как минимум у двух вельмож указы приказчикам содержали правило, запрещавшее девицам и вдовам выходить замуж за пределами своего имения. В 1718 г. фаворит Петра I Дмитрий Алексеевич Шепелев (1681–1759) послал инструкции в свое сельцо Глинки Михайловского уезда и – с небольшими отличиями – в свои вотчины в Угличском, Луховском и Рязском уездах (все они, по всей видимости, были недавно получены женой Шепелева от жены Петра I Екатерины в качестве приданого), требовавшие не пускать женщин замуж за пределы вотчины и, когда крепостные вступали в брак, взимать по 50 копеек с жениха и невесты⁷⁰. Князь Алексей Михайлович Черкасский (1680–1742) составил инструкции по управлению своего села Маркова около Москвы в январе 1719 г., возможно в предвидении назначения в мае на должность губернатора Сибири. Он также запретил вневотчинные браки и в придачу наложил запрет на браки с пришлыми работниками⁷¹. Ни Шепелев, ни Черкасский не объясняют причины этих запретов, но мы можем предположить, что они считали выход женщины замуж на сторону потерей собственности. В 1742 г. Василий Татищев (1686–1750; в то время губернатор Астрахани, более известный как историк и фальсификатор исторических источников) в своих неопубликованных записках рекомендовал не позволять девицам и вдовам уходить из вотчины в замужество, потому что, унося с собой приданое, они обедняют имение⁷².

Артемий Волынский (1689–1740; казненный по обвинению в заговоре против императрицы Анны), напротив, не запрещал своим крепостным крестьянкам выходить замуж на сторону, но был, возможно, первым, кто установил требование, чтобы крепостные женились к определенному возрасту. В 1724 г. – возможно, в связи с назначением в 1723 г. казанским губернатором – он составил длинный список инструкций своему дворецкому Ивану Немчинову. Помимо прочего, он приказал Немчинову принять меры к тому, чтобы мужики к 20 годам женились, так как Волынский полагал, что они тянут с женитьбой, дабы избежать причисления к тяглу. Он приказал также, чтобы они тягло тянули с 20 лет, даже если не женаты; женитьба к 20 годам не была жестким требованием. В то же время Волынский распорядился об оказании вспомоществования бедным сиротам для выхода замуж: если денег было немного, им полагалось выдавать по 1–2 рубля, если денег было больше – по 5 рублей, но получить это пособие они могли, только если выходили замуж в своей вотчине, а не на сторону. Девочек безродных было приказано приставлять к работе на барском дворе и, как «приспеют», выдавать замуж за своих крестьян. А если у себя не будет женихов, то выдавать их замуж в чужие деревни, но при этом жених должен уплатить вывод (сумма не оговаривалась)⁷³.

Шепелев, Черкасский и Волынский не были, конечно, единственными вотчинниками, которые в первой половине XVIII в. делали попытки контролировать, где и в каком воз-

⁷⁰ Петровская И. Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII века // Исторический архив. М.: АН СССР, 1953. Т. 8. С. 224, 234–235; Русский биографический словарь. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911. Т. 23. С. 96–97. 50-копеечный сбор был отголоском *убруса*, собиравшегося в пользу князя с каждой свадьбы и – так же, как *выводная куница* – позже приватизированного.

⁷¹ Петровская И. Ф. Наказы. С. 250–253; Русский биографический словарь. СПб.: Тип. А. Н. Скороходова, 1905. Т. 22. С. 183–194.

⁷² «Краткие экономические до деревни следующие записки» в: Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 409.

⁷³ Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и Регула о лошадях. СПб., 1881. С. 14, 16–19; Anisimov E. Five Empresses. Westport: Praeger, 2004. С. 78, 100, 121–123.

расте вступают в брак их крепостные⁷⁴. Среди сохранившихся списков вотчинных правил было, однако, больше таких – составленных, между прочим, не менее именитыми дворянами (Строгановыми, Шереметевыми, Салтыковыми, Головкиными, Патриархатом, Кирилло-Белозерским монастырем), – где требования не заходили дальше взимания выводов или приказа, чтобы у женщин, приходящих в имение в замужество, и у крепостных крестьянок, уходящих из имения⁷⁵. Бутурлины давали приказчикам, управлявшим их палехской вотчиной (позднее ставшей частью Владимирской губернии), указания лишь самого общего порядка. Время от времени они издавали краткие инструкции, касавшиеся брака: женщины могли выходить замуж на сторону при условии уплаты вывода, невест можно было брать со стороны, только если у них были отпускные грамоты⁷⁶. Михаил Головкин, бывший вице-канцлером во время регентства Анны Леопольдовны, составил в 1740 г. «Контракт» с крестьянами своего Кимринского поместья (в Кашинском уезде позднее ставшей Тверской губернии). После того как в 1741 г. Головкин был арестован и сослан в Сибирь, а его поместья конфискованы только что возведенной на престол императрицей Елизаветой, данный документ попал в документацию Палаты государственного имущества. Головкин позволял крестьянкам уходить из поместья в замужество безвыводно и не проявлял интереса к тому, в каком возрасте его крепостные вступали в брак. Единственная его инструкция относительно брака была о том, чтобы каждый жених в вотчине уплатил 45 копеек⁷⁷.

Духовные владельцы придерживались столь же широких взглядов. Архиепископ Питирим Нижегородский в инструкциях 1726 г. управителям владений, доходы от которых шли на содержание его епархии, сделал жест в сторону ограничения свободы передвижения женщин, но в действительности не ограничил ее. Когда к вотчинной девке сватаются и мужик со своей вотчины, и чужой, писал Питирим, она должна выйти за своего. Женщины, не имевшие местных женихов, могли выходить за чужих при условии уплаты вывода. Любой уважающий себя крестьянин сумел бы воспользоваться столь вместительной лазейкой, и трудно поверить, что Питирим этого не понимал⁷⁸. В 1720-х гг. Троице-Гledenский монастырь в Великом Устюге отдал распоряжение своим вотчинным приказчикам следить за тем, чтобы у невест, приводимых в монастырские владения из чужих имений, были отпускные грамоты, а те, кто выхо-

⁷⁴ Петр Бестужев-Рюмин установил также в 1730-х гг. возраст, к которому его крепостные крестьянки в Пошехонском уезде Новгородской губернии должны были выйти замуж, но его аргументация была весьма эксцентрична (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. С. 201. Гл. 2). В своем указе от 1724 г., запрещавшем родителям принуждать невест и женихов вступать в брак, Петр I вскользь упоминает, что владельцы не должны насильно женить или выдавать замуж своих холопов (Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 7. С. 197–198). В 1723 г. Петр отменил холопство, но указ был подготовлен в 1722 г. Вероятно, Петр имел в виду применять указ именно и только к холопам. В указе ничего не сказано о крепостных; скорее всего, Петр полагал, что владельцы крепостных душ и так не принуждают их к браку.

⁷⁵ *Андреев А. И.* Наказ вотчинника крестьянам 1709 г. // Исторический архив. М.: АН СССР, 1953. Т. 8. С. 271 (Андрей Винуус, 1709); *Устюгов Н. В.* Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVII в. // Исторический архив. М.: АН СССР, 1949. Т. 4. С. 160–161 (Строгановы, 1725); *Щенетов К. Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметева. М.: Дворец-музей, 1947 (Анна Шереметева, 1727). С. 267; *Рязановский Ф. А.* Крестьяне Галичской вотчины Мешериновых в XVII – первой половине XVIII века. Галич, 1927. С. 39–40 (Владимир Салтыков, 1732); РГАДА. Ф. 1441. (Кирилло-Белозерский монастырь). Оп. 2. Ч. 1. Д. 2285. Л. 2 (1735); *Горчаков М. И.* О земельных владениях Всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода, 988–1738 гг. СПб.: Тип. А. Траншелия, 1871. Приложение. С. 168–169 (1714).

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1365 (Бутурлины). Оп. 1. Д. 20. Л. 6 (1717), 18–19 (1719); Д. 36. Л. 3–4 (1720), 5 (1721), 8–8 об. (1721), 26–26 об. (1728).

⁷⁷ *Тихонов Ю. А.* Договор (Контракт) 1740 года М. Г. Головкина с выборными крестьянами об управлении ими имением в селе Кимри с деревнями // Отечественная история. 2003. № 3. С. 146–151.

⁷⁸ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552: 1726. Д. 42. Л. 11. Святейший синод поручил Питириму издать вотчинные инструкции, и он доложил о выполнении поручения (Там же. Л. 20–21 об.). Изначального предписания Синода нет в архивной папке, возможно, Синод дал определенные наметки по составлению правил. Ни Синод, ни Питирим не могли рекомендовать непосредственного принуждения в отношении крестьян, поскольку это нарушило бы правило самой Церкви, что идущие под венец должны дать согласие на брак.

дил замуж в чужие деревни, платили такие же выводные, какие взимали помещики в данной округе⁷⁹.

Упоминания в инструкциях брака большинством вотчинников в первой половине XVIII в. ограничивалось наказом приказчикам брать вывод с женщин, уходящих из их владений замуж в другое, и проверять, в порядке ли отпускные бумажки (реже – собирать небольшую мзду, когда свадьба празднуется у себя). То есть большинство дворян считали само собой разумеющимся, что крепостные женщины находили мужей за пределами вотчин, в которых жили. Они не чинили помех традиционному обычаю крестьян устраивать браки через границы вотчин и не уделяли внимания возрасту, в котором их крепостные вступали в брак.

Когда им вообще приходило в голову принуждать своих крестьян к браку, вотчинники в середине XVIII в., судя по всему, налегали на мужиков и умножение тягол, как это делал Артемий Волынский в 1724 г. Александр Жуков, родившийся около 1700 г. в бедной провинциальной семье (биографу не удалось установить дату его смерти), начал военную службу рядовым, но в 1730-х гг. стал адъютантом генерала Александра Румянцева, а в 1744-м (вероятно, с подачи Румянцева) воеводой Пензенской провинции. На этом посту в 1752 г. он был арестован за зверства и мздоимство. Когда Жуков женился, у него не было собственности, но жена принесла в приданое два небольших имения, и для них Жуков в 1743 г. составил управленческие «пункты». С помощью несправедливо нажитого богатства он в 1751 г. прикупил еще одно имение. Для всех трех своих владений он дословно повторил пункт в наказе от 1743 г. селу Троицкому Елецкого уезда под заголовком «О умножении тяглов». Наказ, в частности, гласил: «...а у которого крестьянина есть дети сыновья или племянника или внучат годные к женидбе таких принуждают чтоб женили и жени накладывать на мужа з женою по полутяглу а будет кто в мысле женить не станет для того чтоб не прибавили тягло то ни на что не взирая на таковых накладывать пополу тягло...»⁸⁰ Как и Артемию Волынскому, Жукову вроде бы хотелось сделать брак принудительным, но он готов был удовлетвориться обложением трудовой повинностью неженатых молодых людей. Мы не знаем, каким из двух указаний руководствовались его приказчики. Другие помещики, хотя тоже связывали наложение денежных и натуральных повинностей с браком, полагали, что все их крестьяне женятся по своей воле. Тимофей Текутьев, гвардейский офицер, также не имевший собственности, пока жена не принесла ему в приданое маленькое имение, в период между 1754 и 1757 гг. сочинил необычайно подробный свод хозяйственных правил – рукопись на 69 листах (138 страницах, если считать обе стороны листа), в котором брак затрагивается лишь один раз и тоже, как у Жукова, в связи с крепостными сборами: «от 18 покуда женитца, по три рубли» брать⁸¹. Здесь нет и намека на то, что мужчин следует принуждать к женитьбе.

Если наказания управляющим, которые владельцы рассылали по своим разбросанным имениям, считать показательными, то они свидетельствуют лишь о ходе их мыслей и о том, что только у незначительного меньшинства было намерение регламентировать браки крепостных, но не о том, что на самом деле происходило в их или других крепостных селах. С другой стороны, крепостные книги контор, в которых должны были регистрироваться, чтобы иметь законную силу, все имущественные сделки (включая отпускные грамоты), показывают, что в первой половине XVIII в. для крепостных женщин было в порядке вещей выходить замуж за

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1187 (Троицкий-Гледенский монастырь). Оп. 1. Д. 2366. Л. 109–109 об.а

⁸⁰ РГАДА. Ф. 196 (Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина). Оп. 1. Д. 1618. Л. 7–7 об., 36–36 об., 48 об. – 49; *Заозерская Е. И.* Помещик Жуков и его хозяйство // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М.: Наука, 1975. С. 213–226; *Неелов Н. Н.* Следственная комиссия о злоупотреблениях Пензенской воеводы Жукова (1752–1756 гг.) // *Чтения ОИДР.* 1888. № 1. С. 1–40 (отдельная нумерация страниц).

⁸¹ *Смилянская Е. Б.* *Дворянское гнездо середины XVIII века. Тимофей Текутьев и его «Инструкции о домашних порядках».* М.: Наука, 1998. С. 58–59; весь документ: С. 32–145.

пределами родного имения (по крайней мере, так было в районах к северу от р. Оки), а также что выводные были довольно скромными⁸².

В 1725 г. в Серпуховском уезде в расчете на 73 женщин, получивших вольную для выхода замуж, с учетом 16 случаев, в которых выводные вообще не взимались, средний размер вывода получается всего 1,43 рубля, а если считать только 57 случаев, где вывод платился, то 1,82 рубля. В период с мая по декабрь 1739 г. (сведения с января по апрель отсутствуют) 18 женщин уезда получили вольную для выхода замуж, заплатив за вывод в среднем по 1,42 рубля. В 1741 г. средний сбор по 22 вольным равнялся 1,73 рубля, в 1744 г. – 2,03 рубля в расчете на 30 выводов. К 1760-м гг. размер среднего сбора поднялся до примерно 2,5 рубля⁸³. Сбор за вывод увеличивался с 1720-х по 1760-е гг., но очень медленно.

В одной большой части Ярославской губернии в первой половине XVIII в. большинство владельцев крепостных душ не требовали никакой платы за вывод, когда их крестьянки выходили замуж в чужие имения. В четырех отпускных бумажках, поступивших в юсуповские имения Романовского уезда в начале XVIII в., выводные не отмечены, еще в одной указан сбор в размере 1,2 рубля⁸⁴. В семейном архиве Щербатовых находится папка с 35 отпускными грамотами за 1719–1762 гг., довольно равномерно распределенными по годам⁸⁵. Одна из них – копия отпускной грамоты для крепостной девки Щербатовых, отпущенной в замужество в другую вотчину, остальные попали в папку, потому что их принесли с собой крепостные женщины из других вотчин, вышедшие замуж во владения Щербатовых в смежных уездах – Ярославском, Ростовском и Романовском. Из первых восьми, датированных годами от 1719 до 1735, только в одной, от 1730 г., обозначен вывод: 1 рубль. Во многих других указана плата – 9 или 10 копеек за написание и регистрацию документа в уездных крепостных конторах. Это дает нам основание считать, что в XVIII в., по крайней мере когда в отпускных бумажках вывод не указывался, это происходило не по недосмотру, а потому, что вывод не взимался. Начиная с 1736 г. в некоторых из отпускных документов отмечается, что женщины были отпущены «без вывода» – эта пометка проставлена в 4 из 17 грамот от 1736–1750 гг. Между тем за те же самые годы в 8 отпускных не показано никаких сборов, кроме как за оформление и регистрацию самих документов. Лишь в 5 из 17 отмечен вывод: четыре раза по рублю и в одном случае два рубля. В другой отпускной бумаге – не из архива Щербатовых, а выданной в 1739 г. женщине, которая вышла замуж в имение, близкое к нескольким щербатовским деревням, – зарегистрирован вывод в 1 рубль⁸⁶.

Другими словами, вплоть до 1750 г., если с щербатовских женихов, приводивших в свои села и деревни невест со стороны, требовали вывод, то им почти никогда не приходилось платить больше 1 рубля. В большинстве случаев они и вовсе не платили выводных. Это происходило не потому, что они шли по протоптанной дорожке в одни и те же несколько мест, где невест отдавали задаром: большинство отдавших невест сел и деревень встречаются в щербатовской папке единожды, а среди владельцев упоминаются и вельможи, типа Салтыковых, Шереметевых и Голицыных, и дворяне, о которых вряд ли кто слышал за пределами их уездов. Надо полагать, что дворяне этого региона, где преобладали совсем мелкие вотчины, отдавали

⁸² У контор были предшественники XVII в., но Петр I упорядочил систему, и с 1719 г. вошло в употребление название «крепостная контора». См.: *Капустина Г. В.* Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник // *Проблемы источниковедения.* М.: Наука, 1958. Вып. 7. С. 216–273.

⁸³ РГАДА. Ф. 615. Д. 10197, 10206, 10207, 10231, 10266, 10269.

⁸⁴ Там же. Ф. 1290 (Юсуповы). Оп. 1. Д. 193. Л. 2–6.

⁸⁵ Там же. Ф. 1289 (Щербатовы). Оп. 1. Д. 149. Это небольшой, но, как мне кажется, показательный срез крестьянок, пришедших невестами в щербатовские вотчины в Ярославской губернии.

⁸⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 182 (Шишкины). Оп. 1. Д. 13. Л. 45.

себе отчет в том, что крепостным мужикам каждого из них придется находить себе жен за пределами их собственных поместий и что в долгосрочном плане обмен будет взаимовыгодным⁸⁷.

Отпускные письма из Ростовского уезда, в котором частично располагались владения Щербатовых, подтверждают, что документы щербатовского архива достоверно фиксировали местные порядки. В 1733 г. из 83 крестьянок, зарегистрированных в уездных крепостных книгах как получившие вольную для замужества, за 38 не брали вывода. В первой половине 1750 г. вывод не платился за 31 из 68 вышедших замуж на сторону женщин. В 1751 г. 46 из 97 обошлись без уплаты вывода; в 1771 и 1772 гг. большинство женщин, отпущенных из вотчин замуж, – 32 из 57 и 41 из 81 соответственно – тоже ушли без вывода. Когда выводные взимались, они были минимальны: в среднем 23 копейки в 1733-м, 94 копейки в 1750-м, 75 копеек в 1751 г. В 1771 и 1772 гг. с мужчин, забиравших женщин из имений, ранее принадлежавших монастырям или другим духовным учреждениям, взимали по 10–11 рублей (в то время как до секуляризации церковных вотчин в начале 1770-х они часто не платили ничего). В те годы дворяне-землевладельцы взимали в среднем 3,13 и 3,88 рубля⁸⁸. Это являлось отражением повсеместного увеличения платы за вывод и приближения ее к рыночной цене бракоспособной крепостной.

В первой половине XVIII в., однако, выводные в Ростовском уезде никак не соотносились с рыночной ценой бракоспособных крестьянок. В 1733 г., когда 38 женщин получили вольную для замужества бесплатно, а с остальных 45 в среднем было взыскано весьма скромно, по 23 копейки, 12 бракоспособных крепостных женщин уезда были проданы по средней цене в 5,09 рубля. Если исключить двух крестьянок, проданных за 15 и 10 рублей, как, предположительно, особые случаи, мы получим среднюю цену в более точном приближении – 3,44 рубля⁸⁹. Вокруг Ростова только в 1770-х гг. размер выводных начал сближаться с рыночной ценой крепостных девок.

Ростовский уезд, конечно, располагался в нижней части шкалы выводных, но с ним соседствовали и другие уезды. В Пошехонском уезде (в то время Новгородской, но позже Ярославской губернии) в период между 1709 и 1715 гг. средний вывод был меньше рубля, в 1749 г. он был немного выше рубля⁹⁰. В коллекции из 33 отпускных грамот, собранных в 1720–1750-х гг. монастырями Переславль-Залесского уезда, на полпути между Москвой и Ростовом, восемь документов не дают информации о выводных; в 13 отмечено, что вывода не взималось; в восьми проставлена сумма в 1 рубль и в одном – 3,50 рубля. В трех сказано, что вывод уплачен, но сумма не уточняется⁹¹. В наборе из восьми отпускных грамот, принесенных в имение Шуваловых во Владимирском округе между 1735 и 1754 гг., семь показывали вывод в 1 рубль, а одна – 2 рубля⁹².

В других местах, даже в смежных с Ярославской губернией, вывод не всегда был на столь низком уровне. Папка с 38 отпускными бумажками, принесенными в имения Глебо-

⁸⁷ Том с результатами ревизии, проведенной в 1762–1764 гг. в Игрецкой волости, Закоторожском и Верховском станах Ярославского уезда – из всех этих мест щербатовские крестьяне привозили себе жен, – содержит ревизские сказки из 65 дворянских имений, ни в одном из которых не насчитывалось даже 50 душ мужского пола, а в большинстве было по 10 или меньше (РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 4301. Ч. 1). В комплекте из 40 сказок по дворянским и духовным вотчинам только у Закоторожского стана в 10 имениях было более 100 крепостных мужиков (в самом крупном, принадлежавшем монастырю имени, таковых было 1438), в 16 же карликовых поместьях было по 10 или менее крепостных мужского пола, то есть обычно они состояли всего лишь из двух или трех крепостных дворов (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4301. Ч. 2).

⁸⁸ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9159 (1733), 9177 (1750), 9180 (1751), 9205 (1771), 9207 (1772).

⁸⁹ Там же Л. 127–182. Среди этих женщин было 10 незамужних (из них 4 дворовых, чья средняя цена была ниже, чем у других) и 2 вдовы.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 8526, 8528, 8529, 8531, 8594.

⁹¹ *Шумаков С.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. С. 414–422.

⁹² РГАДА. Ф. 1288 (Шуваловы). Оп. 1. Д. 7.

вых-Стрешневых в Новоторжском уезде, к западу от Ярославского уезда, показывает, что разброс цен мог быть весьма широким даже внутри одного уезда. В пяти вольных грамотах, датированных 1708–1718 гг., записаны выводные в среднем на сумму 2,40 рубля, в 21 от 1720-х гг. – 2,93 рубля, 11 из периода 1730–1750 гг. – в среднем 1,31 рубля. Здесь, в отличие от близлежащих Ярославского и Ростовского уездов, отмена вывода не была распространена. Более того, средняя сумма вывода в 1720-х была самой высокой из всех, которые мне удалось отыскать за первую половину XVIII в. С другой стороны, 11 вольных от 1730–1750 гг., хотя они и не являются удовлетворительной выборкой, почти несомненно подтверждают, что размер вывода действительно уменьшился в 1730–1740-х гг., возможно где-то на 50%. Вотчины, из которых прибыли эти женщины, принадлежали Долгоруковым, Ладыжинским, Бутурлиным и Мусиным-Пушкиным, а также многим менее значительным дворянским родам⁹³.

В Рязанском уезде, большая часть которого располагалась к югу от р. Оки, выводные в 1720–1730-х гг. были также сравнительно высокими, а потом снизились. В 1726–1727 гг. средняя сумма вывода из 27 уплаченных в уезде составила 2,07 рубля. Самый низкий из них был 50 копеек, самый высокий – 4 рубля⁹⁴. В 1737 г. в уезде были зарегистрированы 93 отпускные грамоты в связи с выходом замуж, и средняя сумма вывода равна 2,17 рубля; в 1738 г. средняя сумма сократилась до 2,02 рубля (92 вольные), в 1739 г. – до 1,67 рубля (36 вольных), но в 1754 г. поднялась до 2,42 рубля (90 вольных)⁹⁵. Размеры сбора здесь колебались, как и в Новоторжском уезде.

В Рязанском уезде, как и в других местах, бракоспособных крепостных женщин редко продавали по отдельности, поэтому трудно сравнивать размер вывода с покупной ценой. В моей выборке за 1738 г. в Рязанском уезде была зарегистрирована только одна такая продажа и еще четыре в 1739 г. Цены были: два раза по 3 рубля и три раза по 2. Десять дворовых девок были проданы в те годы в среднем по 4,3 рубля⁹⁶. Некоторые, наверное, обладали умениями, повышавшими их цену, но в первой половине XVIII в. дворовые девки иногда стоили больше, а иногда меньше крепостных крестьянок. Логично сделать вывод, что в Рязанском уезде средняя стоимость вывода была ближе к рыночной цене бракоспособной женщины, чем в Ростовском, но тем не менее составляла только около половины местной цены крепостной.

По Нижегородской губернии есть папка с отпускными документами 24 женщин, вышедших замуж в юсуповскую вотчину Безводное, в 25 километрах на восток от Нижнего Новгорода, в 1732–1754 гг. В 14 случаях владельцы женщин назначили вывод в 1–1,5 рубля, в пяти случаях – в 2 рубля, еще в пяти – 3–4 рубля. После 1750 г. шкала явно поползла вверх: за вывод четырех женщин, вышедших в эти годы замуж в с. Безводное, владельцы взяли по 2–4 рубля. Опять же, значение имеет не только относительно низкий средний уровень выводных, но и то, что владельцы – среди них были Голицыны, Волконские, Мусины-Пушкины, Лунины, Шереметевы и Апраксины, а также Нижегородская епархия – отпустили девушек замуж⁹⁷. В первой половине XVIII в. так поступало подавляющее большинство именитых дворянских семей.

Выводные, взятые мной из нотариальных записей и отпускных грамот и показывающие явную тенденцию к росту, требуют поправки на денежную инфляцию. В период с 1701 по 1730 г. средние цены на зерно и промышленные товары удвоились. Цены 1730-х и 1750-х

⁹³ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1614 (Семейный фонд Глебовых-Стрешневых). Оп. 1. Д. 118.

⁹⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 91. Л. 128–218.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 8509 (1737), 8510 (1738), 8511 (1739), 8512 (1754). В архивной описи и на обложке последняя подшивка ошибочно датирована «1751 г.»; документ начинается с «В 1754 г. ...». Большинство вольных в связи с замужеством выданы незамужним крестьянкам, а некоторые – вдовам и дворовым, у которых уровень выводных был того же порядка. В каждом году несколько женщин не платили вывода, что немного снизило среднее значение.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 8510. Л. 6 об. – 7 об., 14, 18, 19 об., 22 об.; Д. 8511. Л. 2–4 об., 5 об. – 6, 7, 8, 12, 13 об., 17, 18, 20, 24.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 193. Л. 9–11, 13–14, 17, 19–25, 27–31, 34–40.

гг. были почти одинаковыми, хотя в промежуточные годы они сначала немного поднялись, а потом немного опустились⁹⁸. Иначе говоря, размер вывода, который в 1720-х составлял 1 или 2 рубля, идя в ногу с инфляцией, должен был вырасти до 1,5–3 рублей. В некоторых уездах так и произошло, в некоторых нет, то есть в реальном выражении брать невесту со стороны стало обходиться дешевле. На фоне самой разнообразной динамики цен в разных уездах надежнее всего заключить, что в общем-то с начала по середину XVIII в. размер выводных с учетом инфляции не изменился или чуть снизился.

Хотя я предполагаю, что некоторые дворяне отказывались отпускать молодых крепостных женщин из своих вотчин в уездах на севере от Оки, мне не встретилось доказательств таких отказов, кроме вотчинных инструкций 1718 и 1719 гг. Шепелева и Черкасского. В Рязанском уезде, с другой стороны, хотя женщин отпускали в связи с замужеством, владельцы некоторых крупных вотчин не позволяли своим женщинам выходить замуж за пределы своих владений. Эти сведения извлечены не из вотчинных инструкций, а из ревизских сказок 1762–1763 гг. Это была первая ревизия, в которой учитывались женщины, и переписчикам было наказано записывать их возраст и – с целью отследить цепочку собственников – их родные деревни, а у крепостных душ – их предыдущих владельцев. В Константиново, на южном берегу Оки, где права собственности были поделены между несколькими семьями, самая крупная доля в 1762 г. принадлежала Семену Нарышкину. Из 99 нарышкинских замужних и вдовых крепостных женщин 97 родились не просто в Константиново, а именно в части деревни, принадлежавшей Нарышкину; две другие были привезены из отдаленных нарышкинских вотчин. Одна-единственная женщина старше 20 лет никогда не была замужем; возможно, причиной были серьезные физические недостатки⁹⁹. Практически все вступили в брак до 1762 г.; нарышкинских женщин, по-видимому, принуждали выходить замуж в своей вотчине с 1720-х гг. Я подозреваю наличие принуждения, потому что, будучи предоставлены сами себе, некоторые из нарышкинских женщин вышли бы замуж за мужчин из других частей Константиново и из других сел в округе. В таком случае некоторым нарышкинским мужчинам пришлось бы находить себе жен в других вотчинах, но их, по всей видимости, принуждали жениться в своей, если там имелись бракоспособные женщины.

Такая же ситуация наблюдалась в обширном имении Волынских, пересекавшемся с владениями Семена Нарышкина: в доле с. Константиново, принадлежавшей Егору Волынскому, 23 из 24 волынских жен родились в волынских вотчинах; только одна была привезена из чужого имения. Примечательно, что в четырех селах (или частях сел), составлявших волынские владения, было 128 женатых или вдовых мужиков и один в возрасте 24 лет неженатый; возможно, он женился позже. Все 137 женщин 20 лет и старше были либо замужем, либо вдовы; только четыре женщины родились не в волынских владениях; несколько жен были завезены из волынских имений за пределами Рязанского уезда¹⁰⁰.

Нет оснований предполагать, что, запрещая браки за пределами своих владений, Нарышкины и Волынские насильно заставляли всех своих крепостных вступать в брак: всеобщий брак был правилом у всех крестьян в округе. Крестьяне большой деревни Новоселки и среднего размера деревни Чешуево в 1762 г. переходили из статуса крепостных Солотчинского монастыря

⁹⁸ Mironov B. Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-Century Russia // *Economic History Review*. 1992. Vol. 49. № 3. P. 457–459.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2616. Л. 485–574. Я не включил в расчеты ни дворовых, ни группу – в основном холостых – мужчин в конце сказки; последние были, похоже, либо дополнительными дворовыми, либо крепостными, недавно переселенными в Константиново из каких-то других владений Нарышкиных. В 1792 г. из 150 взрослых женщин в этой части Константиново (принадлежавшей в то время Голицыным) только 2 – в возрасте 26 и 28 лет – не были замужем, и обе были калеки (ГИМ ОПИ. Ф. 17 (Голицыны). Оп. 1. Д. 2503. Л. 16–28).

¹⁰⁰ Там же. Оп. 2. Д. 2616. Л. 187–212. Я не принял в расчет крепостных деревни Волынь, так как они все, кажется, были дворовыми. Разница в количестве когда-либо состоявших в браке мужчин и женщин в большой степени объясняется численным превосходством вдов над вдовцами.

в мирской статус «экономических крестьян». Их монастырский владделец позволял женщинам выходить замуж на сторону и не применял принудительных мер в отношении брака, между тем в д. Чешуево в 1762 г. все 49 мужчин 20 лет и старше были женаты или вдовы и только 2 из 53 женщин 20 лет и старше никогда не были замужем; 24 женщины попали в Чешуево в связи с замужеством. Двум незамужним было по 20 лет, и они почти наверняка еще должны были выйти замуж¹⁰¹. Если начать счет с возраста, после которого брак становился весьма маловероятным, – 25 лет, то тенденция чешуевских женщин и мужчин брачиться выглядит стопроцентной. В тот же год в Новоселках все мужчины 25 лет и старше, 261 человек, были в браке или вдовы – так же как и все 307 женщин этой возрастной категории¹⁰². В этой части Рязанского уезда и господские, и монастырские крепостные брачились все без исключения. При этом они вступали в брак в одном и том же возрасте. В выборке из семи деревень экономических крестьян (включая Чешуево и Новоселки) и пяти крепостных деревень (в том числе Константиново и Федякино, которое вскоре войдет в наш сюжет) средний возраст вступления в брак в 1780-х практически один и тот же: 17,5 и 17,6 года у крепостных и экономических крестьян мужского пола соответственно, 15,7 и 15,5 – у крепостных и экономических крестьянок¹⁰³. Универсальный и относительно ранний брак среди рязанских крепостных не нужно принимать за доказательство агрессивной политики принуждения крепостных к браку со стороны владельцев, это скорее было то, к чему местные крестьяне сами прилагали все усилия.

В относительно крупной вотчине можно было поддерживать режим и универсального брака (крестьянская практика вокруг Рязани), и демографической автаркии (идеал с точки зрения некоторых дворян), как минимум если владделец был способен в случае необходимости подвезти невест из других семейных владений. В более мелких имениях это было нереально. У большого села Федякино, непосредственно граничащего с Константиново, было много владельцев, среди них семья Волынских; крепостные последних обменивались дочерьми только с другими волынскими владениями. У остальных 14 владельцев с маленькими долями – вплоть до одного-единственного двора – не было поблизости крупных имений. Они не могли быть демографически самодостаточными, как бы ни старались. Из 145 принадлежавших им жен 52 нашли мужей внутри мини-долей Федякино, в которых родились, 15 – были привезены владельцами из своих отдаленных имений, а остальные 78 были родом из имений других дворян или (несколько) не были крепостными. Все женщины 20 лет и старше были замужем. Среди мужчин 20 лет и старше 126 были женаты, восемь – холосты. Шести из последних было 20–27 лет, и они еще имели шанс жениться, но в уезде, где универсальный брак был нормой, эти восемь взрослых холостяков были, по всей вероятности, показателем демографической напряженности¹⁰⁴. Ввиду недоступности женщин из больших соседних имений Волынских и Нарышкиных федякинским мужчинам приходилось пересекать многие границы, чтобы найти себе жен. Даже сами Волынские признавали тщетность попыток сохранить демографическую автаркию в Дубровичах, примерно в 20 километрах на восток от их основных владений, где у них было всего 46 крепостных и небольшая часть села. Здесь они позволяли обмен невестами с крепостными, принадлежавшими другим дворянам¹⁰⁵.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2616. Л. 295–304 об.

¹⁰² Там же. Л. 305–350. Я исключил группу «прибыли» – мужчин и женщин, приехавших в Новоселки после предыдущей ревизии 1744 г., поскольку они, вероятно, вступили в брак до переезда.

¹⁰³ ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 627 (Рязанская духовная консистория). Оп. 249. Метрические книги относятся к 1781, 1785, 1786 и 1787 гг. В 1760-х большинство попов не записывали возраст невест и женихов. Для расчета среднего возраста вступления в брак можно было бы использовать ревизские сказки 1762 г., но возраст женщин в том году был подвержен экстремальной возрастной аккумуляции.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2616. Л. 141–186 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 210–212.

Возможно, разграничение вдоль р. Окиа было природного происхождения: к северу очень мало свидетельств попыток владельцев контролировать браки своих крепостных, к югу же очевидно, что по крайней мере в крупных имениях некоторые владельцы действительно запрещали заключение браков через границы владений. В Рязанской области Ока протекает примерно по границе между плодородными южными и неплодородными северными землями. Можно предположить, что растущие амбиции дворян XVIII в., владевших значительными земельными угодьями на юге, желавших производить зерно на продажу и, вследствие этого, вводящих барщинный труд, побудили их сконцентрироваться на максимальном увеличении количества трудовых единиц. Может быть, они решили обеспечить своих мужиков местными невестами. С другой стороны, не исключено, что демографически автаркичные нарышкинские и волынские вотчины были нетипичны даже для Рязанского уезда. Расположенные на Оке или поблизости они находились в исключительно выгодном положении для поставки зерна на московский рынок. Между тем относительно высокий размер вывода в Рязанском уезде мог быть нетипичным для всех местностей к югу от Оки. В юсуповской папке отпускных грамот есть документ от князя Репина, отпустившего девушку в связи с замужеством (выводное не вписано) в местность, впоследствии ставшую Тульской губернией; еще одну тульскую девушку отпустили за 3 рубля, а девушку из будущей Орловской губернии – за 2. Три вывода в Брянском уезде с 1720-х по 1750-е говорят о стандартной таксе примерно в 1 рубль¹⁰⁶.

Хотя в том, как дворяне относились к бракам крепостных в первой половине XVIII в., были значительные местные и индивидуальные различия, подавляющее большинство из них позволяли женщинам выходить замуж на сторону и взимали относительно низкие выводные или же – в удивительно большом количестве случаев – отпускали совсем без вывода. Иначе говоря, наблюдалась преобладание с установившимися порядками XVII в. Кирилло-белозерские монахи сознательно решили следовать прецеденту: в инструкциях приказчику, отправлявшемуся в 1735 г. управлять имениями в Нижегородском и Арзамасском уездах, было сказано собирать выводные таким же образом, как было установлено в предыдущих инструкциях по тем же имениям в 1653 г.¹⁰⁷ Нижегородская епархия подняла в 1726 г. уровень вывода с 15 копеек, но всего лишь до 31 копейки¹⁰⁸. Не только в Ярославском и Ростовском уездах многих женщин отпускали без уплаты вывода. Когда в 1714 г. управители, назначенные Александром Невской лаврой, основанной в Санкт-Петербурге в 1713 г., приступили к своим обязанностям в переданных им от Свято-Троицкой Сергиевой лавры и новгородского Свято-Духова монастыря вотчинах в Бежецком, Угличском, Ярославском, Тверском и Кашинском уездах, они докладывали, что в недавнем прошлом в некоторых из этих вотчин крепостные девки выходили замуж на сторону без уплаты вывода¹⁰⁹. Эти доклады необязательно означали, что от бывших управителей имений не требовалось собирать выводные; их надзор мог быть настолько небрежным, что крестьяне запросто обходили правила.

Монастыри и другие духовные владельцы, возможно, придерживались старых порядков дольше, чем дворяне, но данные по первой половине XVIII в. в гораздо большей степени свидетельствуют о традиционном невмешательстве дворян в брачные дела крепостных, чем о желании принуждать женщин выходить замуж в своих родных вотчинах, предписывать вступление в брак к определенному возрасту или взимать выводные на уровне рыночных цен. Когда в 1751 г. князь Петр Александрович Румянцев наказывал приказчику своих нижегородских владений:

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 193. Л. 6, 12, 16; Там же. Л. 1. Датировано 1700 г., из будущей Тульской губернии, обозначен вывод в 5 рублей, что явно нетипично для этого периода; РГАДА. Ф. 1200 (Новопечерский-Свенский монастырь). Оп. 1. Д. 157, 201, 616.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 1. Д. 2285. Л. 2.

¹⁰⁸ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552: 1726. Д. 42. Л. 46 об.

¹⁰⁹ Описание архива Александровской лавры за время царствования Императора Петра Великого. СПб.: Синодальная тип., 1903. Т. 1: 1713–1716 гг. Стб. 485, 623, 651, 704; Там же. Пг.: Синодальная тип., 1916. Т. 3: 1720–1721 гг. Стб. 412.

«В свадьбах между крестьяни ни под каким видом и вымыслом отнюдь не вступать, тожь силою кого в замужество не принуждать под жестоким истезаниям но исправлять те свои свадьбы собственно по их желаниям и договорам», он просто формулировал пассивный подход, практиковавшийся значительным большинством дворян того времени¹¹⁰. Наверняка одной из причин, по которой мало кто из дворян запрещал браки на стороне, было то, что они не видели, какую проблему мог бы разрешить подобный запрет. Для владельцев же маленьких имений, где скрупулезные правила православной церкви о грехе кровосмешения (касавшиеся также и родственников «по свойству и кумовству») почти полностью исключали браки у себя, многосторонний обмен женщинами между имениями был единственным способом – кроме покупки – обеспечения всех своих мужиков женами.

До начала 1760-х крепостным и другим крестьянам в большей части Ярославской губернии, в Серпуховском, Переяславском, Новоторжском и Нижегородском уездах, да и в других местах также либо вообще не чинились препятствия в плане брака, либо они были минимальны. Рязанский уезд был частичным исключением из этого правила, но, конечно, не единственным. Однако предоставление крепостным свободы устраивать браки самостоятельно настолько оправдывало себя, что нет очевидной причины, почему в первой половине XVIII в. Нарышкины и Волынские запрещали своим константиновским крепостным женщинам выходить замуж за пределами своих владений.

Неочевидно также, почему в первой половине века дворяне продолжали отпускать женщин без всякого вывода или за выводное значительно ниже цены бракоспособной крепостной девки, но мне кажется, что моральная экономика – не стоит нарушать обычай! – является здесь наилучшим объяснением. Моральная экономика проявляется только тогда, когда происходит посягательство на обычай, и я уже приводил два таких примера (Солотчинский монастырь в 1696 г., Шереметев в 1717 г.). В обоих случаях владельцы, столкнувшись с протестом своих крестьян, отступили.

Иногда конфликты между крепостными и их владельцами по поводу выводных денег вспыхивали, когда на смену старому владельцу приходил новый, который резко поднимал плату. Александро-Невская лавра дала указание местным управителям, посланным принять новые вотчины монастыря в 1714–1716 гг., установить вывод в размере 5 рублей или не меньше 2 рублей¹¹¹. Эта мера вызвала в деревнях переполох. В Присеках Бежецкого уезда, например, в конце 1716 или начале 1717 г. крестьяне жаловались, что дочерей «выдать стало не за кого», потому что местные крестьяне не готовы были столько платить, а до ближайшей другой вотчины лавры было 50 километров. Они умоляли архимандрита смилостивиться, дабы девки их «век не сочетавша браками не со старетця». В феврале 1717 г. архимандрит велел управителю Присек не отступать от установленной пяти- или двухрублевой таксы¹¹². Крестьяне села Кунганово Новоторжского уезда в начале 1717 г. тоже жаловались на новый сбор, говоря, что

¹¹⁰ Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. 1903. № 12. С. 7. Другие рассматривают инструкции Румянцева как единственное исключение из дворянского вмешательства в браки крепостных. В проекте уложения второй половины 1750-х гг. признается, что брак через границы владений был в порядке вещей: дворянам предоставлялось право давать вольную вдовам и девкам в связи с замужеством. Поскольку проект уложения в то же время давал дворянам неограниченное право делать с крепостными что пожелают (кроме убийств, пыток и бития кнутом), то право дворян запретить выход замуж в чужие владения не требовало подтверждения. Латкин В. Н., ред. Проект нового уложения, составленный законодательной комиссией 1754–1766 гг. (Часть III. О состояниях подданных вообще). СПб.: Тип. Одиночной тюрьмы, 1893. С. 119–120, 131. Эта третья и последняя редакция части III была завершена к 1762 г. и касается прав не только дворян, но и лиц духовного сословия и заводчиков, в то время как более ранние редакции, от 1750-х гг., касались лишь дворянских прав. Немногое, что известно о составлении этого проекта, можно найти в: Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1897. Т. 1. С. 90–91, 136, 140 и в других местах. Краткое описание проекта уложения см.: Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. С. 64–68.

¹¹¹ Описание архива Александро-Невской лавры. СПб.: 1911. Т. 2. Стб. 256, 609–611, 807, 839–84 0б.

¹¹² Там же. Стб. 10.

раньше они обменивались дочерьми с соседями, и просили архимандрита вернуть кунгановских женщин в их село, потому что оно, по их словам, приходило все больше в запустение¹¹³. В июле 1717 г., после еще одной жалобы, из имения Олонецкого уезда, что пятирублевый вывод не дает их девкам выходить замуж, лавра пошла на попятную. Архимандрит решил, что позволителен обмен дочерьми по обычной местной таксе с крестьянами из вотчин других монастырей и Новгородской епархии. Вскоре после этого архимандрит принял решение разрешить также обмен бракоспособными девками с дворянскими вотчинами, которые не взимали платы за вывод. В сентябре 1718 г. архимандрит сдался: он дал распоряжение всем своим вотчинным управителям взимать столько, сколько соседние владельцы крепостных брали за женщин, отпущенных в связи с замужеством¹¹⁴.

Безусловно, имеет значение то, что в двух из трех жалоб лавринские крепостные делали упор на вред, наносимый женщинам пятирублевым выводом, который не давал им выйти замуж (в чем именно состояла проблема в представлении кунгановских крепостных, не совсем ясно), а не на то, что соседи отплачивали им за этот сбор – что, конечно же, было неизбежно, либо требуя с лавринских женихов по пять рублей за невесту, либо отказываясь отпускать своих женщин в лавринские вотчины. Вошажниковские крепостные Шереметева тоже делали упор на то, сколь пагубен для их дочерей пятирублевый сбор, установленный барином. Возможно, крестьяне считали, что женщинам действительно наносился наибольший вред или же, скорее всего, что зло, причиняемое женщинам, будет самым веским аргументом в пользу их притязаний. Может быть, архимандрит сам понимал (как подразумевалось, вероятно, в жалобе кунгановских крестьян), что у лавринских мужиков возникли проблемы с нахождением жен. Возможно, до монахов также дошло, что рынок невест реально существует и нельзя на нем устанавливать цены произвольно. Или же они признали, что просто грешно препятствовать женщинам в выходе замуж.

Аргумент о том, что крепостные девки имеют право выходить замуж, даже если для этого приходится покинуть родное имение, оказался внушительным. Понимание этого поможет разобраться в том, как в XVIII в. русские крестьяне, будь они крепостного или иного состояния, и дворяне относились к крестьянскому браку. Крепостные, выдвигавшие подобный аргумент, не имели, конечно же, в виду, что их дочери должны сами выбирать себе мужей. Устоявшееся представление о том, что в крестьянской семье отец и мать выбирали супругов своим детям, не обращая внимания на предпочтения самих детей, несомненно является преувеличением. Тем не менее в начале XVIII в., когда браки в крестьянской среде заключались фактически между детьми – девочками и мальчиками, зачастую не старше 15 лет, – родительское мнение оставалось, как правило, решающим¹¹⁵. Не было у крепостных и обычая, чтобы девушки сами решали, выходить им замуж или нет в принципе. Как мы поймем из 2 главы, крепостные в поисках невест для своих сыновей нередко требовали, чтобы их владельцы принудили других отцов отдать замуж своих противящихся браку дочерей. С крестьянской точки зрения, выход замуж был, в зависимости от обстоятельств, либо дочерним правом, либо обязанностью.

¹¹³ Там же. Стб. 69.

¹¹⁴ Там же. Стб. 209, 332, 585.

¹¹⁵ Фактических сведений о брачном возрасте крестьян в первой половине XVIII в. весьма мало, поскольку в приходских книгах большинства епархий возраст при вступлении в брак не отмечался вплоть до XIX в. (во многих случаях до 1830-х гг.). Я согласен с Даниелем Кайзером (*Кайзер Д.* Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // *Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в.* М.: МФТИ, 1994. С. 225–236), что, хотя некоторые крестьяне вступали, возможно, в брак в минимально дозволенном законом возрасте (12 лет для девочек и 15 для мальчиков), большинство девочек, вероятно, выходили замуж позже. Судя по тому, что солотчинские крепостные отцы говорили в своих челобитных, отказываясь выдавать замуж дочерей, в конце XVII в. обычным возрастом брака у девушек было 14–15 лет. *Бушнелл Д.* Борьба за невесту. С. 92. Как мы знаем из описания Бестужева-Рюмина от 1737 г. своего пошехонского имения (см. следующую главу), многие девушки выходили замуж в 20 лет и позже.

Вред, на который ссылались крестьяне и который был понятен Шереметеву и монахам Александро-Невской лавры, был почти наверняка морального порядка: девки, «век не сочтавшая браками». Вредно было именно засидеться в девках: все девки (так же как все парни) должны были вступать в брак. Крестьянские пословицы и поговорки, собиравшиеся в основном в XIX в., но вряд ли сильно изменившиеся с 1700 г., выставляют девку-вековуху злобной старой бабой, даже и не настоящей бабой вовсе, потому что не стала она ни женой, ни матерью. Этнографические записи XIX в. свидетельствуют, что к бобылкам относились как к дармоедкам, не имевшим определенной роли в семье и посему не заслуживавшим уважения, как к никчемным и отверженным, если только безбрачие не было с их стороны сознательным решением или правдоподобной имитацией оногo – сохранить целомудрие по религиозному призванию¹¹⁶. Обречение женщин на противоестественный образ жизни должно было казаться крестьянам начала XVIII в. настолько в корне несправедливым, что они положили это в основу своих челобитных – Шереметеву, который немедленно пошел на уступки, и монахам Александро-Невской лавры, которые – вероятно, в силу собственного религиозного призвания – сначала отклонили просьбу, но в конце все-таки тоже уступили. Моральный довод потому возымел действие, что вотчинники разделяли мнение своих крестьян о противоестественности незамужнего состояния для взрослой женщины. Они ведь тоже стремились найти подходящих женихов своим дочерям.

Крестьянское убеждение, что старая дева – существо не просто несчастное, но и явление противоестественное, оправданно в таком обществе, где взрослые незамужние женщины были действительно редкостью и если не вели затворнический, религиозный образ жизни, то являлись умственными или физическими калеками. Более того, в тех многих больших деревнях, где все до одного мужчины и женщины состояли в браке, в их числе должны были быть и ограниченно дееспособные. Универсальный брак и боязнь, что дочери могут остаться в девках, были тесно взаимосвязаны.

Моральное обоснование ходатайств крепостных к своим владельцам об отмене выводных сборов, грозивших оставить их дочерей в девках, было настолько убедительным, что действовало даже без страшщей перспективы бунта, который подкрепил требования британских рабочих XVIII в. о помощи, когда взлетели цены на хлеб. Моральный довод был столь весом, что действовал даже тогда, когда жалоба на причиняемый якобы вред была заведомо безосновательной. Когда вошажниковские крепостные говорили Борису Шереметеву, что некоторые из их дочерей никак не могли найти женихов в родной вотчине, они почти наверняка грешили против истины. Вошажниково было огромным имением с населением в 1910 крепостных мужиков, 1911 женщин в 1765 г. и, вероятно, порядка 2500–3000 крепостных в начале XVIII в.; его деревни были раскиданы по территории более 130 квадратных километров¹¹⁷. Поскольку имение было по площади столь обширным, естественно, что многим из его крепостных удобнее было свататься к соседям по другую, близкую сторону вотчинной границы, чем искать невест в отдаленных деревнях того же имения. Однако с населением такого размера демографическая авария представляется вполне реальной. Фельдмаршал от споров на этот счет воздержался.

¹¹⁶ Тульцева Л. А. Чернички // Наука и жизнь. 1970. № 11. С. 80–82; Громько М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. С. 103–104; Миронов Б. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 3-е изд. С. 161; Worobec C. Peasant Russia. Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 4, 264; Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. С. 264–265.

¹¹⁷ Щенетов К. Н. Крепостное право. С. 326; Dennison T. The Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 32.

Глава 2

ДВОРЯНЕ ОБНАРУЖИВАЮТ СОПРОТИВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНОК БРАКУ И РЕАГИРУЮТ НА НЕГО

До 1750-х гг. мало кто из дворян чинил препятствия замужеству своих крепостных женщин за пределами своих владений или проявлял интерес к возрасту, в котором их крепостные вступали в брак. После 1750 г. многие помещики – по крайней мере, владельцы крупных имений, составлявшие подробные инструкции по их управлению, – напрямую вмешивались в браки своих крепостных и в общих устанавливаемых правилах, и в конкретных случаях. Их могло беспокоить то, что их крепостные девки не выходят замуж или что выходят недостаточно рано, тормозя таким образом образование тягла, ядром которого в большинстве имений являлась супружеская пара. Проблема эта не была вымыслом душевладельцев: когда выяснилось, что в некоторых имениях женщины действительно отказываются выходить замуж, многих помещиков это побудило ввести правила *terminus ante quem*. В этих правилах иногда устанавливался предельный возраст вступления в брак и для мужчин, но большинство мужиков и так были не против жениться. Когда соседские девки противились замужеству, женихи обращались к своим владельцам за помощью. Зачастую именно эти просьбы открывали помещикам глаза на существование проблемы женского отношения к браку. Весьма возможно, что некоторые помещики начали требовать, чтобы их крепостные девки выходили замуж в своих вотчинах, потому что их тревожили трудности мужиков в поиске невест: выход замуж на сторону мог еще усугубить нехватку незамужних девок.

БОРЬБА С БЛУДОМ: ПЕТР БЕСТУЖЕВ-РЮМИН ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ ДЕВКИ ВЫХОДИЛИ ЗАМУЖ К 20 ГОДАМ

Петр Бестужев-Рюмин (1664–1743) – единственный вотчинник, о котором известно, что в первой половине XVIII в. он ввел правило относительно возраста выхода замуж. Проблема, которую он таким образом думал решить, состояла не в нежелании крепостных девок выходить замуж, а в их добрачном блуде. Бестужев узрел эту проблему лишь потому, что впал в немилость при дворе. В 1712 г. Петр I определил его гофмейстером к своей племяннице, вдовствующей герцогине курляндской Анне Иоанновне¹¹⁸. Бестужев заведовал финансами Анны, «присматривал» за соблюдением интересов России в герцогстве и в какой-то момент попал к Анне в любовники. В 1727 г. он был вызван в Санкт-Петербург для расследования обвинения в обогащении за счет Анны Иоанновны. К его возвращению назад место в кровати Анны уже было занято Эрнстом Бироном. В 1728 г. Бестужев был арестован после того, как Анна обличила его в расхищении ее имения (тут она как минимум преувеличила) и в дворцовой интриге, в которой была замешана его дочь. После вступления на трон, с Бироном в свите, в 1730 г. Анна сослала 66-летнего Бестужева в «дальние селения», которыми оказалось его имение вдоль северного участка р. Шексны на севере Новгородской губернии. Бестужеву там принадлежали обширные владения. В двух селах были приходские церкви, и он жил по очереди то в одном, то в другом: в Люковеси в 10 километрах на запад и в Городище в 8 километрах

¹¹⁸ Я черпаю эти биографические подробности из его собственной автобиографической описи «Петр Михайлович Бестужев-Рюмин». С. 14–21; Соловьев С. М. История России. М., 1995. Кн. 9. С. 418–421, 538; Кн. 10. С. 39–41, 89–92, 132–137, 178–179, 217, 259, 319; Anisimov E. V. Five Empresses. Court Life in 18th-Century Russia. Westport, CT, 2004. P. 72–74.

на юг от маленького городка Череповца – оба на берегах Шексны. Более мелкие деревни были разбросаны промеж них в густых лесах, частично уходя глубже в чащу¹¹⁹.

Бестужев-Рюмин, вероятно, до этого в своих вотчинах не бывал и по приезде, похоже, имел мало представления о жизни крепостных. Он служил как минимум тридцать лет без сколь бы то ни было продолжительного отпуска, не считая периода расследования; время же, когда он мог оторваться от политических дел, проводил, скорее всего, в своей усадьбе под Москвой. Когда в 1731 г. он выпустил Инструкцию своему пошехонскому приказчику, единственное правило, касавшееся брака, звучало несколько противоречиво: «Девки крестьянских на сторону не отдавать, а кому отпускная подписана будет, вывод брать наперед по 5 рублей, а смотря по состоянию и по 3 рубля». Далее он добавил, что если брак заключается в своей вотчине, то отдавать следует без вывода¹²⁰. Толковать это правило можно следующим образом: по возможности не позволяя девкам выходить замуж на сторону, если же позволил, бери по 5 рублей, но я согласен и на 3.

В августе 1737 г. Анна простила Бестужеву-Рюмину его прегрешения и разрешила жить в Москве или в любом другом его поместье. Вероятно, он написал свою Инструкцию 1737 г. до или сразу же после отъезда из Пошехонья. В ней он не только расписал обязанности приказчика, но и составил частичную этнографию жизни своих крепостных душ. Они занимались подсечно-огневым земледелием («Также в подсеках работали и чистили по вся годы») и жили в разбросанных на большой площади починках, типичных для крестьян, которым приходилось каждые несколько лет расчищать пригодные для пахоты участки леса. Они должны были держать больше лошадей и скота и употреблять навоз в удобрение. За непоявление в церкви к воскресной обедне или на ежегодную исповедь полагался штраф – 1 копейка. Отмечать праздник с варением пива можно было не больше двух-трех дней¹²¹. Все это было добавлено к его Инструкции 1731 г. Он также внес две поправки в свой наказ о браке. Во-первых, в правило о том, чтобы девки замуж на сторону не выходили, он добавил слова «без прощения»¹²². Может быть, Бестужев-Рюмин исправлял противоречие в правиле от 1731 г., а может, до него дошло, что для некоторых крепостных из далеко заброшенных дворов обмен дочерьми с чужими крестьянами неизбежен. Во-вторых, он постановил девок отдавать замуж не позже 20 лет. Этому требованию предшествовало объяснение: ребята и девки, мол, войдя в возраст, делают что хотят, то есть развратничают. Родители их работать не заставляют, и «от того своевольничания и безстрашия ребята пристают к воровству, а девки впадают в блуд <...> а девки в блудном деле, которых уже девок и брюхатых за муж выдали, а другие и родили в девках, которые и наказаны при собрании всех людей кошками... И для того крестьянам детей своих содержать бы в крепости и страхе и наказании и для того отцам и матерям дочерей своих в девках выше 20 лет не держат, отдают за муж, а ежели прежде 20 лет от безстрашия отцова и несмотрения матерня впадет в блуд, и за то отцу и матери и девке, и блуднику, которой с ней сблудит, ежели изобличается при собрании людей жестоко кошками наказаны будут»¹²³.

Бестужев-Рюмин утверждал также, что его пошехонские крепостные женят малых своих ребят на взрослых девках, а другие женятся в одинаковом возрасте и что мужья с женами

¹¹⁹ Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и его Новгородское поместье // Русский архив. 1904. № 1. С. 5. Луковеси ныне лежат на дне Рыбинского водохранилища. Местный ландшафт вырисовывается из бестужевской Инструкции 1737 г., а также описан в документе от 1680 г., где вновь подтверждаются права Троицкой Филиппа Ирапского пустыни на землю в том же районе (*Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 2. С. 170–174).

¹²⁰ Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (первая половина XVIII в.). С. 182.

¹²¹ Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. С. 189, 195.

¹²² Там же. С. 199.

¹²³ Там же. С. 201.

начинают ненавидеть друг друга, живут порознь и занимаются прелюбодеянием¹²⁴. Неясно, то ли он считал причиной прелюбодеяний женитьбу мальчиков на девках старше их, то ли равенство возраста, то ли и то и другое, а возможно, не то и не это.

Эти положения Инструкции 1737 г. стали прямым результатом наблюдений Бестужева-Рюмина за крепостными во время его опалы. Он требует, чтобы девки выходили замуж к 20 годам, в попытке побороть половую безнравственность, процветавшую при попустительстве родителей. Такое отношение родителей к добрачному сексу вполне естественно, если в течение какого-то времени подобное считалось нормой в данной местности. Возможно, это тот самый случай: эта часть Пошехонья находилась в том районе, где – по утверждению Маркелла, архиепископа Вологодского и Белозерского в 1658 г., – незаконные браки и наложничество были повальным явлением¹²⁵. Принимая во внимание глухие леса, низкую плотность населения и расстояния между многими лесными поселенцами и их священниками, это неудивительно. В конце XIX в. крестьяне вспоминали времена, когда, по их словам, пошехонская молодежь предавалась свальному греху¹²⁶. Но поведение, отмечаемое Бестужевым-Рюминым, могло быть одним из побочных результатов раскольниковства. Пошехонские леса в те времена и позже изобиловали староверами беспоповского толка, и недоверие к институту брака вполне могло проявиться у крестьян в описываемом Бестужевым-Рюминым виде¹²⁷. В Инструкции 1737 г. он нигде не упоминает старую веру, но в самой первой статье речь идет о нерегулярном посещении церкви. Хотя мы не можем сказать, насколько распространены были тенденции, отмеченные Бестужевым-Рюминым, и чем они объяснялись, мы можем утверждать, что, если бы он не провел какое-то время в своем пошехонском имении, ему о них ничего не было бы известно.

МИХАИЛ ЩЕРБАТОВ ОБНАРУЖИВАЕТ И НЕВЕРНО ИСТОЛКОВЫВАЕТ СОПРОТИВЛЕНИЕ БРАКУ КРЕСТЬЯНСКИХ ЖЕНЩИН

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) оказался среди первых (возможно, самым первым), кто установил своим крепостным девкам предельный возраст выхода замуж, поскольку считал, что многие из них не пойдут замуж без принуждения. Щербатов владел несколькими тысячами крепостных душ. Он прославился пламенными речами в Уложенной комиссии Екатерины II в 1767–1768 гг. в защиту дворянских привилегий и призывами к их расширению, в которых нападал на купечество и клеймил любые намеки на облегчение доли крепостных как губительные для России и для самих крепостных. Он занимал ряд руководящих постов в правительстве, в том числе в Сенате; был удостоен звания официального историографа и стал автором истории России в пяти томах; написал знаменитое сочинение с критикой социально-политических нравов в царствование Екатерины II и утопический роман, в котором монарх царствует, а управлением занимается благодетельное высшее дворянство.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Т. 4. СПб., 1836. С. 145–146. По материалам ревизии 1858 г. не менее чем 6,31% незамужних баб брачного возраста в Пошехонском уезде имели незаконных детей (Ярославская губерния. Списки населенных мест по сведению 1859 года. СПб., 1865. С. XIV).

¹²⁶ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы. Т. 2: Ярославская губерния. СПб., 2006. Гл. 1. С. 408.

¹²⁷ О самосожжении староверов в Череповецкой области и Пошехонье в целом в конце XVII в. см.: *Евфросин*. Отразительное писание. СПб., 1895. С. 17, 70–71; *Дмитрий, митрополит Ростовский и Ярославский*. Розыск о Раскольнической Брынской Вере. Типография Киево-Печерской Успенской лавры, 1903. С. 585–587; Старая Вологда XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. С. 153. О староверах, бежавших в пошехонские леса в XIX в., см.: ГАИАО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4354. Л. 7–10 об., 16 об. – 17, 96–98 об., 212–215, 225–226 об., 233–236 об., 256–263; Оп. 1. Д. 6068. Л. 22–26 об., 49–57 об., 104–107 об. Эти примеры от 1843 и 1852 гг. характерно демонстрируют эпизоды, имевшие место во многие другие годы.

В Генеральной инструкции 1758 г. для приказчика своих близко друг к другу расположенных имений, Михайловское и Кузмодемьянское в Ярославском уезде, он велел, чтобы крепостные девки выходили замуж к 17, а мужики женились к 20 годам. И объяснил это следующим образом: «Понеже усмотрено во многих деревнях, что многия крестьяне до престарелых лет доходят холостыя и не женятся, также и девки стареются не замужем, отчего: 1. Домы пустуют, 2, и меньше душ становится и следственно все поборы, как государевы, так и госпоцкие, тягостнее крестьянцем бывают. И для сего наблюдать, чтоб конечно девка не более семнати лет сидели в девках, развя которому крестьянину необходимая нужда в работнике, да и такому можно принять в дом зятя, а мужины женились дватцети лет»¹²⁸.

Часть юности Щербатов провел в Михайловском – родовом поместье семьи. Прослужив два года в Семеновском гвардейском полку в Санкт-Петербурге (1755–1756), он вернулся в Михайловское с молодой женой и маленькой дочкой, но вскоре был опять вызван на службу в связи с Семилетней войной. Щербатов сочинил Генеральную инструкцию в июле 1758 г. во время службы в Санкт-Петербурге и вносил в нее поправки вплоть до 1762 г.¹²⁹ Он воспользовался освобождением дворян в 1762 г. от обязательной службы, чтобы уйти из армии, много времени проводил в Михайловском в период с 1762 по 1767 г. и затем опять после выхода в отставку в середине 1780-х. Щербатов хорошо знал своих михайловских крепостных, о чем свидетельствует его обильная переписка с приказчиками.

Можно предположить, что, как и у Бестужева-Рюмина, правило Щербатова о браках основывалось на наблюдениях за обычаями его собственных крепостных душ, но это не так: «многие деревни», в которых молодые мужики и девки не женились, были не его. Согласно черновому варианту ревизской сказки от 1762 г., в его близко расположенных друг к другу имениях Михайловское и Кузмодемьянское было более 1200 душ мужского и женского пола¹³⁰. Почти все мужчины и женщины к 20 годам состояли в браке. Было только пять незамужних женщин старше 20 – в возрасте 40, 45, 50, 50 (безногая, то есть, вероятно, для замужества непригодная) и 60 лет¹³¹. Несколько больше было неженатых мужиков: пять человек от 20 до 24 лет, которые вполне еще могли жениться, и восемь от 27 до 57. Обширная переписка между Щербатовым и его ярославским приказчиком незадолго до и после 1758 г. не содержит и намека на сопротивление крепостных женщин браку, на трудности крепостных мужиков в нахождении невест или на то, что он установил свое правило о браках из-за горстки холостых мужиков и незамужних девок в его Ярославских владениях. Из переписки видно, что его крепостные время от времени просили разрешения привести невесту из одного или другого

¹²⁸ *Идова Е. И.* Инструкция князя М. М. Щербатова // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. С. 460.

¹²⁹ *Идова Е. И.* Инструкция князя М. М. Щербатова. С. 432–469. В биографических деталях я придерживался предисловия С. Г. Калининой к «Переписке князя М. М. Щербатова» (М., 2011. С. 3–42); вводной статьи Энтони Лентина к: *Shcherbatov M. M.* On the Corruption of Morals in Russia. Cambridge, 1969. P. 21 и др.; *Фурсенко В.* Кн. Михаил Михайлович Щербатов // Русский биографический словарь. Т. 24. СПб., 1912. С. 104–124, где мало говорится о его официальной карьере, но даются хорошие выдержки из его речей на заседаниях Уложенной комиссии и из его трудов. И. А. Федосов (*Федосов И. А.* Из истории русской общественной мысли. М., 1967. С. 132–158) представляет качественный конспект взглядов Щербатова на крепостное право. Л. В. Сретенский (*Сретенский Л. В.* Помещичья инструкция второй половины XVIII века // Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 197–211) дает хороший анализ Генеральной инструкции 1758 г., а В. Дэниел (*Daniel W.* Conflict between Economic Vision and Economic Reality // Slavonic and East European Review. 1989. Vol. 67. № 1. P. 42–67) сравнивает Генеральную инструкцию с щербатовскими методами управления. Ни в одном из этих исследований не упоминается правило о браках от 1758 г. Обзор литературы о Щербатове см.: *Lentin A.* A la recherche du Prince méconnu // Canadian-American Slavic Studies. 1994. Vol. 28. № 4. P. 361–398.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 84. Это очень «сырой» вариант ревизской сказки по двум имениям, где столько поправок и вычеркиваний, что из него можно извлечь только приблизительную статистику.

¹³¹ Обозначенные возрасты служат примером крайней степени возрастной аккумуляции у женского населения от 20 лет и старше во время ревизии 1762 г., поскольку это была первая ревизия, в которой учитывались женщины. У населения младше 20 лет возрастная аккумуляция почти или совсем не наблюдается.

щербатовского имения и что он всегда давал им на это разрешение (оформленное в виде приказа)¹³².

Судя по возрастам никогда не бывших замужем женщин на 1762 г., если и были когда-то трудности с убеждением вотчинных девок выйти замуж, то проблема была решена еще 20 лет назад. По другим имеющимся сведениям видно, что щербатовские мужики никогда не испытывали трудностей с нахождением жен¹³³. Некоторые, возможно, затруднялись выбрать невесту у себя, но – как показывает выборка из 35 отпускных грамот от 1719–1762 гг. (приведены в главе 1) и подтверждает ревизская сказка от 1762 г. – всегда было можно за небольшую цену заполучить невесту из соседних имений. Сохранившаяся вотчинная переписка первой половины XVIII в. представляет собой лишь малую долю всех приказов, посланных в Михайловское. Показательно, однако, что тема брака возникает только один раз: в 1741 г. после того, как один из крепостных женился на якобы отпущенной, которая оказалась солдаткой, Ирина и князь Петр Щербатовы (мать и старший брат Михаила) приказали, чтобы священники, совершающие венчание, проверяли отпускные бумаги всех приходящих со стороны женщин¹³⁴.

Крестьяне, среди которых женщины не выходили замуж, принадлежали соседям Щербатова: ревизские сказки 1762 г. свидетельствуют о том, что в близлежащих имениях наблюдалось растущее число взрослых незамужних женщин. Так, например, в деревне Жабино, вотчины Спасского монастыря в Ярославле, 9 из 53 женщин 25 лет и старше (17%) никогда не были замужем; 6 из 44 женщин 30 лет и старше (14%) никогда не были замужем. Среди 37 мужчин от 30 лет и старше только один никогда не был женат. Двое из восьми мужчин, 25 и 29 лет, никогда не были женаты, но вполне еще могли жениться. Такого нельзя сказать о женщинах в возрасте 25–29 лет¹³⁵.

Жабино не единственная деревня, где было такое количество незамужних женщин. По ревизской сказке 1762 г. села Кузминское, находившегося в собственности генерал-лейтенанта Василия Нарышкина, 11 из 69 женщин 25 лет и старше (16%) или 7 из 55 женщин 30 лет и старше (13%) никогда не были замужем – процент почти идентичный жабинскому. В Кузминском, однако, в отличие от Жабино, 4 из 64 мужчин старше 25 (6%) и 4 из 54 старше 30 (7%) никогда не были женаты¹³⁶. Щербатов наверняка посчитал бы, что эти мужики не были женаты, потому что местные девки не захотели выходить замуж, и есть небольшая вероятность, что тут он был бы прав. Между тем в ревизской сказке 1762 г. села Кузминское зафиксировано предыдущее место жительства каждой жены: 58% были со стороны. Очевидно, неженатые мужчины могли при желании найти жен в округе.

В Жабино было на 8,4% больше женщин всех возрастов, чем мужчин всех возрастов, в Кузминском – на 13% больше. В выборке из 11 других имений в этой местности с общим количеством крепостных душ (мужчин и женщин) от 182 до 2843 (стало быть, резкие случайные различия в количественном соотношении полов здесь маловероятны) в пяти насчитывалось от 10 до 19% больше женщин, чем мужчин, поэтому там, скорее всего, проживало значительное количество женщин, никогда не выходивших замуж. Три из этих пяти имений были монастырскими, одно населено экономическими крестьянами, а еще одно – владельческое¹³⁷.

¹³² РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 281, 306, 323, 326, 335, 356, 359: переписка 1753 г. (его матери) и 1757–1761 гг. (самого Щербатова).

¹³³ Отчет по предыдущей ревизии, составленный в 1745 г. и включавший только мужчин, все равно показывает дворян, где все мужчины женаты. (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 55).

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 236. Другая переписка и приказы первой половины XVIII в.: там же. Д. 113, 121, 144, 165, 169, 176, 183, 209, 214, 223, 225, 228, 237.

¹³⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4302. Гл. 2. Л. 29–38. Я исключил из подсчета одну девку, так как из-за выцветших чернил невозможно определить ее возраст.

¹³⁶ Там же. Л. 491–505.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4302. Л. 4–9 об., 49–165, 176–401, 416–429, 439–460, 513–423. То, что там было на 8–13% больше женщин, чем мужчин, само по себе еще не означает скопления взрослых незамужних женщин.

Это не значит, что гендерный дисбаланс был наиболее характерен для монастырских владений. Большинство владельческих вотчин в той части Ярославской губернии были карликового размера, не больше двух-трех дворов – результат многолетних разделов между наследниками и выделения приданого¹³⁸. Во всяком случае, по положению на 1762 г. примерно в половине имений среднего и крупного размера вокруг щербатовского села Михайловское скапливались взрослые незамужние женщины. Как и Бестужев-Рюмин, Щербатов, по всей видимости, засвидетельствовал то, что видел и о чем, наверное, беседовал со своими соседями.

Убеждение Щербатова, высказанное им в 1758 г., что многих крепостных необходимо принуждать к вступлению в брак, что это на пользу и самим крепостным, и их владельцам, и государству, оставалось незыблемым до конца его жизни. Последние лет пять он посвятил размышлениям, сочинительству и управлению Михайловским, где явно отсутствовали какие-либо проблемы с браком: в ревизской сказке 1782 г. по Михайловскому и Кузмодемьянскому зафиксирована только одна никогда не выходящая замуж женщина 34 лет и один неженатый 29-летний мужчина, и в обширной вотчинной переписке предыдущих лет ни разу не упоминается сопротивление крепостных браку¹³⁹.

Из всех дошедших до нас сочинений Щербатова некоторое объяснение предполагаемого нежелания крестьян вступать в брак можно обнаружить только в написанном им после ухода в отставку. Но в целом Щербатов неизменно утверждал, что крепостные не будут действовать в соответствии со своими насущными интересами, покуда их владельцы им этого не прикажут, – точка зрения, широко распространенная среди русских дворян того времени. В своем неопубликованном «Размышлении о самстве», написанном, по-видимому, во второй половине 1780-х, Щербатов говорит, что лень и непреодолимое стремление к самоублажению, если их не держать в узде, неуклонно приводят к нищете, которая вкупе с непомерной тягой к совокуплению побуждает крестьян к обману и преступлениям. Так они «часто отнимают нужное у сыновей и отбегают от отдания дочерей в замужество, дабы не лишиться работницы»¹⁴⁰. В этом высказывании интересно то, что, когда крестьянских отцов спрашивали, почему они не выдают дочерей замуж, зачастую они действительно отвечали, что труд этих женщин незаменим в хозяйстве. Иногда это была ложь¹⁴¹. Иногда – правда¹⁴². Щербатов, вероятно, слышал подобные объяснения крестьян и истолковывал их ответы в контексте своих мыслей о праздности, лукавстве и половых сношениях крепостных душ.

Примерно в то же время Щербатов осветил проблему, создаваемую нежеланием крепостных девок идти замуж, в еще одном неопубликованном трактате «Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений»: «Все те, которые с прилежанием наблюдают добрый порядок и в своих деревнях, довольно приметили,

¹³⁸ Десять вотчин, там же, подходят под это описание. В комплекте 65 ревизских сказок, от 1762 г., из Игречкой волости и примыкающих друг к другу станов – Закоторжский и Верховский. Все они либо находились рядом, либо включали в себя щербатовские вотчины, и ни в одной не насчитывалось даже 50 душ мужского пола, а в большинстве было меньше 10 (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4301. Гл. 2).

¹³⁹ РГАДА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 162. Эти двое были из одного двора, что обычно указывает на религиозные причины сопротивления браку. Соответствующая переписка: Оп. 1. Д. 484, 493, 508, 510, 519, 523, 525, 550.

¹⁴⁰ Щербатов М. М. Сочинения князя М. М. Щербатова. СПб., 1898. Т. 2. «Самство» – неологизм, придуманный Щербатовым для перевода французского слова «эгоизм». Владимир Рыжков комментирует это и связанные с этим выдержки из текста сочинений в: «Домостроительство» и политика: Место представлений о правильном устройстве сельского поместья в системе общественно-политических взглядов М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 345.

¹⁴¹ Как в имении Баки Шарлотты Ливен в 1800 г. См. главу 6 этой книги.

¹⁴² Например, когда в имении Шишкиных в Вологодской губернии отец просил разрешения оставить дочь дома до зимы, потому что ему нужна была ее помощь по хозяйству, а двору ее будущего жениха нет; но он просил также, чтобы его двору было позволено выбрать жениха (ГИМ ОПИ. Ф. 182 (Шишкины). Оп. 1. Д. 8. Л. 203–204 об.). Профессиональный управляющий имениями с 30-летним опытом тоже говорил о необходимости сохранения рабочих рук как причины, почему отцы иногда оставляли дочерей дома (Карпович У. Хозяйственные опыты тридцатилетней практики или наставление для управления имениями. СПб.: Тип. И. Воробьева, 1837. С. 275). На его свидетельство, вероятно, можно положиться.

что отцы неохотно выдают дочерей своих, держа их, яко работниц, для своего прибитку, и лишь токмо господское побуждение принуждает их оних выдавать, побуждение, клонящееся к общему благу государства. А без сего бы побуждения колико бы во всякой деревне нашлось девок и молодых вдов, не вышедших замуж, и холостых, и вдовых неженатых, а тем бы колико уменьшение народа приключилось. Дворцовые и экономические крестьяне пример ясный нам сему представляют. В них во всякой почти деревне можно сыскать множество холостых и вдовых неженатых, а девок, так же и молодых вдов, не вышедших в замужество и не исполняющих долга человечества в размножении народа»¹⁴³.

Примечательно, сколько в этом отрывке содержится заблуждений. Ревизские сказки, исповедные ведомости и подворные описи вотчин безоговорочно свидетельствуют о том, что почти повсюду в России крестьяне всех категорий практически поголовно вступали в брак без малейшего понуждения со стороны владельцев или управителей дворцовых имений. Хотя некоторые дворы действительно испытывали потребность по крайней мере временно удерживать у себя женские рабочие руки, в целом у крестьянских отцов был экономический стимул отдавать дочерей замуж. Женатые сыновья были необходимы для обеспечения продолжения существования двора и сносной старости родителям; крестьянским отцам по всей России, чтобы получить жен для своих сыновей, приходилось оплачивать кладку, размер которой колебался в соответствии с конъюнктурой рынка; получить такой же выкуп они могли, только отдавая своих дочерей замуж. Даже обнаружив, что крепостные девки в некоторых имениях, в его местности, по крайней мере, на самом деле сопротивлялись замужеству, Щербатов совершенно неверно определил корень этого зла. Лениность и скопидомство, якобы присущие русскому крестьянину, не имели к этому явлению никакого отношения.

ВЛАДИМИР ОРЛОВ УЧИТСЯ ИЗВЛЕКАТЬ ВЫГОДУ ИЗ ОТНОШЕНИЯ СВОИХ КРЕПОСТНЫХ К БРАКУ

Владимир Орлов (1743–1831), в имениях которого многие крепостные девки действительно отказывались от брака, тоже ошибался насчет причин этого, пока не узнал правду от самих крепостных. Владимир был младшим и наиболее образованным из пяти братьев Орловых, которые после захвата трона Екатериной II в 1762 г. вознеслись на вершину российской политики и общества. Его брат Григорий был в то время фаворитом Екатерины и одним из организаторов переворота. И он, и его брат Алексей сразу же заняли командные посты в политической и военной сферах. Все пятеро братьев были возведены Екатериной в графское достоинство и пожалованы вотчинами: на начало 1770-х гг. им в совокупности принадлежало как минимум 27 тысяч душ мужского и примерно равное число женского пола, большинство из них в имениях, полученных от Екатерины¹⁴⁴. Сам Владимир – ему в 1762 г. было всего 19 лет – не принимал участия в перевороте. В 1763 г. братья отправили его в Лейпцигский университет, где он обучался три года. По возвращении в 1766 г. Екатерина назначила его директором Академии наук, то есть на деле исполняющим обязанности ее президента: номинальный президент Кирилл Разумовский никогда не принимал активного участия в делах Академии. Владимир

¹⁴³ Щербатов М. М. Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений // Щербатов М. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 154.

¹⁴⁴ После смерти отца в 1746 г. братья получили в наследство 2 тысячи (мужских) душ (*Полушкин Л. П.* Братья Орловы. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. С. 10). Семевский насчитал 27 000 душ мужского пола, записанных во владениях Орловых при Генеральном межевании (*Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II. СПб.: М. М. Стасулевич, 1903. Т. 1. 2-е изд. С. 34). Галина Тасева насчитала 23 083 души мужского пола по указам Сената о пожаловании имений Орловым до 1774 г. (*Тасева Г.* Организация управления крупной помещичьей вотчины и вотчинный режим в конце XVIII – первой половине XIX в. По материалам вотчинного архива (инструкциям и уложению Орловых-Давыдовых) // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». 1973. Т. 76. С. 310).

действительно занимался Академией: договорился, например, с ее членами – в большинстве своем немцами – о замене языка записи протоколов заседаний с латинского на немецкий (но не на русский, как он предлагал) и организовывал научные экспедиции. Одна из них, под руководством Петера Палласа, проходила через Симбирскую губернию, и Орлову был послан отчет о качестве почвы и природных ресурсах недавно приобретенного там Орловым имения. С годами он стал проводить меньше времени в Санкт-Петербурге, и, после того как Григорий (в 1772 г. утративший благосклонность Екатерины) в 1774 г. ушел в отставку, Владимир последовал его примеру и посвятил большую часть оставшейся жизни благоустройству своих имений¹⁴⁵.

За отдельными исключениями Орлов придерживался дворянской традиции и позволял женщинам выходить замуж в чужие владения. Одним из исключений было его первое, насколько известно, правило о браке – изданный в 1767 г. запрет на выход замуж за пределами вотчины для крепостных девок Поречья-Рыбного Ростовского уезда¹⁴⁶. Это было, по всей видимости, инстинктивное решение молодого и неопытного помещика, принявшего за данность, что потеря души женского пола по причине замужества наносит очевидный имущественный ущерб. Владимир всерьез занялся хозяйствованием в 1773 г., когда братья доверили ему управление всеми совместно им принадлежавшими в то время вотчинами. Он сразу же осведомился у бурмистров о том, как высчитывается норма оброка, как часто устраиваются деревенские сходы и какие вопросы на них обсуждаются, как исполняется воинская повинность, а также о многих других делах, в которых добросовестный управляющий должен был разбираться¹⁴⁷. Он не задавал вопросов о браках крепостных. Тем не менее, когда бурмистр села Сидоровское (Нерехтинского уезда Костромской губернии) спросил, что делать с крестьянином, который хотел взять невесту для сына со стороны, а также выдать дочь замуж на сторону, Орлов постановил (только в отношении Сидоровского, по всей видимости), что в случае подобных обменов за дочь не нужно брать вывода¹⁴⁸. В 1774 г. его первый полный сборник правил по управлению позволял уход незамужних девок в связи с замужеством, если они не являлись единственными наследницами своего родного двора. В последующей переписке добавлялось, что бездетные вдовы тоже могут выходить замуж на сторону, но вдовы с детьми – нет¹⁴⁹.

И все-таки отношение Орлова к выходу крепостных девок замуж на сторону оставалось амбивалентным. Он дал безоговорочное добро на уход своих женщин в замужество в вотчины братьев (многие из которых граничили с его поместьями) без уплаты вывода, если только в обмене невестами сохранялся приблизительный баланс. Он дал также разрешение женщинам одного имения в Орловской губернии выходить замуж на сторону безвыводно при условии, что соседние вотчины будут следовать такому же правилу¹⁵⁰. С другой стороны, он в 1779 г. запретил замужество на сторону из своей вотчины в Бежецком уезде. В 1790 г., когда он купил

¹⁴⁵ Краткая биография Владимира Орлова дается в: Русский биографический словарь. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. Т. 12. С. 347–348. Двухтомная биография, написанная его зятем и наследником Владимиром Орловым-Давыдовым: Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1878. Его жизнеописание есть также в: *Полушкин Л. П.* Братья Орловы. М., 2007. С. 385–432.

¹⁴⁶ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1897. Гл. 3. С. 338.

¹⁴⁷ *Орлов-Давыдов В.* Биографический очерк. Т. 1. С. 280–281.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 1454 (Сидоровское вотчинное правление). Оп. 1. Д. 343. Л. 25. Это приказ Орлова от 1785 г., отменяющий постановление 1773 г. и требующий уплату вывода за каждую девку, выходящую замуж на сторону.

¹⁴⁹ Там же. Ф. 1273 (Орловы-Давыдовы). Оп. 1. Д. 510. Л. 7 об., 107–107 об., 112–112 об., 114–114 об. Эти правила касались по крайней мере трех имений в Ярославской губернии и как минимум одного в Нижегородской губернии, вполне возможно, что всех остальных орловских вотчин тоже. Журнал приказов за 1774 г. утерян, но правила Орлова от 1774 г. упоминаются в переписке 1776 г. Экземпляр инструкций от 1774 г., посланный в Сидоровское: РГАДА. Ф. 1454. Оп. 2. Д. 92. Л. 1–5.

¹⁵⁰ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 60, 80 об.; Д. 662. Л. 77–77 об., 113–113 об., 114 об. – 115. Инструкции об управлении 1776 г. для имения Семеновское (где он жил, когда уезжал из Москвы) в Серпуховском уезде не содержали никаких правил относительно брака, возможно, из-за того, что почти все деревни на мили вокруг принадлежали другим членам семьи (Там же. Д. 510. Л. 52 об. – 56).

имение Симбилей (в Нижегородской губернии) у князей Прозоровских, позволявших девкам выходить замуж на сторону, он приказал: «Девки в посторонны вотчины не выпускать в замужество как и до сего производило!»¹⁵¹ Периодические запреты Орлова на замужество на сторону после 1773 г. могли быть связаны с тем, что он либо знал, либо предполагал, что соседи не всегда отвечают взаимностью. Однако, составляя в 1796 г. Уложение для всех своих вотчин, он дал разрешение незамужним девкам и вдовам без сыновей выходить замуж в чужие вотчины по уплате (неуточненного размера) вывода. За одним исключением: чтобы не допустить утрату вотчинного имущества, женщинам без братьев запрещалось замужество за пределами имения¹⁵². По-видимому, Орлов имел в виду домашнюю утварь, которую они могли со временем унаследовать. Такой закон в вотчинах Владимира Орлова существовал вплоть до его смерти в 1831 г., а в некоторых случаях и дольше.

Терпимое отношение Орлова к замужеству вне его владений было в русле устоявшихся дворянских порядков, а вот суммы, которые он взимал, когда женщины пользовались этим правом, шли с обычаем вразрез: вместо номинального сбора, как прежде, он подходил к отпуску крепостной девки для замужества как к продаже. Единственное сохранившееся указание на выводное, взятое Орловым в 1770-х, касается бежецкой вотчины, где в 1776 г. была истребована сумма 15 рублей. Это была такса, установленная самым старшим из братьев Орловых Иваном в 1773 г. в Сидоровском¹⁵³. Владимир, очевидно, повторял за братом. 15 рублей – это намного больше, чем другие помещики брали в это время: в начале 1770-х в округе Сидоровского такса была 1–2 рубля, в Ростовском уезде неподалеку от Бежецка – 2–5 рублей¹⁵⁴. Иван и за ним Владимир Орловы в 1770-х гг. установили выводное выше рыночной цены бракоспособной крепостной крестьянки – примерно 10 рублей¹⁵⁵. К 1783 г. Орлов повысил вывод в Сидоровском и, вероятно, в других вотчинах до 30 рублей, в то время как другие помещики в окрестностях Сидоровского в 1780 г. взимали около 10 рублей¹⁵⁶. Размеры вывода росли везде, но у Орлова быстрее, чем у большинства.

Орловское Уложение 1796 г. не уточняло размера вывода потому, что к тому времени размер менялся, в зависимости от состоятельности двора уходящей невесты. Орлов, возможно, понимал, что зажиточное семейство выдаст дочь замуж только в зажиточный же двор, но я не думаю, что он вдавался в такие подробности: если дочь зажиточного отца выходила замуж на сторону, вывод устанавливался большой, и Орлову было все равно, кто его будет платить. Поскольку рыночная цена бракоспособных крепостных девок (как и крепостных душ в целом) со временем росла, повышался и размер вывода у Орлова¹⁵⁷. В 1792 г. Орлов установил мини-

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 80 об. (Бежецк); Д. 2763. Л. 29 об. (Нижний Новгород).

¹⁵² Там же. Ф. 1384 (Орловы-Чеменские). Оп. 1. Д. 1484. Л. 17 об. – 19. Во всех других рукописных экземплярах, которые я видел, разночтения были не более значительными, чем ошибки переписчика. Печатный экземпляр см.: *Довнар-Запольский М. В.* Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. Киев, 1910. № 11. С. 253–288.

¹⁵³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 510. Л. 10; Ф. 1454. Оп. 1. Д. 344. Л. 4. До 1789 г., когда впервые были выпущены бумажные деньги (*ассигнаты*), цены были в серебряных рублях. Позже, если не оговорено иначе, цены нужно считать номинированными в бумажной валюте (стоимость которой в отношении к серебру колебалась). В бумагах Орлова редко отмечается, был ли сбор в серебряных или бумажных деньгах, но в большинстве случаев бумажные деньги предполагались «по умолчанию».

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 164. Л. 1, 2, 9, 10, 12–13; Д. 41, 58, 115; Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 228 (Сидоровское вотчинное правление). Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2 об.; Д. 34, 41, 58 (Сидоровская округа). РГАДА. Ф. 615 (Крепостные книги). Оп. 1. Д. 9205, 9207 (Ростовский уезд).

¹⁵⁵ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. 1. С. 174. У Семевского небольшая выборка и наблюдаются значительные местные отклонения. Когда в 1774 г. служащий Ярославской Казенной палаты назначил выводное в 10 рублей за женщину, ухажившую в замужество из конфискованного имения, он мог ориентироваться на рыночную цену (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 149. Л. 57).

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 308. Л. 1. По состоянию на 1780 г. вывод был по-прежнему 15 рублей: Там же. Д. 238. Л. 7, 9, 20, 22, 26. 10-рублевый вывод, взятый помещиками, чьи крепостные девки вышли замуж в орловскую вотчину в 1780 г., см.: Там же. Д. 253. Л. 1–2.

¹⁵⁷ О нескольких противоречивых цифрах, отражающих цены конца XVIII в. на покупку крепостных для военной повинности и на мужиков, приобретаемых вместе со всей вотчиной, см.: *Миронов Б.* Благополучие населения и революции в импер-

мальный уровень выводного в своем городецком имении в 50 рублей, в Сидоровском в 1790-х вывод был в диапазоне от 30 до 100 рублей¹⁵⁸. В первой четверти XIX в. за большинство невест, уходивших из орловских вотчин, взималась плата от 100 до 150 рублей, хотя иногда она снижалась до 60, но изредка поднималась гораздо выше: например, в 1821 г. за девуку из Городецкого было уплачено 420 рублей¹⁵⁹. С 1799 по 1825 г. сам Орлов покупал невест для своих мужиков, для которых не нашлось жен в собственном имении, по 100–150 рублей¹⁶⁰. Если женщина, уходящая из вотчины в замужество, обменивалась на ее денежный эквивалент, то не было оснований беспокоиться об имущественном ущербе. Усвоив эту концепцию, Орлов в Уложении 1796 г. позволил замужество на стороне женщинам во всех своих вотчинах. Возможно, он увидел в замужестве крепостных девок в посторонних вотчинах дополнительный источник дохода.

В реальном выражении размер выводного у Орлова не повысился в 6–7 раз, как можно заключить из разницы между 15 рублями в 1770-х годах и 100 рублями в среднем на рубеже XVIII и XIX веков. С поправкой на инфляцию и предполагая, что после 1789 г. валютой по умолчанию (почти никогда не указываемой) был бумажный ассигнат, а не серебряный рубль, средний размер выводного, взимаемого за женщин, выходящих замуж из Сидоровского на сторону, между 1773 и 1800 гг. на самом деле только удвоился¹⁶¹. Если же отсчитывать от 1760-х гг., когда управитель дворцовыми имениями в Сидоровском брал, наверное, двухрублевый вывод за уходящих из имения невест, к 1800 г. реальная стоимость выводного увеличилась в 13 раз¹⁶². Учитывая, что в районе 1760 г. владельцы крепостных душ обычно взимали 2–4 рубля за вывод, а к 1800 г. брали, как Орлов, уже около 100 рублей, в последней трети XVIII в. реальный рост стандартной ставки выводного был в диапазоне от 6,5 до 13.

В 1777 г. Орлов, видимо, впервые обратил внимание на крепостных женщин, отказывавшихся вступать в брак: он распорядился, чтобы девки в Сидоровском были замужем к 20 годам. Если же в будущем обнаружатся достигшие этого возраста незамужние женщины, бурмистр будет оштрафован, а женщины эти будут выданы замуж за крепостных из других орловских вотчин¹⁶³. Новое правило вызвало смятение: сидоровский бурмистр Иван Ратков докладывал, что девок старше двадцати слишком много, чтобы всех сразу сосватать. Орлов смилиостивился

ской России. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 257; *Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1985. P. 64, 348.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 79 об.; Ф. 1454. Оп. 1. Д. 419. Л. 1 – 1 об.; Д. 446. Л. 1–2; *Тасева Г.* Организация управления. С. 329.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 705. Л. 103 об.; Д. 562. Л. 50; Д. 661. Л. 86; Д. 662. Л. 128; Д. 707. Л. 26 об. – 27, 58 об.; Д. 742. Л. 6 об., 167; Д. 937. Л. 59 об.; Д. 1000. Л. 50 об.; Д. 936. Л. 8 об. (Городец, 1821).

¹⁶⁰ Там же. Д. 533. Л. 43 об. – 44, 61, 89 об. – 90; Д. 531. Л. 162–162 об.; Д. 564. Л. 100 об.; Д. 662. Л. 76 об., 86 об. – 87; Д. 707. Л. 99, 161; Д. 742. Л. 2 об.; Д. 937. Л. 101 об. – 102; Д. 973. Л. 1; Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 1154. Л. 2. В 1784 г. генерал Александр Суворов оставил в Москве 150 рублей на покупку трех девок для замужества; вотчинный чиновник сказал ему, что этого недостаточно, за 50 рублей можно было купить только девуку, которая совсем ничего не умела, а за 80 он мог приобрести искусницу. В 1785 г. Суворов попросил доверенного купить четырех женщин в жены дворовым по 50 рублей за душу в Новгородской губернии, где они стоили меньше (*Рыбкин Н.* Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. М.: Патриот, 1993. С. 23, 25 (впервые издано в 1874 г.)).

¹⁶¹ Я использовал показатель инфляции Бориса Миронова из: *Миронов Б.* «Революция цен» в России XVIII в. // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 49–61. И отсюда: *Mironov B. N.* Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-Century Russia // *Economic History Review*. 1992. Т. 45. № 3. P. 457–478. Миронов приводит все цены в серебряных рублях, поэтому для периода после 1769 г. я брал обменные курсы серебра к ассигнату из: *Owen T.* A Standard Ruble of Account for Russian Business History, 1769–1914: A Note // *Journal of Economic History*. 1989. Т. 49. № 3. P. 703–704. Когда выводная такса была всего несколько рублей, крестьяне, возможно, платили медяками разного веса и стоимости; см.: *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994.

¹⁶² В длинном меморандуме (длинной докладной записке) от 1777 г., дающем обзор истории сборов за уход из дворцовых имений в связи с замужеством, отмечается, что в разных местах взимали по-разному: от 25 копеек до 2 рублей, а иногда и 5 рублей (РГАДА. Ф. 1239 (Дворцовый архив). Оп. 3. Д. 49409–49420. Л. 432–435 об.).

¹⁶³ Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 145. Л. 2 – 2 об.

на том условии, что девки замуж будут выходить «за благовременно»¹⁶⁴. Ни в орловских, ни в сидоровских бумагах нет прямого намека на то, что могло подтолкнуть Орлова приказать женщинам под страхом сурового наказания выходить замуж к 20 годам, но, вероятнее всего, он только в 1777 г. узнал о том, что некоторые женщины из Сидоровского отказывались вступать в брак – возможно, от какого-нибудь мужика, попросившего его о помощи в приобретении жены. Такого документа нет в сохранившихся материалах, но, когда невест не хватало, крепостные мужики естественным образом шли жаловаться к своим хозяевам, в том числе и к Владимиру Орлову.

Во время ревизии 1763 г. население имения Сидоровское, немного на юг от р. Волги, насчитывало 1208 душ мужского и 1277 женского пола, а деревня Сидоровское – 234 и 281 соответственно¹⁶⁵. До пожалования его Орловым в 1773 г. это было дворцовое имение, и хотя многие крестьяне занимались сельским хозяйством, основой экономики здесь были рыболовство и торговля, а также все больше развивались кустарные промыслы, в частности изготовление ювелирных изделий¹⁶⁶.

В составе населения имения было значительное количество староверов. В документах от 1764 г. указаны 34 мужчины и 64 женщины в возрасте 25 лет и старше, державшиеся старой веры. Только в деревне Сидоровское 17 из 116 мужчин (14,7%) и 32 из 141 женщины (22,7%) из этой возрастной группы были записными староверами¹⁶⁷. Нет оснований считать, что все староверы в этой деревне, по состоянию на 1764 г., были зарегистрированы (то есть сами на себя донесли). Мужчины, зарегистрированные таким образом, платили двойную ежегодную подушную подать, записные женщины-староверки облагались по ставке православных мужчин, в то время как православные женщины вообще не платили подати¹⁶⁸. Более того, в регистрационные списки они были занесены как раскольники. Сами они считали православную церковь раскольнической или еще хуже, и были старообрядцы, которые отказывались регистрироваться, потому что это, по их мнению, было равносильно признанию раскола, то есть отречению от веры истинной. Единственной выгодой регистрации было то, что она избавляла их от преследований со стороны церкви и государства, требовавших от них либо принять православные таинства, либо заплатить штраф.

Гораздо большее число «саморазоблачившихся» староверов появляется в списке от 1800 г. – 25 мужчин и 75 женщин в деревне Сидоровское, 12 мужчин и 49 женщин в остальной части имения – потому что императрица Екатерина II (1762–1796) отменила многие дискриминационные законы против них¹⁶⁹. В списке от 1800 г. указано количество мужчин и женщин по деревням, без имен и возрастов, но, поскольку в такие списки дети практически никогда не включались, мы можем считать, что почти все сидоровские староверы, зарегистрированные в 1800 г., были взрослыми. Иначе говоря, в 1800 г. почти половина взрослых женщин и, по всей вероятности, 20% взрослых мужчин в деревне Сидоровское были записаны староверами. Можно также предположить, что некоторое число староверов остались незарегистрированными.

¹⁶⁴ Там же. Л. 2 об.; Д. 181 (Указы, 1778). Л. 11–11 об.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 1454. Д. 46. Л. 17 – 138 об.

¹⁶⁶ Тасева Г. Организация управления. С. 315–316.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 1454. Д. 46. Л. 1 – 10 об. Я выделил население с 25-летнего возраста, потому что по состоянию на 1763 г. 25 лет – это был, кажется, предельный возраст вступления в брак для женщин: в 1763 г. 10 из 37 женщин в возрасте 20–24 лет были не замужем, в то время как из возрастной группы 25–29 лет 6 из 21 были не замужем так же, как и 6 из 21 в группе 30–34-летних. Предельный возраст для женитьбы мужчин был, судя по всему, 30 лет.

¹⁶⁸ См., например, отчет об уплате подушной подати в Сидоровском за половину 1772 г.: РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 38. Л. 26.

¹⁶⁹ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Л. 7 об. – 8.

Существовало много течений старообрядчества, но все те, кто был зарегистрирован в 1763 г., почти наверняка являлись членами беспоповских согласий, особенностью вероучения которых было убеждение, что реформы Никона середины XVII в. уничтожили благодать священства и, следовательно, таинство брака. В 1763 г. в целом в деревне Сидоровское 25 из 141 женщины 25 лет и старше (17,7%) никогда не были замужем, при этом 18 из 25 никогда не бывших замужем взрослых женщин являлись записными староверками. Остальные семь, скорее всего, были незарегистрированными староверками. Из мужчин-старообрядцев этой деревни, достигших 25 лет, только двое никогда не были женаты (38 и 54 лет), а 15 состояли в браке. В списках 1764 г. не указывается различие между староверами-беспоповцами и поповцами (которые принимали священников, перешедших к ним из православной церкви, и твердо стояли за брак), а в списке от 1800 г. эти сведения есть: в тот год 55 женщин деревни Сидоровское были из поповцев, а 20 из беспоповцев – цифра, почти совпадающая с количеством взрослых незамужних женщин в 1763 г. Женщины беспоповского толка принадлежали к двум разным согласиям: 17 спасовок и три поморки. Остальная часть книги – это, по сути дела, развернутое объяснение вышеприведенной статистики по замужним и незамужним взрослым женщинам Сидоровского и их религиозной принадлежности. Для Владимира Орлова же значение имело только то, что сидоровские женщины чурались брака.

До 1777 г. Орлов, вероятно, мало знал о староверах и поначалу, судя по всему, не понимал, что это и были отказывавшиеся выходить замуж женщины из Сидоровского. После приказа незамужним выходить замуж вторым решением Орлова было запретить родителям потенциальных сидоровских невест требовать за дочерей кладку и возместить ее, если уже взяли (в одном случае того года кладка составляла 7 рублей)¹⁷⁰. Сначала Орлов считал, что бракам в Сидоровском препятствует кладка. Однако в конце 1777 г. он уже говорит о не желавших выходить замуж девках и вдовах как об «оказавшихся в незаконных обращениях», то есть Орлов знает, что это староверки¹⁷¹. Таким было вводное предложение в приказе о том, что если выяснится наличие каких-либо канонических препятствий (кровное или духовное родство, например) к браку, то женщин следует отправлять в его московскую контору с тем, чтобы выдать их замуж в других его деревнях. В июне 1779 г. бурмистр Ратков прислал известие, что вдовцам никак не удастся уговорить женщин выйти за них замуж, в ответ Орлов приказал бурмистру и сельскому сходу самим заняться сватовством: «...неприменно обженить приказывать несмотря ни на какие с тех девок отговорки»¹⁷². Затем в июле он послал указ, который начинался со слов: «Известно мне что многие крестьянские девки живут не в замужестве до очень поздних лет, от чего... блудовство и другие непорядки производят должны», – стандартное нарекание православных в сторону староверов-беспоповцев. Сход должен был выбрать им женихов, позаботившись только о том, «чтобы человек человека стоил». Если женщины продолжали противиться браку, следовало отдавать их замуж даже против их воли¹⁷³. Сидоровский сход тут же заставил трех женщин выйти за вдовцов и продолжал принудительное сватовство в последующие годы¹⁷⁴.

То, что Орлов узнал о Сидоровском, побудило его присмотреться, нет ли признаков подобного явления в других его имениях. В октябре 1779 г., требуя от бурмистра Городца (Нижегородская губерния) представить информацию о количестве зажиточных крестьян и о том, как они заработали свои деньги, Орлов заодно поинтересовался, у кого есть незамужние дочери, которые по возрасту уже должны быть замужем, и есть ли молодые вдовы. Когда в

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–2 об.; Д. 166. Л. 26 об. – 27 об.

¹⁷¹ Там же. Д. 166. Л. 53 об.

¹⁷² Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 50 об.

¹⁷³ Там же. Л. 57.

¹⁷⁴ Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 238. Л. 101; Д. 345. Л. 22.

декабре 1779 г. городецкий вдовец попросил Орлова заставить молодую вдову выйти за него, Орлов распорядился в случае, если она и дальше будет отказываться, отправить ее – явно в наказание, возможно, чтобы выдать насильно в другом месте, – в его московскую усадьбу¹⁷⁵. В Городце было много староверов, в основном поповцев, и имелась старообрядческая часовня, в которой орловские староверы-поповцы венчались. Было бы весьма удивительно, если бы отказ от брака в его городецкой вотчине превышал минимальный уровень¹⁷⁶.

В своей симбелейской Инструкции от 1791 г. Орлов ввел много правил, нацеленных на борьбу с отказом от брака. Он повторил запрет на кладку: «Отцам за дочерей денег отнюдь не брать под опасением жестокого наказания!»¹⁷⁷ Но искоренить этот обычай ему не удалось – из Симбилеев, например, сообщали о кладке, взятой в 1821 г., так что он отказался от дальнейших усилий. Впоследствии он ограничивался пожеланием, чтобы кладка была умеренной¹⁷⁸. Он подтвердил правило, ранее установленное для Сидоровского и остававшееся в силе до конца его жизни: если женщины к 20 годам не выходили замуж, отцы их были обязаны найти женихов в течение шести месяцев. Если это не было сделано, семьи непокорных невест облагались штрафом: 10 рублей со среднего двора, 15 рублей с зажиточного. Если двор был настолько беден, что не мог уплатить штраф, отца девки следовало высечь при мирских людях деревни. Если же ни штраф, ни розги не возымели действия, бурмистр и выборные должны были сами выбрать жениха, позаботясь при этом, «чтобы друг другу и дом дому стоили»¹⁷⁹. Орлов не замедлил провести свои распоряжения в жизнь. Инструкция датирована 26 сентября 1790 г. 8 октября он велел симбилейскому бурмистру прислать списки холостых мужиков и предназначенных им бракоспособных, но незамужних женщин и приказал, чтобы их женили незамедлительно¹⁸⁰. В своем Уложении 1796 г. Орлов сохранил все эти правила, кроме одного (наказания розгами), и добавил новые, например, что с холостыми и вдовыми мужиками 25 лет и старше следовало поступать так же, как с незамужними девками и вдовами (однако во всей обширной вотчинной переписке нет ни одного свидетельства, что данное распоряжение имело какие-либо практические последствия). Штрафы не состоявшим в браке были увеличены до 25 и 50 рублей; самых бедных бурмистр должен был штрафовать на свое усмотрение. Орлов добавил, что мужчин и женщин, к браку действительно непригодных, принуждать к нему не надо. Списки тех, кому положено было вступать в брак, должны были посылаться в его московскую контору с припиской о том, что вотчинные власти намеревались делать в каждом конкретном случае¹⁸¹. Несмотря на отмену телесного наказания, орловские документы свидетельствуют, что и после 1796 г. сельские сходы все-таки принуждали некоторых непокорных женщин выходить замуж (хотя иногда наталкивались на сопротивление попов, требовавших соблюдения церковного правила, что венчающиеся должны дать свое согласие на брак), а Орлов и его московская контора продавали, или грозились продать, других упрямец или ссылали их в Сибирь¹⁸².

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 66 об., 95 об.

¹⁷⁶ О староверах в городецкой вотчине: РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 1000. Л. 23 об., 24 об. Об орловских крепостных, венчавшихся в старообрядческой часовне: ЦАНО. Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория). Оп. 557 (1830). Д. 46. Л. 2–3. Особенно ценный источник сведений по поповцам Городца: *Мельников П. И.* Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Министерстве Внутренних Дел Коллежским Советником Мельниковым // Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Нижний Новгород, 1910. Т. 9. С. 166–178. Мельников написал этот отчет в 1854 г.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 2763. Л. 29 об.

¹⁷⁸ Там же. Д. 561. Л. 27 об.; Д. 936. Л. 143 об.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 2763. Л. 29 об., 30.

¹⁸⁰ *Архангельский С. И.* Симбилейская вотчина Вл. Гр. Орлова (1790–1800 гг.) // Нижегородский краеведческий сборник. 1929. № 2. С. 181.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 1484. Л. 17 об. – 19.

¹⁸² Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 561. Л. 26 об.; Д. 2830. Л. 1–2 об.; Д. 936. Л. 143 об.; Д. 661. Л. 66–67 об.; Д. 937. Л. 41 об. – 42; Д. 705. Л. 78.

Орловские правила относительно браков крепостных бросают свет как на возникавшие проблемы, так и на попытки их преодоления. Орлов не имел определенного отношения к женщинам, выходящим замуж за пределами его вотчин, пока не пришел к пониманию, что, позволяя женщинам уходить из вотчины в замужество за рыночную цену, он не терпит убытка; иногда ему удавалось получить за них гораздо больше рыночной цены. Хотя он был готов в любое время применить (и уполномочить бурмистров и выборных привести в исполнение) карательные меры к взрослым незамужним женщинам, то, что он предпочитал использовать штрафы, несколько умеряло жесткость режима и сулило еще один источник дохода. Его неослабевающие усилия принудить женщин выходить замуж были, безусловно, жестокосердны, но – с учетом нравов эпохи – не в исключительной степени. Орлов отказался от принародного битья розгами (хотя после 1796 г. все-таки были случаи порки) и от попыток искоренить кладку. К тому же он готов был покупать крепостных девок в жены своим крепостным мужикам, которые не смогли найти невест у себя, – жестоко по отношению к девкам, конечно, но большое благо для мужиков, получивших купленных невест. Своим бурмистрам он наказывал, что если крепостные сами купили себе крепостных крестьянок, а потом отдали их замуж, выводные деньги должны идти крепостным, а не ему¹⁸³. И его правила относительно брака – во многих имениях вообще и в большинстве имений в основном – не имели приложения: девки по своей воле выходили замуж обычно до исполнения 20 лет, большинство молодых мужиков к 30 годам были женаты, и они или их родители справлялись со сватовством сами без всякого вмешательства со стороны Орлова¹⁸⁴.

Правило Орлова об универсальной брачности и его упорные попытки это правило насадить соответствовали желаниям его крепостных мужиков: универсальная брачность была вековым устоем их жизни, и Орлов требовал, чтобы женщины вели себя, как им положено по статусу русских крепостных крестьянок. Крепостные мужики привычно (вдовы, стоявшие во главе двора, изредка) просили Орлова, чтобы он устроил брак поневоле, и сельские сходы часто выступали в этом усердными пособниками. В 1801 г. в имении Романовского уезда Ярославской губернии деревенские власти не смогли заставить 27-летнюю староверку выйти замуж; как доложил бурмистр, «она по упрямству своему у священника отказалась от замужества не ити не за кого». Община предложила изгнать ее из имения; московская контора Орлова приказала ее продать или, если покупателя не найдется, послать на фабрику. Тем временем ее три месяца держали в кандалах. В июне 1802 г., после того как бурмистр и выборные по согласованию с московской конторой уже были готовы отправить ее в ярославский смирительный дом, она дала согласие на брак. Бурмистр после этого предложил отправлять всех противящихся браку девок в смирительный дом, поскольку штрафы не оказывали на них никакого действия. Московская контора велела ему подчиняться орловскому Уложению 1796 г., где такого положения не было¹⁸⁵.

Романовские выборные были возмущены, потому что отказ женщины выходить замуж грозил бедой не одному только несостоявшемуся жениху, а всему миру. Они рассматривали женщин как общинный ресурс. По стечению обстоятельств романовским крепостным в 1802 г. представилась возможность напрямую заявить о своих общинных правах на женщин. Молодая бездетная вдова, попавшая ранее в имение в связи с замужеством, попросила разрешения вернуться в отцовский двор. Ее свекр согласился, мечтая получить свою 100-рублевую кладку обратно, но бурмистр и выборные были другого мнения: вдова была молода и здорова,

¹⁸³ РГАДА. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 113. Л. 12.

¹⁸⁴ *Bushnell J. S. Did Serf Owners Control Serf Marriage? Orlov Serfs and Their Neighbors, 1773–1861 // Slavic Review. 1993. Vol. 52. P. 437–445.*

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 561. Л. 6 об. – 8, 33 об., 37–37 об., 58 об.

ее нужно оставить в имении и оштрафовать на 25 рублей за нежелание снова выйти замуж. Орлов принял решение, что вдова может вернуться к отцу¹⁸⁶.

В своих челобитных крепостные мужики объясняли значение брака: от него зависело само существование двора. Они подробно описывали, как им позарез нужны женщины: я вдовствую уже два года, у меня пять малых детей, мне никак не обойтись без жены, которая растила бы их и смотрела за их здоровьем, велите 30-летней девке из Сохтонки, которая ведет беспутную жизнь, выйти за меня. Мне 37 лет, у меня двое детей и старик-отец 61 года, без жены мне не справиться с повинностями¹⁸⁷. Эти и многие другие челобитные настолько схожи друг с другом, что есть основания предполагать, что все челобитчики пользовались аргументом, который они считали наиболее эффективным, чтобы убедить хозяина вмешаться: ведь гибель или обнищание двора угрожали его собственным интересам. Между тем многие дворы были действительно подвержены демографическим зловключениям, на которые ссылались челобитчики, и многие из их дворов действительно были бы обречены на обнищание и не смогли бы выполнять свои обязанности перед хозяином, если для них не нашлось бы жен. В брачных делах интересы Орлова и его крепостных мужиков совпадали¹⁸⁸. Это было благоприятным обстоятельством для Орлова, так как он в большей степени, чем большинство владельцев крепостных душ, зависел от своих крестьян в отношении соблюдения его правил: он нанял приказчика управлять единственным имением, где почти исключительно использовался барщинный труд, а во всех остальных вотчинах, где в конце XVIII в. крестьяне платили оброк, управляли крепостные бурмистры¹⁸⁹.

Впрочем, там, где сами бурмистры держались старой веры, они могли и скрывать правду. Гавриил Палкин, бурмистр в вотчине в Любимском уезде на севере Ярославской губернии, докладывал в декабре 1805 г., что, поскольку вотчинные мужики взяли невест со стороны, некоторые девки остались без мужей. Он бы, мол, их оштрафовал, согласно правилам Уложения 1796 г., но родители девок утверждают, что это было бы несправедливо. Вместо этого они просят разрешить им заплатить по 100 рублей за отпускные грамоты, чтобы дочери их могли выйти замуж за пределами вотчины. В апреле 1806 г. московская контора Орлова выдала 11 отпускных бумаг. Четыре года спустя, в марте 1810 г., холостые мужики любимовской вотчины послали анонимный донос: невест не хватает, а местные отцы требуют кладку в 300 рублей, которых у челобитчиков нет. Назначая кладку такого размера, отцы явно стремились вывести дочерей за пределы досягаемости. Более того, отцы, открыто державшиеся старой веры, не соглашались отдавать дочерей замуж вообще ни на каких условиях¹⁹⁰. Бурмистр Палкин – почти наверняка сам старообрядец – схитрил: девкам дали вольную не для того, чтобы они вышли замуж, а чтобы избежали замужества. Здесь характерны и временно удавшийся обман, и его, в итоге, разоблачение: Орлов не мог знать того, о чем крепостные ему не говорили, но мужики, отчаянно нуждавшиеся в женах, готовы были пойти даже против могущественных бурмистров, если те пытались защитить противящихся замужеству женщин. В данном случае, однако, донесшие на Палкина мужики так его боялись, что не объявились, даже когда Орлов прислал доверенного для расследования дела¹⁹¹.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 756. Л. 1–2; Д. 533. Л. 61.

¹⁸⁸ Это подтверждает выводы, сделанные в: *Hoch S. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 91–132 и в других местах.

¹⁸⁹ Тасева Г. Организация управления. С. 312.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 2772. Л. 1–11; Д. 632. Л. 25 об.; Д. 731. Л. 1 – 5 об.

¹⁹¹ Там же. Д. 731. Л. 1 – 5 об. Таким образом, московская контора, судя по всему, не приняла никаких мер. Вотчина принадлежала одной из дочерей Орлова, Екатерине Новосильцевой. Управлял ею Орлов, но решение о вольных приняла Новосильцева.

Ошибка Палкина заключалась в масштабности фальсификации. Вотчинная переписка, касающаяся двух небольших имений в Костромской губернии – деревень Болотниково и Матвейиха Кинешемского уезда, подчинявшихся сидоровскому бурмистру, а не напрямую Орлову и его московской конторе, – показывает, что часто возможно было прикрыть браконенавистниц по отдельности, если община это поддерживала. В Болотниково в 1805 г. 12 из приблизительно 65 женщин 25 лет и старше (18%) никогда не были замужем. Десять из них приходились на три двора – верный признак того, что они избегали замужества по религиозным причинам. Семь, по имеющимся данным, были физически или психически больны и, таким образом, небракоспособны, что в случае трех сестер крайне маловероятно. Еще трех сестер не заставили выйти замуж и не оштрафовали благодаря заслугам их усопшего отца – вероятно, бывшего бурмистра и старовера-беспоповца. В трех более мелких деревеньках имения, насчитывавших всего 29 душ мужского пола, 3 из где-то 33 женщин той же когорты были не замужем и, по докладу бурмистра, больны¹⁹². В том же году бурмистр Василий Федоров был смещен за пьянство и недобросовестное исполнение обязанностей, а также за то, что брал взятки вместо того, чтобы принуждать незамужних женщин к браку. Мы можем проследить по докладам Федорова за 1798 г., как он уклонялся от необходимости принуждения к браку: он сообщал главным образом о парах, женившихся по собственной воле, упоминая также о браках предстоящих и намечающихся в будущем. Если, однако, ему приказывали, он штрафовал и сек отцов незамужних девок¹⁹³. В 1820 г. сидоровский бурмистр заехал в Болотниково и сообщил в Москву о жалобах крепостных, что девять незамужних женщин и один холостой мужик, которых тогдашний бурмистр Ефим Балакирев (назначенный в 1805 г.) оштрафовал, на самом деле недееспособны и посему штрафованию не подлежат¹⁹⁴. Между тем Балакирев, судя по всему, не сделал попытки принудить их вступить в брак. Более того, в 1818 г. у самого Балакирева были незамужняя внучка и незамужняя внучатая племянница – обе 24 лет и с незаконнорожденными детьми. Эта информация поступила от жалобщика, которому Балакирев «посоветовал» (по выражению крестьянина, то есть Балакирев не приказывал ему) отдать дочь за местного холостого мужика¹⁹⁵.

В Матвейихе тоже было подозрительно большое количество женщин, которые, как следует из доклада за февраль 1804 г., были небракоспособны¹⁹⁶. И, похоже, их полку все прибывало. В феврале 1804 г. Степан Иванов из д. Дубанки заявил, что его сыну нужна жена, и попросил, чтобы семью Максима Никитина из Матвейихи заставили отдать за него, Степана, дочь. Сидоровский бурмистр Иван Ретнев приказал выборным Матвейихи разобраться; они сообщили, что, хотя девка возраста подходящего, но болеет и для замужества негодна. Они отклонили подобную же просьбу Тимофея Сергеева, утверждая, что, по их сведениям, женщина слишком стара и хрома для брака¹⁹⁷. Выборные лгали: сложно представить, что и Степан, и Тимофей вместо подходящих для брака девок выбрали себе невест, которые действительно для этой цели были негодны. Они же знали, кто эти девки и где они живут, наверняка их видели. Если здоровых женщин в округе не было, они могли бы обратиться к Орлову с просьбой найти им жен; он благосклонно реагировал на такие просьбы из Матвейихи¹⁹⁸. Матвейихинские бурмистр и

¹⁹² Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 3057. Л. 1–2. Цифры по податному населению в 1812 г., когда женщины не учитывались, поэтому я добавил несколько единиц к общему количеству мужчин, чтобы получить приблизительное количество женщин, и половину из них посчитал как достигших возраста 25 лет (Там же. Д. 2994. Л. 5–5 об. Содержится список этих женщин и их недееспособности).

¹⁹³ Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 2971. Л. 7–7 об., 8–8 об., 10–10 об., 12 об., 14–14 об., 26–26 об.; Д. 2993. Л. 9.

¹⁹⁴ Там же. Д. 3131. Л. 2 об. – 3.

¹⁹⁵ Там же. Д. 3113.

¹⁹⁶ Там же. Д. 3178. Л. 1–3.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 3172. Л. 5 – 5 об. (Иванов); Там же. Л. 7–7 об.; Д. 3176. Л. 4.

¹⁹⁸ Там же. Д. 3195. Л. 1. Приказ официально поступил от владельца – князя Ивана Оболенского, чья жена была родственницей Орлова, контора которого управляла имением (Там же. Д. 3167. Л. 3–4).

выборные отказали также в просьбах о конкретных женщинах, ссылаясь на неравенство дворов невесты и жениха, – еще одна лазейка, оставленная наряду с физической недееспособностью в самом Уложении 1796 г. – и нашли другие отговорки для отклонения настойчивых просьб устроить женитьбу с незамужними девками¹⁹⁹. Не один раз семьи отказывались принять девуку, выбранную для них деревенскими властями²⁰⁰. Были ли эти семьи участниками общинного заговора? Или выборные предлагали брачные союзы, которые заведомо могли быть отвергнуты? Поскольку мы не можем сами оценить состояние здоровья этих женщин, нам сложно разобраться в противоречивых заявлениях, но имеющаяся документация оставляет настойчивое впечатление, что у крепостных мужиков, которым доверили управлять имением, было твердое намерение выгородить браконенавистниц. И это им, похоже, в значительной степени удавалось.

А что насчет села Сидоровское? Ко времени ревизии 1834 г. из 57 лет с момента отдачи приказа о том, чтобы все незамужние женщины были выданы замуж, Орлов владел этим имением в течение 54, и, по данным ревизии, 12,7% женщин 25 лет и старше никогда не состояли в браке – в отличие от 17,7% в 1763 г.²⁰¹ Достижение не блестящее. Впечатляет количество женщин, которые – конечно же, при попустительстве бурмистров – пренебрегли приказом Орлова. В 1858 г. 13,8% взрослых женщин села никогда не были замужем, несмотря на то что его владельцы Панины продолжали применять Уложение Орлова в управлении вотчиной²⁰². Надо полагать, что и в Сидоровском крестьянские власти были из староверов и им удавалось прикрывать многих женщин, чуравшихся брака. Когда в 1821 г. двое отцов из Болотникова попросили разрешения купить вольные своим дочерям – 18 и 39 лет – по 200 рублей за каждую, сидоровский бурмистр передал просьбу Орлову с рекомендацией ее удовлетворить²⁰³. Даже в отсутствие прямых доказательств мы можем подозревать, что бурмистры в Сидоровском, Болотниково и Матвейхе действовали сообща, стремясь при всякой возможности помешать попыткам Орлова принудить женщин к замужеству.

Вотчинная переписка Орлова много говорит нам о единстве интересов Орлова и молодых мужчин, желавших жениться, а также о том, как бурмистры – по всей видимости, сторонники старой веры – уклонялись от исполнения орловских приказов. Она также важна для определения границ географического распространения сопротивления женщин браку. Незамужние женщины в значительных количествах находились в вотчинах Орлова в сопредельных Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниях, и есть недвусмысленные свидетельства того, что женщины, противившиеся браку, были из старообрядцев. Старший брат Владимира Алексей Орлов (и впоследствии дочь Алексея) также владели вотчинами в Ярославской губернии, где было много староверов-беспоповцев федосеевского толка, отказывавшихся вступать в брак²⁰⁴. Однако в крупных вотчинах Владимира Орлова в Московской губернии (Коломенский и Серпуховский уезды) и Орловской губернии (Епифанский и Болховский уезды) сопротивление браку либо вообще не наблюдалось, либо было незначительным, о чем свидетельствует отсутствие упоминаний этой проблемы в обширной вотчинной переписке. Надо, правда, сказать, что объем сохранившейся переписки из некоторых имений настолько мал или правление Орлова было столь кратковременным, что выводы делать невозможно. И все-таки достоверно определяется лишь один выбивающийся из географической схемы объект – усольская вотчина в районе Самарской Луки (где р. Волга делает петлеобразный изгиб) в Симбирской губернии.

¹⁹⁹ Там же. Д. 3163. Л. 5–5 об., 10, 25–25 об., 27–27 об.; Д. 3193. Л. 1–2; Д. 3197. Л. 1–2 об.

²⁰⁰ Там же. 1. Д. 3187. Л. 2–2 об.

²⁰¹ Там же. 1. Д. 2075. Л. 4 об. – 59.

²⁰² Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 200 (Костромская казенная палата). Оп. 13. Д. 400. Л. 165–240.

²⁰³ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 3137. Л. 10.

²⁰⁴ Там же. Ф. 1384 (Орловы-Чесменские). Оп. 1. Д. 44, 145, 163, 782, 1059, 1060.

В этом имении отцы ощутимого количества незамужних женщин платили штрафы²⁰⁵. Позже, однако, мы увидим, что Усолъе вовсе не выбивалось, а, наоборот, входило в географический пояс женского сопротивления браку вдоль нижнего течения р. Волги.

ВОТЧИННИКИ В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ: АНАФЕМА БРАКАМ НА СТОРОНЕ ИЛИ ПРИБЫЛЬ ОТ ТОРГОВЛИ ОТПУСКНЫМИ БУМАГАМИ?

Другие помещики ломали головы над теми же вопросами, которые Орлов решал в своих уложениях: позволять крепостным девкам уходить из вотчины в связи с замужеством или нет, каким должно быть выводное, что делать с женщинами, отказывающимися выходить замуж, и как разбираться с кладкой, которую крестьяне брали друг с друга. У некоторых, как у Орлова, правила время от времени менялись и, как орловские, остались без объяснений или же были очевидной реакцией на брачное поведение их крестьян.

В одном отношении вотчинники, бесспорно, проявили инициативу: в прошлое ушло их безразличие к браку на стороне. Начиная с 1750-х гг. все больше помещиков запрещали женщинам выходить замуж не у себя. До 1759 г., например, Бутурлины не возражали против ухода их палехских крестьянок в связи с замужеством и в 1750-х брали за эту вольность всего 2 рубля. Затем, в 1759 г., Иван Бутурлин приказал своему палехскому бурмистру зачитать вотчинным крестьянам приказ: отныне отцы могут отдавать дочерей только за мужиков из его вотчины. Бутурлин также распорядился, чтобы крепостные платили ему по 2 рубля за каждую справленную свадьбу – явно в компенсацию (и сверх того) за потерю выводных. Это правило оставалось в силе как минимум до конца 1780-х²⁰⁶. В 1785 г. князья Грузинские запретили замужество на стороне из своего имения в Нижегородской губернии²⁰⁷. Ни Бутурлины, ни Грузинские не озаботились объяснением своих приказов.

На удивление, в большом количестве случаев помещичьи указы об управлении XVIII и начала XIX века совершенно не упоминают браки крепостных, и другие сохранившиеся документы так же не дают нам определенных сведений²⁰⁸. Однако за действиями душевладельцев в конкретных ситуациях часто видна стратегия. Если самый выдающийся полководец России XVIII в. Александр Суворов (1730–1800) сочинял когда-либо подробные управленческие инструкции, они до нас не дошли. В те немногие годы, когда он не был полностью поглощен военными делами, он часто вмешивался в браки крепостных, лично выбирая, какого холостого мужика женить на какой незамужней девке, если они сами не справлялись со сватовством. Он также покупал женщин для нуждавшихся в женах мужчин и дарил 10 рублей на уплату вывода, когда его мужики приводили невест из чужих вотчин. В остальном выводные никак не фигурируют в его переписке. Вкупе с другими фактами это дает основания думать, что неве-

²⁰⁵ Катаев И. М. На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых. Челябинск: Челябингиз, 1948. С. 42–45.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 1365 (Бутурлины). Оп. 1. Д. 120. Л. 26, 38; Д. 202. Л. 20, 38, 40, 47, 84, 126 об., 145–146.

²⁰⁷ Инструкция князей Грузинских // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. 1912. Т. 10. С. 49–57.

²⁰⁸ Салтыковы выдали много инструкций своим имениям во второй половине XVIII в., но ни одна, судя по всему, не касалась брака (Кондрашова Л. И. Малоизвестные помещичьи указы управителям XVIII века // Труды Московского государственного историко-архивного института. М.: МГИАИ, 1957. Т. 10. С. 237–238). В инструкциях, выданных по вотчине Нарышкиных в Серпуховском уезде Московской губернии, без даты, но относящихся, вероятно, к концу XVIII в., брак не упоминается (РГАДА. Ф. 1272 (Нарышкины). Оп. 2. Д. 28. Л. 29–29 об.). Самаринские вотчинные указы имению в Тульской губернии от 1778 г. и вотчинам в Симбирской, Тульской, Тверской и Муромской губерниях от 1788 г. не упоминают брак (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.). М.: Ин-т истории АН СССР, 1987. С. 251–255; РГАДА. Ф. 1277 (Самарины). Оп. 1. № 665. Л. 1–68). В инструкциях, выданных их вотчинам в 1817 г., говорится только, что по достижении совершеннолетия мужики и девки должны жениться и образовывать тягло, но формулировка дает понять, что они это делали естественным образом, а не вступали в брак по принуждению (Там же. Д. 223. Л. 1–26).

сты из его вотчин не уходили²⁰⁹. В обильной переписке между Александром Михайловичем Голицыным (1723–1807; бывшим, кроме прочего, вице-канцлером Коллегии иностранных дел в 1762–1775 гг.) и его константиновским именем в Рязанском уезде выводное ни разу не упоминается, и многое указывает на то, что Голицын не позволял женщинам выходить замуж на сторону²¹⁰. Когда в 1780 г. бурмистр его маленького имения Карловка (на 1782 г. 75 мужских душ) в Белевском уезде доложил, что все двory там состоят в родстве друг с другом и поэтому придется обмениваться невестами с соседними поместьями, князь отреагировал на это скептически: каждый конкретный случай должен быть представлен ему со всеми подробностями, и он будет решать, что делать²¹¹. В петровской вотчине Гагариных (в Тамбовской губернии), где в первой половине XIX в. крестьянки выходили замуж в молодом возрасте все без исключения, в обширной вотчинной переписке не содержится никаких признаков ни вмешательства управителей в первые браки пахотных крестьян, ни замужества девок на сторону с их позволения, разве что иногда это разрешалось вдовам²¹².

Как видно на примере Суворова, некоторые вотчинники тщательно контролировали браки своих крепостных. Два помещика из Ковровского уезда (Владимирской губернии) продемонстрировали эту тенденцию в первой половине XIX столетия. Алексей Чихачев вызывал потенциальных женихов и невест из своих широко раскиданных вотчин в центральную усадьбу для вынесения решения о соответствии их друг другу²¹³. А. М. Черемисинов в 1834 г. наказывал старосте составить список бракоспособных мужиков и девок и, если они самостоятельно друг с другом не договаривались, сам подбирал супружеские пары. При этом он позволял своим крепостным брачные обмены с соседними вотчинами²¹⁴.

Мелочная регламентация браков крепостных была доведена до крайности Алексеем Аракчеевым (1769–1834), всесильным министром во второй половине царствования Александра I. В 24 Правилах о свадьбах, которые он направил в 1805 г. в свое имение Грузино в Новгородской губернии, ничего не говорилось о браке не в своей вотчине, по всей видимости, потому, что ему это представлялось немыслимым. В отличие от всех других правил о браках его устав почти полностью был адресован мужчинам. Женщин касалось только постановление о том, что девок дурного поведения не нужно выдавать замуж, кроме как если какую-нибудь из них берут в зажиточное семейство. Аракчеевские правила были необычны также в том, что свадебный сезон сдвигался с привычных предшествовавших Великому посту недель в январе и начале февраля на период от Пасхальной недели до Троицы: списки потенциальных женихов должны были составляться в январе, во время Великого поста Аракчеев экзаменовал их на знание «Отче наш» и десяти заповедей, в Пасхальную неделю он производил смотр всех пар, после чего получившие разрешение жениться шли под венец. Как и некоторые другие помещики, он пытался ограничить свадебные расходы и – как мне кажется, беспрецедентно – запретил питье водки за свадебным столом²¹⁵.

²⁰⁹ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус Князь Суворов. СПб.: Тип. М. М. Стасулевича, 1884. Т. 1. С. 272–275; *Рыбкин И.* Генералиссимус Суворов. С. 22–24, 66–67, 76; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование. Т. 1. С. 309–310, 313, 317.

²¹⁰ ГИМ ОПИ. Ф. 14 (Голицыны). Оп. 1. Д. 2483, 2484, 2489, 2490, 2503. Он издал правила по управлению в 1785 г., но в них нет упоминаний вопросов брака (Там же. Д. 2484. Л. 51 – 62 об.).

²¹¹ Письма князя Александра Михайловича Голицына своим приказчикам и бурмистрам 1780, 1788, 1792, 1795, 1796, 1798 и 1799 годов // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1901. Гл. 9. С. 7, 25 (статистика населения).

²¹² *Hoch S.* Serfdom and Social Control. P. 119–122. Дворовые обязаны были просить разрешения московской конторы на женитьбу сыновей и дочерей.

²¹³ *Pickering Antonova K.* An Ordinary Marriage. The World of a Gentry Family in Provincial Russia. N. Y.: Oxford University Press, 2013. P. 58.

²¹⁴ Приказ помещика А. М. Черемисинова, Ковровской вотчины, деревни Елоховой, старосте Егору Васильеву и всему миру // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1862. Т. 3. С. 19–20, 28–29.

²¹⁵ Распоряжения Графа Аракчеева // Новгородский сборник. 1865. Вып. 4. С. 275–279.

Дворян, которые запрещали или разрешали браки на стороне, можно иногда определить по церковным метрическим книгам. В шести маленьких деревнях вокруг Никольского в Рязанском уезде в 1781 г., например, было зарегистрировано два брака между вельяминовскими крепостными, четыре между окороковскими и по одному между хлудневскими и левоновскими. Из венчавшихся в том году в Никольской церкви ни одна пара не была из разных вотчин²¹⁶, что не могло быть совпадением – эти помещики явно требовали, чтобы их крепостные мужики и девки женились друг на друге. Таким же образом в приходской церкви села Талеж в Серпуховском уезде Московской губернии в 1803 и 1805–1817 гг. венчано было всего восемь пар крепостных из деревни Бершово, принадлежавшей тогда Федору Колтовскому: в трех случаях невесты и женихи были из Бершово, а в пяти бершовские мужики взяли невест из вотчин Колтовского в других уездах. Колтовский не жалел усилий, чтобы заставить своих крепостных жениться только друг на друге²¹⁷. Но в то время как одни владельцы маленьких вотчин по-кощеевски стерегли своих крепостных женщин, другие доверялись кругообороту невест на рынке. Во второй половине 1850-х гг. Бершово принадлежало Андрею Боборыкину, и метрическая книга талежского прихода за тот период показывает, что его мужики приводили жен со стороны, что практически неизбежно предполагает уход некоторых его девок из вотчины в связи с замужеством²¹⁸.

Вероятно, не меньшее число вотчинников подняли обычные выводные до необычных уровней. В куракинских владениях в 1770-х гг. вывод стоил 15 рублей – тот же уровень, что и у Орлова в эти годы; 10 рублей Куракины выделяли в общинную копилку, 5 брали себе²¹⁹. В 1767 г. генерал Михаил Голицын, брат вице-канцлера Александра Голицына, послал Инструкцию в свое Троицкое имение в Пермской губернии, в которой женщинам разрешалось выходить замуж на сторону (при условии, что они не были наследницами своего двора) по уплате неуточнявшихся (то есть, по всей вероятности, обычных для этой местности) выводных²²⁰. В 1789 г. он взял 10 и 15 рублей за вывод невест из его сулостской вотчины в Ростовском уезде и распорядился отдать эти деньги в приходскую церковь. В 1794 г. он истребовал по 50 рублей за каждую из двух девок, ушедших из его сулостской вотчины в замужество, и взял деньги себе. Во всех четырех случаях, по словам бурмистра, девки были такие бедные, что никто из своей вотчины не брал их в жены²²¹. Возможно, Михаил Михайлович предпочитал держать крепостных женщин в своей вотчине, но готов был делать исключения и – к 1794 г. – получать от них свою выгоду.

В районе 1800 г. 100 рублей было типичным размером вывода, например в имении княгини Дашковой, Коротово в Череповецком уезде Новгородской губернии, а также в вотчинах Шишкиных и Орловых²²². Выводные продолжали расти. Владимир Орлов-Давыдов (1809–1882), внук Владимира Орлова, в 1831 г. унаследовал некоторые орловские имения и семейное Уложение: он позволял женщинам выходить замуж на сторону за выводные, которые были выше и более стандартизированы, чем у деда²²³. Никита Панин (1801–1879), министр юстиции при Александре I и Николае I, получивший через жену другие вотчины Орлова, в том числе

²¹⁶ ГАРО. Ф. 627. Оп. 249. Д. 55. Кн. 27.

²¹⁷ ЦИАМ (Центральный исторический архив Москвы). Ф. 737 (Серпуховское духовное правление). Оп. 1. Т. 3. Д. 3745. Материалы за 1804 г. отсутствуют.

²¹⁸ Там же. Д. 3752.

²¹⁹ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование. Т. 1. С. 316; *Коган Е. С.* Волнения крестьян пензенской вотчины А. В. Куракина во время движения Пугачева // Исторические записки. 1951. № 37. С. 124.

²²⁰ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Шукшина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1897. Ч. 3. С. 337–338.

²²¹ ГИМ ОПИ. Ф. 14 (Голицыных). Оп. 1. Д. 3097. Л. 5, 14–14 об.; Д. 3101. Л. 1, 4, 8.

²²² Черты из жизни кн. Е. Р. Дашковой // Русский архив. 1864. № 5–6. Кол. 584; ГИМ ОПИ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 8. Л. 202.

²²³ *Тасева Г.* Организация управления. С. 312, 330. К сожалению, Тасева не сообщает размер новых выводных.

сидоровское и городецкое, позволял обмен невестами без выводных, отпускал девок замуж на сторону, беря за вывод свыше 200 рублей, и штрафовал незамужних взрослых женщин²²⁴.

Из обширной документации, оставшейся от Глебовых-Стрешневых, видно, что с 1815 г. вплоть до отмены крепостного права женщины из их многочисленных вотчин в Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской, Псковской, Московской, Тульской, Орловской и Симбирской губерниях выходили замуж в чужие владения (и явно делали это и до 1815 г.) и соседи отвечали им тем же. В вотчинной переписке иногда отмечается, что Сидор, например, хочет отдать свою дочь замуж на сторону и считает нужным напомнить хозяевам, что он сам ранее приобрел невесту для сына из соседней вотчины. С 1815 г. и далее Глебовы-Стрешневы взимали выводные в размере 250 или 350 рублей, при этом по более высокой ставке брали с более зажиточных дворов и только в отдельных случаях ставка снижалась (до 225 рублей, например) для женщин из бедных дворов²²⁵. Как и Владимир Орлов, многие владельцы крестьян понимали, что, устанавливая выводные на уровне или выше растущей рыночной цены бракоспособной крепостной девки, они не остаются в убытке, когда женщины выходят замуж в чужие владения.

К 1800-м гг. многие помещики были нацелены на извлечение максимума прибыли из замужества крепостных на сторону, и Шереметевы более откровенно, чем кто-либо. Из шереметевских отпускных грамот первой половины XVIII в. видно, что Петр Борисович (1713–1788) взимал тогда либо номинальный вывод, либо вообще никакого, а уже в инструкциях, разосланных по его многочисленным имениям в 1764 г., вывод устанавливался, в зависимости от зажиточности двора, на уровне 10, 20 или 30 рублей; 20 и 30 рублей значительно превышали тогдашнюю рыночную цену бракоспособной крепостной девки. Более того, если хозяйственная деятельность девкиного отца приносила больше 500 рублей в год, она не могла уйти без личного разрешения барина²²⁶. Понятно, что в таких случаях он назначал особую цену.

Николай Петрович Шереметев, вошедший в наследство с 1788 г., поднял на следующий же год обычную ставку до 40, 80 или 120 рублей, а в 1790 г., как минимум в своих вотчинах на севере Центральной России, где многие из его крепостных занимались не сельским хозяйством, а ремесленным и торговым делом, – до 100, 150 или 200 рублей. В 1796 г. он объявил, что будет лично определять выводные для дворов, чье состояние перевалило за 1000 рублей. С другой стороны, в том же году он установил более низкий тариф для своих пахотных крестьян – 40, 80 и 120 рублей, а бедным дворам, по крайней мере в Вошажниковской вотчине Ростовского уезда, которые жаловались на бремя других поборов, разрешил рассчитываться пряжей и холстом. В 1800 г. он отменил плату натурой и – по меньшей мере в торговых селах – снизил денежную ставку для беднейших дворов до 50 рублей, подняв при этом до 200 рублей ставку среднезажиточным дворам с капиталом от 500 до 1000 рублей и оставив за собой решение, сколько брать с богатых дворов. В 1803 г. он увеличил выводные для пахотных крестьян до 100, 150 и 200 рублей; если бедный двор не мог собрать минимальной платы, им можно было все же выдать своих дочерей на сторону на взаимообразной основе, но только с его личного одобрения²²⁷. Когда же богатейшие дворы выдавали своих дочерей в чужие руки, ему случа-

²²⁴ РГАДА. Ф. 1274 (Панины и Блудовы). Оп. 1. Д. 1268. Л. 17 об., 28 об. – 30, 35–36 об.

²²⁵ ГИАМ. Ф. 1614 (Семейный фонд Глебовых-Стрешневых). Оп. 1. Д. 278. Л. 1, 28–28 об.; Д. 279. Л. 35–35 об., 46–46 об., 48–49, 54–55; Д. 281. Л. 2–2 об.; Д. 283. Л. 14–14 об., 55–56; Д. 288. Л. 4; Д. 288. Л. 75–76 об.; Д. 290. Л. 1–52; Д. 297. Л. 1–41; Д. 302. Л. 6–9.

²²⁶ *Щенетов К. Н.* Крепостное право. С. 269–285, полный текст, посланный в юхотскую вотчину; правила, касающиеся брака: Там же. С. 272, 274, 281–282. Точно такой же свод правил был в том же году послан в имение Шереметевых в Муромском уезде: *Довназапольский М. Т.* Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. Киев. 1904. № 7. С. 79–96; 1905. № 8. С. 97–103. Относительно более раннего периода см.: Крепостные книги Ростовского уезда. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9159. Л. 44 (1733); Д. 9177. Л. 17, 21, 23 об. (1750); Д. 9180. Л. 4 об. – 5 об., 12–12 об., 15 об. (1751).

²²⁷ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 3. Д. 555. Л. 9, 11, 21, 49–50; *Щенетов К. Н.* Крепостное право. С. 78; *Рубинштейн*

лось в отдельных случаях истребовать тысячи рублей. По вступлению в наследство в 1809 г. Дмитрий Николаевич Шереметев сохранил ту же шкалу расценок и ту же прерогативу определять размер платы для особо богатых²²⁸.

Шереметевы вполне сознательно обратили замужество своих крепостных на сторону в существенную статью дохода²²⁹. С другой стороны, и в XVIII, и в XIX вв. они позволяли девкам из обнищавших (по информации выборных и бурмистров) дворов выходить замуж на сторону безвыводно²³⁰. Лишь в редких случаях запрещали они замужество на сторону – как, например, в 1834 г. двору в Вошажниково, чья задолженность по оброку была больше минимального сто-рублевого выводного. Эти деньги лучше пустить на оплату долга, распорядилась вотчинная контора, проявив таким образом поразительное непонимание того, кто именно платит выводное и что эта трата ложится на двор жениха, а не невесты²³¹.

КОГДА КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНКИ ОТКАЗЫВАЛИСЬ ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖ

Есть значительное количество свидетельств с конца 1750-х гг. и далее – при полном отсутствии таковых до этого – о том, как реагировали вотчинники, обнаружив, что некоторые из их крепостных девок вообще не хотят выходить замуж. Это объясняется не тем, что процент сохранившихся вотчинных документов увеличивается (как оно и было) после 1750-х, а тем, что именно в это время владельцы крепостных душ впервые узнали о таком отклонении от нормы. Им стало известно об этом от крепостных мужиков, жаловавшихся на отказы женщин, и из ревизских сказок, где начиная с 1763 г. наряду с мужчинами стали учитываться и женщины. Владельцы крепостных реагировали одним из – или сочетанием – четырех способов: установлением возраста, к которому крепостные должны были вступить в брак, жестким принуждением, штрафами за незамужних женщин и продажей отпускных бумаг. В большинстве имений, в которых женщины избегали брака, помещики оказались, подобно Владимиру Орлову, не способны подчинить их своей воле, но, как и Орлов, научились извлекать выгоду из противления браку.

Что их крепостные девки перестали брачаться, дошло до помещиков, вероятно, только после того, как у них накопились старые девы. Помещик из Ростовского уезда, некто Карно-

Н. Л. Сельское хозяйство России. С. 140; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л.: Наука, 1981. С. 48–49.

²²⁸ К вопросу об очень высоких ставках выводных: *Гарелин Я. П.* Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. Шуя: Тип. Я. И. Борисоглебского, 1884. Гл. 1. С. 111; *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России. С. 140; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община. С. 49. По ставкам Дмитрия Николаевича: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 791. Л. 1–8 (1821); Д. 1217. Л. 18 (1834); Д. 1837. Л. 1–4 (1848); *Dennison T.* The Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 74.

²²⁹ Щепетов (Крепостное право. С. 210) утверждает, что в 1814 г. Дмитрий Шереметев собрал в общей сумме 7800 рублей выводных (в три других года еще меньше), но это наверняка недооценка. Щепетов насчитал всего 25 женщин, вышедших замуж из шереметевских в чужие владения за период с 1818 по 1850 г. В 1834 г., однако, из одного только Вошажниково были отпущены в замужество 8 или 9 женщин (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 1217. Л. 1–68). В 1840 г. как минимум 10 женщин из Вошажниково получили вольную для замужества (других отпустили, возможно, по другим причинам) (Там же. Д. 1837. Л. 1–62).

²³⁰ В 1771–1772 гг. по меньшей мере с девяти отпущенных на сторону вошажниковских невест не было взято выводных: РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9205. Л. 10 об. – 11, 16–16 об., 22 об. – 23; Д. 9207. Л. 9–9 об., 28–29 об., 39–39 об., 70–70 об. В 1837 г. четырех женщин отпустили из Вошажникова безвыводно: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 1217. Л. 4–12, 21–28 об., 44–48, 57–63. В 1848 г. как минимум пять женщин были отпущены из Вошажниково без уплаты вывода: Там же. Д. 1837. Л. 5–9, 21–25, 28–30, 31–35, 36–38.

²³¹ Там же. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 1217. Л. 49–56. В исключительных случаях плату мог внести двор невесты. Отец жениха, сватавшегося к невесте из первосортного двора Юхотской вотчины, готов был заплатить 1000 рублей, но не 2000, которые требовал Николай Шереметев; в этом случае вывод заплатил невестин дед (*Прокофьева Л. С.* Крестьянская община. С. 49). Вывод Прокофьевой о том, что Шереметевы вносили очень высокие выводные с целью помешать замужеству на сторону, явно ошибочен.

вич, узнал в 1764 г., что в его имении есть незамужние бабы в возрасте старше 20, а одна 30 лет, и что они из староверов. Он приказал остерегаться староверов, не пускать их на сходки крепостных и другим к ним не ходить, но до его приезда не принимать других мер²³². Дальнейших сведений по этому делу не имеется, но примечательно время сообщения и замешанность в этом деле староверов. В 1777 г. бывший вице-канцлер Александр Голицын начал взимать трехрублевый штраф с незамужних девок в возрасте 18–35 лет и грозился выдать их за холостых мужиков по жребью. Он обнаружил их существование из ревизской сказки 1762 г., на которую обратил внимание, по-видимому, только после ухода с поста вице-канцлера в 1775 г. Впоследствии он утверждал, что его распоряжения заставили 400 женщин выйти замуж, что является явным преувеличением²³³.

Где-то в 1770-х гг. Куракины приказали своим вотчинным приказчикам проследить, чтобы мужики были женаты к 20 годам и девки оказались замужем – к 18; неженатых мужиков следовало отправлять в армию, а девок штрафовать на 2–3 рубля, которые шли в общинную казну. Если нуждающемуся мужику не находилось невесты, община должна была ему ее купить²³⁴. Приказания эти были, возможно, вызваны обнаружившимся в 1770 г. фактом, что в крупной вотчине Куракиных (1271 душа мужского пола и 1407 душ женского) в Ростовском уезде 11,5% женщин 25 лет и старше никогда не были замужем (все 26,9% в усадебном селе Рождественское). В том же году подворная опись 14 деревень в Петровском, вотчине Куракиных в Суздальском уезде, показала, что 35 из 281 женщины 25 лет и старше (12,5%) никогда не были замужем. Куракиным не пришлось бы в голову устанавливать *terminus ante quem* для брака, глядя на состояние брачных дел в их южных владениях в Орловском уезде (829 душ мужского пола, 801 душ женского пола), где в 1763 г. среди женщин 25 лет и старше только 11 никогда не были замужем, и из них 6 как минимум были слепы, а трем другим недавно исполнилось 20 лет, и они еще вполне могли выйти замуж²³⁵. Но раз правило было установлено, Куракины, судя по всему, включили его в инструкции всем своим вотчинам, например в 1775 г. вотчине в Пензенской губернии²³⁶.

Графиня Ирина Воронцова, узнав в 1796 г., что в ее имении в Муромском уезде Владимирской губернии есть взрослые незамужние женщины, приказала, чтобы они либо вышли замуж своей волей, либо подверглись штрафу и высылке в ее имение в Можайском уезде, где их выдадут замуж²³⁷. В те же 1790-е гг. граф Иван Шувалов приказал, чтобы девки в его вотчине Мыт Гороховецкого уезда (сразу к северу от Муромского уезда) выходили замуж к 20 годам. Ослушавшиеся приказа должны были быть выданы замуж даже против воли их отцов²³⁸. Приказы этим вотчинам могли быть единичными, обусловленными только что обнаружившимися скоплениями незамужних женщин в этих отдельных имениях, или же они могли отражать

²³² Приказ ярославского помещика Карновича // Оснадацатый век. Исторический сборник (издаваемый Петром Бартевым). 1869. № 2. С. 365–368.

²³³ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование. Т. 1. С. 311–312.

²³⁴ Там же. С. 312.

²³⁵ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Ф. 586 (Куракины). Картон 2. Д. 1. Л. 1–139; там же. Картон 1. Д. 1. Л. 81 – 161 об. Документ от 1770 г. – подворная опись, документ от 1763 г. составлен по результатам ревизии того года, но с добавлением сведений об экономических ресурсах. *Титов А. А.* Кураковщина. Историко-этнографический очерк. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1886. С. 1–10, содержит дельное описание жизни в бывшем ростовском имении, но ничего не говорит о местных религиозных склонностях. На С. 11–26 воспроизводит инструкции о вотчинном управлении, посланные в 1794 г., без правил о браках крепостных. В 1770 г. Петровское находилось в Суздальской губернии, входившей во Владимирское наместничество. В настоящее время оно находится в Ковровском, а не в Суздальском районе.

²³⁶ *Коган Е. С.* Волнения крестьян пензенской вотчины. С. 124. Поскольку пензенская вотчина была в то время в опекуновстве, так как наследники были несовершеннолетними, на практике, по крайней мере, решения принимались опекунами.

²³⁷ Повеление, подписанное графиней Ириной Воронцовой 27 июля 1796 года // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1900. Гл. 7. С. 144.

²³⁸ *Довнар-Запольский М. Т.* Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. 1909. № 7. С. 231.

порядки, установленные по всем воронцовским и шуваловским владениям. В 1796 г. бурмистр шишкинского имения в Костромской губернии сообщал, что там есть женихи, ищущие себе невест, и потенциальных невест больше чем достаточно, но отцы не желают отдавать своих дочерей. Мужики вотчины утверждали, что отцы требуют кладку гораздо большую, чем они могли бы заплатить; бурмистр просил от их имени, чтобы Шишкин приказал снизить размер кладки до прежних 5 рублей²³⁹. Василий Иванович Суворов (не состоявший в близком родстве с великим генералом), которому с 1766 г. до его смерти в 1790 г. принадлежало имение в районе реки Унжи Костромской губернии, время от времени приказывал выборным сосватать холостых мужиков с незамужними девками или заставить какого-то отца отдать замуж свою дочь. Неясно, была ли на самом деле нужда в таком принуждении. Во всяком случае, его унженские крепостные жаловались в 1782 году, что прежний барин позволял им свататься, как они хотели, и все женились по своей воле. Возможно, они говорили неправду. Этот Суворов позволял также своим крепостным брать невест и выходить замуж за мужиков из соседних имений²⁴⁰.

Генерал Михаил Михайлович Голицын узнал в 1770 г., что некоторые крестьяне в его имении Воскресенском Суздальского уезда отказываются отдавать замуж своих дочерей под ложным предлогом, что хозяйство их не может якобы обойтись без дочерей или что те хворают. Он приказал выборным прибегнуть к принуждению. Этот приказ возымел действие, и некоторые двory отдали своих дочерей, а другие нет, так что староста и выборные сами подбирали невест для ждущих женихов. Михаил Михайлович сказал по этому поводу, что «хотя не без греха поневоле выдать замуж, но с другой стороны не меньше я в грехе останусь, если их оставлять в такой распутной жизни», и приказал, чтобы попы, возражавшие против таких принудительных браков, не совали нос не в свое дело²⁴¹. Из имения Пужбол Ростовского уезда, принадлежавшего его брату Александру Михайловичу, наверное, приблизительно в то же время поступали сообщения о наличии большого количества взрослых незамужних женщин, но сохранившаяся переписка не содержит сведений о том, как этот вопрос решался²⁴². Возможно, пример именно этого имения побудил Голицына пригрозить выдачей замуж по жребью.

По данным за 1815 г., Глебовы-Стрешневы получали списки незамужних женщин старше 15 лет и на тех, кто уже достиг 20-летия, накладывали штрафы. Бурмистр в вотчине Нерехтского уезда Костромской губернии докладывал в 1815 г., что собирал по 6,50 рубля с девки. Штрафы, однако, могли быть разного размера, в зависимости от возраста и зажиточности: средний размер по вотчине составлял 5,93 рубля в 1817 г. и 6,84 рубля в 1819 г.²⁴³ Как явствует из вотчинной переписки, штрафы имели малый эффект. Нерехтский бурмистр отметил, что в 1815 г. труднее было заставить отцов отдать дочерей замуж, чем сыновей в рекрутчину²⁴⁴. Значительное сопротивление браку наблюдалось также в имениях Глебовых-Стрешневых в Солигаличском и Кологривском уездах (Костромская губерния) и в Романовском уезде (Ярославская губерния). Отцам в этих вотчинах разрешалось покупать вольные грамоты для дочерей за 350 рублей с подтверждением, а иногда и без подтверждения от бурмистра, что они негодны

²³⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 8. Л. 219–219 об.

²⁴⁰ Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII ст. // Труды Владимирской ученой комиссии. Владимир: Типо-литография Губернского правления, 1904. Кн. 6. С. 3–4, 15–16, 26–27, 36, 49, 59, 92–93. Редактор называет этого Суворова отцом генерала, каковым он на самом деле не был.

²⁴¹ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1754. Л. 43–43 об.

²⁴² Там же. Д. 3082. Л. 16–17. Этот доклад не содержит даты и ошибочно хранится среди пачки документов, помеченной 1814–1855 гг.; он адресован Александру Михайловичу, умершему в 1807 г. Я думаю, что он относится к 1770-м или 1780-м гг.

²⁴³ ГИАМ. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 283. Л. 68; Д. 288. Л. 10, 58, 59 об.

²⁴⁴ Там же. Д. 278. Л. 20.

для замужества²⁴⁵. Маловероятно, что отцы стали бы покупать свободу нетрудоспособным дочерям. Отчеты о штрафах, взысканных с противящихся браку женщин, или об отпускных грамотах для них касаются только имений Глебовых-Стрешневых в Ярославской и Костромской губерниях, но не многочисленных владений семьи в других губерниях.

Юсуповы, владевшие многими вотчинами во многих губерниях, судя по всему, вплоть до 1830-х гг. оставляли без внимания брачные тенденции своих крепостных, а возможно, даже и не знали о них. Мы можем лишь ориентировочно предполагать, исходя из имеющихся данных, что князь Николай Борисович Юсупов (1751–1831) запрещал заключение браков за пределами своих имений. Когда в 1780 г. он изменил размер тягла в своих барщинных имениях с двух супружеских пар на одну, он, вероятно, считал, что создание супружеских пар невозможно без принуждения, и посему обложил незамужних женщин штрафом в 10 рублей. Документы не указывают, с какого возраста женщинам приходилось платить штраф, не говоря уже о том, была ли какая-либо необходимость в такой мере²⁴⁶. Каково бы ни было правило, оно, почти несомненно, быстро вышло из употребления: ничего подобного не встречается в последующих правилах вотчинного управления, выпущенных Николаем и его сыном Борисом Николаевичем (1794–1849)²⁴⁷. Правила управления юсуповскими «степными имениями», где крепостные занимались барщинным трудом, за 1825, 1831 и 1844 гг. были весьма подробными, но не содержали никаких положений о браке²⁴⁸. Какие соображения были у Николая насчет браков крепостных, имело, пожалуй, мало значения, потому что, занятый государственными делами, поездками за границу и коллекционированием живописи, он был нерадивым хозяином. Как писал о том времени его сын Борис, даже когда из вотчин поступали подробные отчеты, юсуповская московская канцелярия «избегала труда поверить подробные отчеты, и если она получила таковые, то как бы боясь их огромность, помечала к сведению, клала под сукно, а там передала в архив на вечное истребление, и от того-то дела по всем имениям шли так худо, что до сих пор с необыкновенными моими усилиями едва могу дать им правильный ход»²⁴⁹.

Судя по уцелевшим материалам, с 1780-х до начала 1830-х гг. юсуповские документы молчат о проблемах с незамужними женщинами, по крайней мере в отношении степных и малороссийских имений: эта тема не только совершенно отсутствует в инструкциях, посылавшихся приказчикам, но не затрагивается также и в переписке между вотчинами и московской канцелярией²⁵⁰. Отсутствие доказательств может считаться доказательством отсутствия. Такой вывод можно сделать из трехсторонней переписки 1843 г. между бурмистром маленького имения в Костромской губернии, московской канцелярией и Борисом Юсуповым. Бурмистр сообщает, что крепостные мужики приводили себе в качестве невест государственных крестьянок, и спрашивает, значит ли это, что вотчинные крестьянки могут выходить замуж за государственных крестьян. Нет, не значит, отвечает канцелярия и спрашивает Бориса Николаевича,

²⁴⁵ Там же. Л. 48, 49; Д. 279. Л. 23, 46–46 об.; Д. 283. Л. 13; Д. 281. Л. 2–2 об., 4–4 об.; Д. 288. Л. 10 об., 75–76 об.

²⁴⁶ Сивков К. Т. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в первой половине XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 157; Иванов Т. И. Другой Юсупов (Князь Н. Б. Юсупов и его владения на рубеже XVIII–XIX столетий). Исторический очерк. М.: Грифон, 2012. С. 21. «Другой Юсупов» Иванова – это полупрофессиональная биография Николая Борисовича, отличающаяся небрежным подходом к источникам и некоторой путаницей относительно его методов управления.

²⁴⁷ В 1832–1833 гг. произошел такого же рода переход от оброка к барщине в так называемых «малороссийских» вотчинах Юсуповых. Здесь тоже была сделана попытка увеличить количество женатых пар, но не путем штрафования незамужних женщин, а наделением дворовых девок 10 рублями и коровой для привлечения женихов из крестьян (Насонов А. Н. Из истории крепостной вотчины XIX века в России // Известия АН СССР. 1926. Сер. 6. № 7–8. С. 518; *Он же*. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1928. Сер. 7. № 4–7. С. 347–348.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 1290 (Юсуповы). Оп. 3. Д. 6732. Л. 18–23 (Правила от 1825 г.); Сивков К. Т. Очерки по истории. С. 38–46, 50–52.

²⁴⁹ Насонов А. Н. Из истории крепостной вотчины. С. 501.

²⁵⁰ Здесь я в большой степени полагаюсь на работы Сивкова и Насонова, упомянутые выше; оба автора были в курсе проблем браков крепостных, но ничего не сообщают ни о выводных, ни о выходе замуж на сторону.

какова будет его воля. Борис отвечает, что, если женщины не могут найти себе мужей, у него предостаточно женихов для них в его других имениях, и в заключение добавляет: «...на отпуск на волю у меня нет правил, и я решительно воспрещаю»²⁵¹. Он имеет в виду, что раз нет правила, позволяющего отпуск на волю в связи с замужеством, то, значит, это запрещено. Тем не менее он иногда делал исключения: в 1848 г. он согласился отпустить крепостную девку из другой костромской вотчины, если потенциальный жених выложит непомерную сумму 525 рублей²⁵².

Самым ранним сохранившимся свидетельством отвращения к браку можно считать, вероятно, ответное письмо 1834 г. от управляющего всеми юсуповскими степными вотчинами о том, что вдовцы требуют невест, а девки отказываются за них идти; некоторые девки на выданье ни за кого не желают выходить в принципе, а многие отцы отдают своих дочерей только по принуждению²⁵³. Он не указывает никакого конкретного имение как очаг сопротивления браку и не уточняет, кто занимается принуждением. Возможно, речь идет про село Спасское Тульской губернии: в 1825 г. крепостные там и в прилегающей к нему деревне Прилепы утверждали, что вотчинный писарь стакнулся с местным попом, который брал с них лишку за венчания и другие церковные обряды. Отрицая эти обвинения, поп представил список из 173 мужчин и 164 женщин, не ходивших на обязательную ежегодную исповедь²⁵⁴. Имелось в виду, что они – раскольники. Вероятно, они противились попыткам попа втянуть их в лоно официальной церкви. Поскольку все население прихода в 1834 г. состояло из 609 крепостных душ мужского и 647 женского пола (включая детей 6 лет и младше, от которых не требовалось исповедоваться), староверы того или иного толка составляли там, судя по всему, четверть взрослого населения. Староверы или нет, крестьяне Спасского и Прилеп, по данным на 1834 г., поголовно вступали в брак и делали это по крайней мере с 1790-х гг. (те, которым в 1834 г. было за 50 и за 60). В действительности все юсуповские крепостные в Тульской губернии следовали принципу универсального брака²⁵⁵. Возможно, отцы-староверы не хотели отдавать дочерей в православные дворы.

Крепостные крестьянки Юсупова, которые вообще ни за кого не соглашались выходить замуж, жили в Ярославской, Костромской (как было известно Борису Юсупову) и Нижегородской губерниях²⁵⁶. По результатам ревизии 1834 г. в 49 деревнях вотчины Романовского уезда проживали 841 крестьянин мужского пола и 1071 – женского. Женского пола было на 27,3% больше, чем мужского, – почти несомненный знак того, что многие взрослые женщины никогда не были замужем. В выборке из этих деревень (493 мужчины, 646 женщин) около 14% взрослых женщин никогда не были замужем²⁵⁷.

То, что многие из его крепостных были старообрядцами, беспокоило Бориса Николаевича. В 1832 и 1833 гг., вскоре после наследования родовых владений, Юсупов посылал один наказ за другим, настоятельно призывая управителей принять меры к повышению посещаемости церкви и нравственности (он тоже связывал раскол с блудом). При этом он считал старообрядцев наиболее заслуживающими доверия крестьянами (имея в виду, по всей видимости,

²⁵¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 4731. Л. 22, 25, 35.

²⁵² Там же. Д. 4736. Л. 55. См. также: Л. 8–9, 147.

²⁵³ Сивков К. Т. Очерки по истории. С. 177.

²⁵⁴ Там же. С. 160.

²⁵⁵ Спасское и Прилепы были в четверке самых крупных из юсуповских владений в Тульской губернии. В этих четырех селениях 400 мужиков 25 лет и старше были женаты и только двое, возможно, так и не женились; среди женщин этого возраста 418 были замужем, одна нет, и две других, может быть, нет (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 6783. Л. 22 об. – 51, 53 об. – 67, 95 об. – 120, 162 об. – 171).

²⁵⁶ О староверах в нижегородских вотчинах см.: РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 4352 (1830). Л. 55, 64–66, 75, 115–117 об. О Костромской губернии: Там же. Оп. 3. Д. 4715, комплект ревизских сказок Костромской губернии за 1834 г.; там тоже много подтверждений.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 4322. Л. 182 об. – 264.

их склонность исправно выполнять свои повинности) и беспокоился, что, став православными, они могут перестать таковыми быть. Вместо жесткого нажима он попытался прибегнуть к мягкому увещанию: в 1846 г. его московская канцелярия созвала его ярославских крестьян, занимавшихся в то время торговыми делами в Москве, на собрание, где священник сказал проповедь о благе принадлежности к единой истинной церкви. Староверы пришли к выводу, что это совершенная бессмыслица²⁵⁸.

Сын Бориса Николай, вошедший в наследство в 1849 г., в 1852 г. составил «Правила взимания оброка с крестьянских девиц»: «В прежние времена в вотчине был такой обычай: крестьянская девка, нравственное воспитание которой было пренебрежено родителями и которая росла не под страхом, предавалась безнаказанно разврату, рожала детей, подкидывала их, честного брака избегала, а потом, когда старилась, вступала в те секты раскола, которые потворствуют разврат; для предупреждения этого наложен был на всех женщин без изъятия оброк. После некоторых изменений в настоящее время этот набор взимается в следующем виде: с девиц 17-ти лет – 1 р. 50 к., в 18-ти лет – 1 р. 75 к., в 19-ти лет – 2 р., в 20-ти лет и далее по 3 р.»²⁵⁹

Столь незначительный «набор» мог быть не более чем досадным неудобством. Отсылка Николая к изменениям предыдущих ставок предполагает, что этот сбор ввел еще его отец Борис, желавший, чтобы его староверы перешли в православие, но остерегавшийся принуждения. Борис (или, возможно, сам Николай) решил, по-видимому, обратить отвращение своих женщин-староверок к браку в еще один, хотя и не особенно большой источник дохода. Юсуповым понадобилось весьма долгое время – вероятно, по причине невнимания первого Николая Борисовича к тому, что происходило в его поместьях, – чтобы отреагировать на широко распространенное сопротивление браку в их ярославских и других северных вотчинах, и их реакция не достигла цели.

Насколько нам известно, княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, молодая вдова бывшего фаворита Екатерины II Потемкина, а затем жена Николая Борисовича и мать Бориса, первой из Юсуповых превратила штраф с незамужних женщин в постоянный доход, сделав это в имении, где брак был близок к универсальному. В 1816 г. она послала письмо за письмом в свою вотчину Бутурлино на западе Калужской губернии, требуя объяснения, почему в 1815 г. она получила только 1179 рублей от сборов с незамужних девок и молодых вдов. Это, по ее словам, было гораздо меньше, чем 2000 и более рублей, полученных в предыдущем году, или 3000 рублей с лишним, собиравшихся ранее. Она требовала расследования и полной переписи незамужних женщин²⁶⁰.

В 1816 г. по результатам ревизии в вотчине проживали 5272 мужчины и приблизительно столько же женщин. В описи, полученной Юсуповой, перечислялись 418 незамужних девок и женщин, достигших возраста наложения штрафа: от 15 до 41 года. 138 из них было по 15 лет; их отцы платили лишь за то, что имели 15-летних дочерей. Всего 38 в списке были в возрасте от 21 до 41 года; максимум 1,5% взрослых женщин 21 года и старше были не замужем. Штрафы, уплачиваемые отцами, составляли 5 рублей за дочь в возрасте 15 лет, по дополнительному рублю за каждый следующий год до 20 лет и 10,5 рубля с 20 лет и далее²⁶¹. Эти штрафы были выше, чем те, что позже взимал ее сын Борис, но нет признаков того, чтобы они побуждали

²⁵⁸ Насонов А. Н. Из истории крепостной вотчины. С. 514–515.

²⁵⁹ Насонов А. Н. Из истории крепостной вотчины. С. 514.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 330. Л. 11, 12 об., 34–35, 41; Д. 331. Л. 37–38. Юсуповы называли это имение смоленским, вероятно, потому что большинство его маленьких деревень находились в Смоленской губернии. Возможно, практика штрафования незамужних женщин была введена предыдущей владелицей, графиней Мусиной-Пушкиной. Юсупова цитировала ее в вопросе о приносимом штрафами доходе.

²⁶¹ Там же. Д. 331. Л. 60 об., 73, 108, 143 об., 145–166. Женщины, явно неспособные выйти замуж, не облагались штрафом и поэтому, по всей видимости, не были включены в опись.

молодых женщин выходить замуж раньше, чем они бы это делали в противном случае. На самом деле княгиня Юсупова была бы расстроена, если бы они выходили раньше, потому как она явно жаждала получить свой доход. Она отвергла предложение посланного на расследование доверенного отменить штрафы и заставить всех девок выходить замуж к 18 годам²⁶². Напрашивается предположение, что она, собственно, и штрафовала 15-летних, потому что так мало было незамужних 20 лет и старше, с которых можно было бы взять штраф. В 1836 г. она опять сетовала на нехватку поступлений от штрафования бракоспособных женщин²⁶³.

Мужики в вотчине, однако, неверно истолковали намерение Юсуповой. Когда до них дошло, что ее доверенный составляет список незамужних баб, 40 крестьян попросили жен для себя или для сыновей. Опять же это была ничтожная часть взрослых мужчин вотчины, но, может быть, у них действительно были трудности со сватовством. Один случай, довольно подробно изложенный в переписке, касался отставного солдата с двумя неженатыми сыновьями. Он утверждал, что его двор придет в упадок, если сыновья не женятся, но отказался сватать сироту, так как она была слишком бестолковой. К тому же двору не грозил упадок: жена солдата была еще жива и с ними жила вдовая сестра или золовка. Причиной, по которой ни одна девка не шла за его сыновей, была убогость их двора²⁶⁴. Даже в крестьянской общине, где брак был универсальным, были дворы с такой дурной славой, что отцы не хотели отдавать туда своих дочерей. В этой ситуации крепостные мужики могли надеяться только на то, что хозяева примут их сторону.

Шереметевы, которым в конце XVIII в. принадлежало больше крепостных душ, чем какой-либо другой семье, гораздо раньше Юсуповых узнали об отвращении к браку среди своих крестьянок. Петр Борисович Шереметев впервые ввел штрафы на незамужних женщин в 1768 г. В его вотчинных инструкциях от 1764 г. штрафы не фигурируют. Информация о повелении 1768 г. содержится в дневнике, который вел мануфактурщик из промыслового села Шереметева Иваново в Шуйском уезде Владимирской губернии. В то время большинство крепостных в Иваново были староверами, многие из них беспоповцы – спасовцы и федосеевцы, чьи женщины были наиболее склонны отвергать брак. Штраф брался пряжей – 2 фунта с незамужних женщин 18–20 лет, 3 фунта с 20–25-летних, 10 фунтов с 25–30-летних – или деньгами в расчете по 20 копеек за фунт. Этот штраф, возможно, применялся только в Иваново²⁶⁵. Однако штрафы пряжей опять появляются в 1790-х гг. в других имениях, так что они явно сохранялись в управленческой памяти.

Сын Петра Николай, очевидно, узнал, что значительное число женщин в его вотчинах отказываются выходить замуж, только когда он (или его вотчинные управляющие) посмотрел на ревизские сказки 1795 г. Эта ревизия проходила непосредственно после значительного скачка женского сопротивления браку в его имении Вошажниково Ростовского уезда. В селе Вошажниково с населением около 1000 душ (обоего пола) в 1791–1795 гг. отказы от брака среди женщин 25 лет и старше достигли почти 10% по сравнению с менее 5% в той же возрастной категории в период между 1781 и 1790 гг.²⁶⁶ Естественно, Шереметев должен был увидеть, как возросло количество незамужних женщин младше 25 лет. В 1796 г. он писал управлению Вошажникова, что в вотчине много незамужних, то есть бесполезных женщин, а также

²⁶² Там же Л. 143 об., 143а.

²⁶³ Там же. Оп. 2. Д. 480. Л. 9, 13, 21, 25, 31–34 об., 38–38 об., 40–40 об., 44–45 об. В 1836 г. штрафы начинались с 17-летнего возраста, потому что к тому времени минимальный законный возраст вступления в брак для женщин был 16 лет.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 330. Л. 34, 35, 37; Д. 331. Л. 143, 143а.

²⁶⁵ *Полушина Н. А.* Выписки из памятной книги А. Ф. Полушина // Русский архив. 1898. № 6. С. 179, 190; *Гарелин Я. П.* Город Иваново-Вознесенск. С. 42, 163–164. Историки, проработывавшие архивы Шереметевых, – Щепетов, Прокофьева и Деннисон – судя по всему, не нашли ничего касающегося этого наказа Иванову или какой-либо другой вотчине.

²⁶⁶ Эти данные содержатся в ревизской сказке села Вошажниково от 1816 г.: 9,6% женщин в когорте 40–44 лет никогда не были замужем. В предыдущих 5-летних когортах – 45–54 лет в 1816 г. – только 3,2% и 4,8% женщин никогда не были замужем (*Dennison T.* The Institutional Framework. P. 75).

слишком много холостых мужиков и (молодых, по всей вероятности) вдов и вдовцов. Он ввел штрафы на всех незамужних и неженатых в возрасте 20–40 лет: 2, 4 или 6 рублей в зависимости от состоятельности двора; позже он добавил, что штраф может платиться пряжей по эквиваленту. И приказал, чтобы правление послало ему список всех вошажниковских холостяков, девок, вдов и вдовцов в возрасте от 17 лет и старше²⁶⁷.

Шереметев послал практически идентичные замечания и приказы в 1796 г. в свое Иваново. По статистике, извлеченной им из результатов ревизии 1795 г., там было 550 холостяков и вдовцов от 18 до 40 лет и 869 девок и вдов от 15 до 40. Это были цифры солидные, но завышенные, так как подсчет начинался с 18 и 15 лет, и их нужно рассматривать в контексте общего числа населения вотчины – 3357 душ мужского и 3267 душ женского пола в 1774 г., то есть одним поколением раньше²⁶⁸. Тем не менее в 1795 г. процент взрослых мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак, был, судя по всему, существенным. В 1796 г. Шереметев послал также приказ наказывать незамужних женщин в свое имение Серебряные пруды Веневского уезда Тульской губернии. Незамужние женщины должны были работать или могли откупиться 20 фунтами пряжи или 6 рублями. Неясно, при каких обстоятельствах эти разные санкции должны были применяться²⁶⁹.

Как ни странно, Николай Шереметев, должно быть, сначала неправильно понял причину, по которой женщины не выходили замуж. Как и у Владимира Орлова, первая его мысль, похоже, была, что некоторым мужчинам мешала жениться слишком высокая кладка. Установившаяся штрафы для незамужних женщин в Серебряных прудах в 1796 г., например, Шереметев повелел, чтобы «дачи же за невесту денег совсем уничтожить»; чтобы дать стимул богатым отцам отдавать своих дочерей в бедные дворы, он велел взамен освободить их «от всех вотчинных послуг»²⁷⁰.

В 1802 г. Шереметев, вероятно, посылал запросы в отношении кладки во многие или во все свои имения, поскольку получил в тот год как минимум три отчета о местных ставках из трех разных вотчин. По всей видимости, он узнал, что крестьяне продолжают требовать друг с друга кладку даже после того, как он приказал им это прекратить. Кладка в Борисовке Белгородской губернии, как указано в отчете, была 100 рублей, в сергиевском имении – 20–30 рублей и выше. Крестьяне из имения Хвощевка в Горбатовском уезде Нижегородской губернии жаловались, что отцы нарочно требуют больше, чем им по карману, чтобы отвадить уха-жеров. Местное правление приказало, чтобы крепостные доносили о таких случаях: виновные отцы, годные к военной службе, будут отправляться в армию, негодные – на пожизненные каторжные работы²⁷¹. Вполне возможно, что отцы в Хвощевке – известно, что в этой местности жили федосеевцы-беспоповцы²⁷², – действительно защищали своих чурающихся брака дочерей таким образом, так же как в то же самое время поступали отцы в Орловской вотчине в Любимском уезде. Но проблема была не в кладке – этот обычай русских крестьян, хотя он наверняка усложнял женитьбу для мужиков из бедных дворов, был так же распространен среди поголовно брачующихся крестьян, как и там, где наблюдался повышенный уровень женского сопротивления браку²⁷³. В любом случае в 1804 г. Николай Шереметев уступил обычаю; он приказал,

²⁶⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 555. Л. 21. Л. 26–26 об., 49; *Dennison T.* Institutional Framework. P. 74. У Деннисона отмена в 1800 г. уплаты пряжей неправильно датируется 1796 г. – то был год, когда данное наказание было впервые введено или же, возможно, возобновлено в Вошажникове и Серебряных прудах.

²⁶⁸ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование. Т. 1. С. 312. Семевский не приводит дату послания в Иваново, но идентичность формулировки указывает на 1796 г. Статистика населения взята из: *Щенетов К. Н.* Крепостное право в вотчинах. С. 310.

²⁶⁹ *Щенетов К. Н.* Крепостное право. С. 116. Месторасположение имения: Там же. С. 440.

²⁷⁰ Там же. С. 116.

²⁷¹ Там же. С. 117.

²⁷² *Грицевская И. М.* История и современность сейминского старообрядчества // Мир старообрядчества: история и современность. М.: МГУ, 1999. Вып. 5. С. 243–261.

²⁷³ *Hoch S.* Serfdom and Social Control. P. 95–102. Хок суммирует большую часть опубликованной информации о кладке

чтобы отныне бедные крестьяне выкладывали не больше 20–30 рублей, а крестьяне среднего достатка – не больше 50 рублей. В 1815 г. его сын и наследник Дмитрий (или управляющие, действовавшие от его имени: Дмитрию в то время было всего 12 лет) издал откорректированные вотчинные правила, запрещающие кладку, но его крепостные наверняка пропустили этот приказ мимо ушей точно так же, как они это сделали в 1796 г. в отношении приказа Николая²⁷⁴.

Причиной невыхода замуж такого количества женщин в шереметевских имениях была, скорее всего, старая вера беспоповского толка – точно так же, как везде в тех местах, о которых у нас имеются более или менее основательные сведения о присутствии староверов. Что касается имения Вошажниково (Ростовский уезд), сведений как раз достаточно, чтобы допустить вероятность этой причинной связи. Нужно сказать, что в обширных архивных материалах из Вошажниково мы находим лишь некоторые признаки присутствия старообрядцев²⁷⁵. Один небольшой комплект документов дает даже основания считать, что их там было мало: в 1847 г. вотчинное правление задало вопрос двум по крайней мере священникам – не из Вошажниково, а из других сел вотчины – есть ли в их приходах раскольники? Один ответил, что нет вообще, другой, что есть только три четы старообрядцев²⁷⁶. Сам по себе вопрос, по видимому, означает, что у управляющих было подозрение, что где-то там могут быть староверы, но ответы были утешительные.

Исповедная роспись от 1843 г. церкви Пресвятой Богородицы – одной из трех церквей в Вошажниково – рисует другую картину. Среди ее прихожан 652 были из этой деревни. 35 из 207 женщин 25 лет и старше – 16,9% – никогда не были замужем²⁷⁷. Это число примерно совпадает с процентом взрослых незамужних женщин по данным ревизских сказок и подворных описей вотчины за 1832–1858 гг.²⁷⁸ Только один член прихода – 39-летняя замужняя женщина – была записана как приверженец старой веры. Еще 30 женщин и 21 мужчина, однако, пропускали исповедь по «нерачению» – объяснение, которое специалисты Министерства внутренних дел считали практически безошибочным признаком принадлежности к старой вере. Еще 132 мужчины и 42 женщины пропускали исповедь, потому что были в отъезде; те же самые специалисты отмечали, что подобное отсутствие часто приходилось на период проведения исповедей (см. Введение). Между тем, поскольку многие вошажниковские крепостные действительно уезжали из имения по делам или в поисках работы, я буду считать их отсутствие совершенно невинным²⁷⁹.

Только 4 из 35 женщин 25 и старше лет, не приходивших на исповедь, были не замужем, но еще 10 взрослых незамужних женщин проживали во дворах, из которых 1 или более мужчин старше 25 лет «забыли» исповедаться. В большинстве из этих дворов, вероятно, обитали скрытые староверы: сами по себе ни безбрачие женщины, ни неявка на исповедь не являлись абсолютно верными признаками религиозного инакомыслия, но маловероятно, что наличие двух таких характерных показателей в одном дворе может быть совпадением. Это проясняет ситуацию 14 из 35 взрослых незамужних женщин, достигших возраста 25 лет. Из оставшихся 21,

и анализирует ее функцию в русских крестьянских общинах.

²⁷⁴ Щепетов К. Н. Крепостное право. С. 207.

²⁷⁵ Трейси Деннисон гораздо тщательнее, чем я, проштудировала эти документы и не нашла в них ничего, что заслуживало бы упоминания касательно старообрядцев в ее монографии, посвященной этой вотчине. Ее анализ очень точен, за исключением Главы о необычной демографической структуре вотчины (*Dennison T. The Institutional Framework*. P. 50–76). Она ищет (и находит) причину большого числа взрослых незамужних женщин в мерах, применяемых Шереметевыми в отношении брака. Эти меры либо не имели значения, либо были реакцией, а никак не причиной поведения крепостных. О старообрядцах в Вошажниково не упоминают также ни Щепетов, ни Прокофьева, изучившие шереметевские бумаги.

²⁷⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 1759. Л. 6–9 об.

²⁷⁷ ГАЯО. Ф. 230 (Ярославское духовное правление). Оп. 3. Д. 47. Л. 1–11 об.; *Тумов А. С. Вошажниково и вошажниковская вотчина в старинном Запурском стану Ростовского уезда*. Ростов, 1903. С. 2–3.

²⁷⁸ *Dennison T. The Institutional Framework*. P. 75.

²⁷⁹ *Ibid.* P. 171–172 и в других местах.

которые жили во дворах, где все либо исповедовались, либо были на заработках, 3 незамужних сестры в возрасте 53–56 лет составляли все население своего двора; 3 незамужних в возрасте 54–62 лет – не сестры – тоже проживали вместе и самостоятельно; еще один двор состоял из вдовца, его незамужней сестры и взрослой незамужней дочери. Как станет ясно из анализа в последующих главах, это наверняка были реликтовые дворы староверов-беспоповцев – то, что осталось после того, как эти дворы приняли обет безбрачия или же пошли на страшный демографический риск, не обеспечив себя адекватным количеством мужчин-производителей. То же самое, по всей вероятности, относится и к двум дворам, каждый из которых состоял из одной незамужней женщины – 37 и 42 лет. Остальные 10 взрослых незамужних женщин жили во дворах с большим, чем у вышеупомянутых, населением. Возможно, некоторые из них остались в девках из-за физического или умственного дефекта, но большинство, скорее всего, не вышли замуж по религиозным причинам. Вошажниковские женщины, бывшие не замужем в 1843 г. – в основном по религиозным соображениям, – и были именно той проблемой, которую Шереметевы пытались и не сумели разрешить с 1796 г.

Примерно то же самое можно сказать о других владельцах крепостных душ. Братья Александр Михайлович и Михаил Михайлович Голицыны, высокочтимый Суворов, всеми поносимый Аракчеев, Ирина Воронцова, иногда Владимир Орлов и другие прибегали к жестоким мерам, чтобы принудить крепостных крестьянок к нежеланному замужеству. Но, скорее всего, большая часть помещиков – тот же Орлов в большинстве случаев, Шереметевы, Глебовы-Стрешневы, Куракины, Панины, Орловы-Давыдовы и так далее – налагали штрафы и другие наказания, но, по имеющимся сведениям, не доходили до применения грубой силы. Штрафы, как все быстро убедились, не достигали желаемого результата, но помещики продолжали их брать в качестве статьи дохода. Штрафы за безбрачие были из той же категории, что куры, орехи или половина овечьей туши, которые многие крепостные обязаны были ежегодно поставлять к барскому столу, и зачастую не более обременительны. Постоянно растущие выводные, несомненно, должны были помешать некоторым женщинам выйти замуж на сторону, но Шереметевы и другие помещики устанавливали размер выводных на том уровне, который, по их оценке, максимизировал их доход, а не на том, который мог бы действительно предотвратить уход женщин из их владений. Продажа отпускных грамот, позволявших женщинам не выходить замуж, преследовала ту же цель. То, что цена вольной обычно рассчитывалась в соответствии с достатком двора, также указывает на намерение в первую очередь увеличить доход. В то время как историки почти единодушно характеризовали эти методы как меры регулирования или контроля браков крепостных – и изначально они могли преследовать именно такую цель, – в большинстве случаев они таковыми не являлись. Хотя высокий размер выводных влиял на брачный выбор мужчин из более бедных дворов – но из дворов *чужих* вотчин (не тех, где действовали эти правила), которые могли бы в противном случае сосватать невест из данного имения, – различные поборы за замужество на сторону и за безбрачие, взимаемые душевладельцами, приносили им солидный доход, но едва ли меняли отношение крепостных крестьянок к браку. По крайней мере, таково впечатление от демографических историй орловского имения Сидоровское и шереметевского Вошажниково.

Почти всегда вотчинные правила о браке были подсказаны неоправданными опасениями потери собственности (в виде либо самой женщины, либо тягла, которое без нее не будет создано) при выходе женщины замуж на сторону или же обнаружением, что в вотчине есть незамужние. То есть поведение крепостных в большой степени определяло решения их владельцев. Хотя придумываемые ими брачные режимы у разных помещиков имели разные особенности, в действительности их выбор ограничивался двумя вариантами: положить конец традиционному праву женщин выходить замуж на сторону или извлечь выгоду из брачной мобильности; заставлять женщин выходить замуж любыми, пусть даже самыми зверскими спо-

собами или обратить женское отвращение к браку в денежный доход. Право же, неудивительно, что так много помещиков решили извлечь выгоду из брачного поведения своих крестьян.

Как бы мы ни относились к жестокости и жадности вотчинников, вмешивающихся в брачные дела крепостных, их вотчинная переписка помогает нам восстановить историю и географию женского отвращения к браку. Помещики узнали о том, что крепостные крестьянки избегают замужества, только во второй половине XVIII столетия. Реакции вотчинников на это явление определяют по крайней мере один регион, в котором концентрировалось сопротивление браку: Ярославль, Кострома, Нижний Новгород и Владимирская губерния – полоса земли вдоль верхнего и среднего течения р. Волги. Их вотчинная переписка и ревизские сказки XVIII в. дают основания полагать, что женское отвращение от брака, если оно вообще существовало, было неощутимо в Московской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской и других губерниях к югу и западу от Москвы, несмотря на то что дворянским семьям, которые фигурируют в данной главе, принадлежало в этой части много имений.

Глава 3

ПРЕДЕЛЫ НЕПРИЯТИЯ БРАКА: ПРИХОД С. КУПЛЯ В XVIII В

Приход с. Купля Гороховецкого уезда на востоке Владимирской губернии представляется наиболее подходящим местом для начала пристального рассмотрения отказа крестьян – в основном крестьянок – от брака. Приход этот, похоже, находился в самом эпицентре неприятия брака, мы можем проследить здесь появление неприятия брака уже в начале XVIII в. и увидеть, как к концу столетия оно достигает таких масштабов, что ставит под угрозу выживание местной общины. Одной из причин, почему отказ от брака распространялся, было отсутствие препятствий. Основными противниками брака в приходе с. Купля, да и во всем Гороховецком уезде, были дворцовые (в XIX в. «удельные»), а не помещичьи крестьяне; над ними не было барина, чтобы надзирать и решительно пресекать противобрачное движение, угрожавшее его кровным интересам. В деревне Красное село, всего в 7 километрах от Купли, находилось управление, но это были нерадивые управляющие; нет ни малейших свидетельств каких-либо попыток с их стороны отреагировать на эпидемию противления браку, разразившуюся среди их подопечных. В результате их попустительства в приходе создалась возможность для проведения, так сказать, эксперимента в естественных условиях: как далеко зайдут крестьяне, одержимые противобрачной верой? Бесценную помощь данному исследованию оказали также попы прихода с. Купля, оставив нам сведения о религиозной общине, являвшейся основным разносчиком эпидемии, – старообрядческом Спасовом согласии. Эти сведения относятся к первой половине XIX в., но мы можем легко – как будет показано в главе 4 – экстраполировать их назад, в XVIII в. Жаль, однако, что у нас отсутствуют какие-либо свидетельства из хозяйственной переписки, которая иногда освещает сопротивление браку в крупных помещичьих вотчинах. Наш рабочий материал практически ограничивается ревизскими сказками, позволившими нам изначально оценить частоту случаев отказа от брака. Но во второй половине XVIII в. в описях документировалось значительно больше, чем просто имя-отчество, возраст и семейное положение.

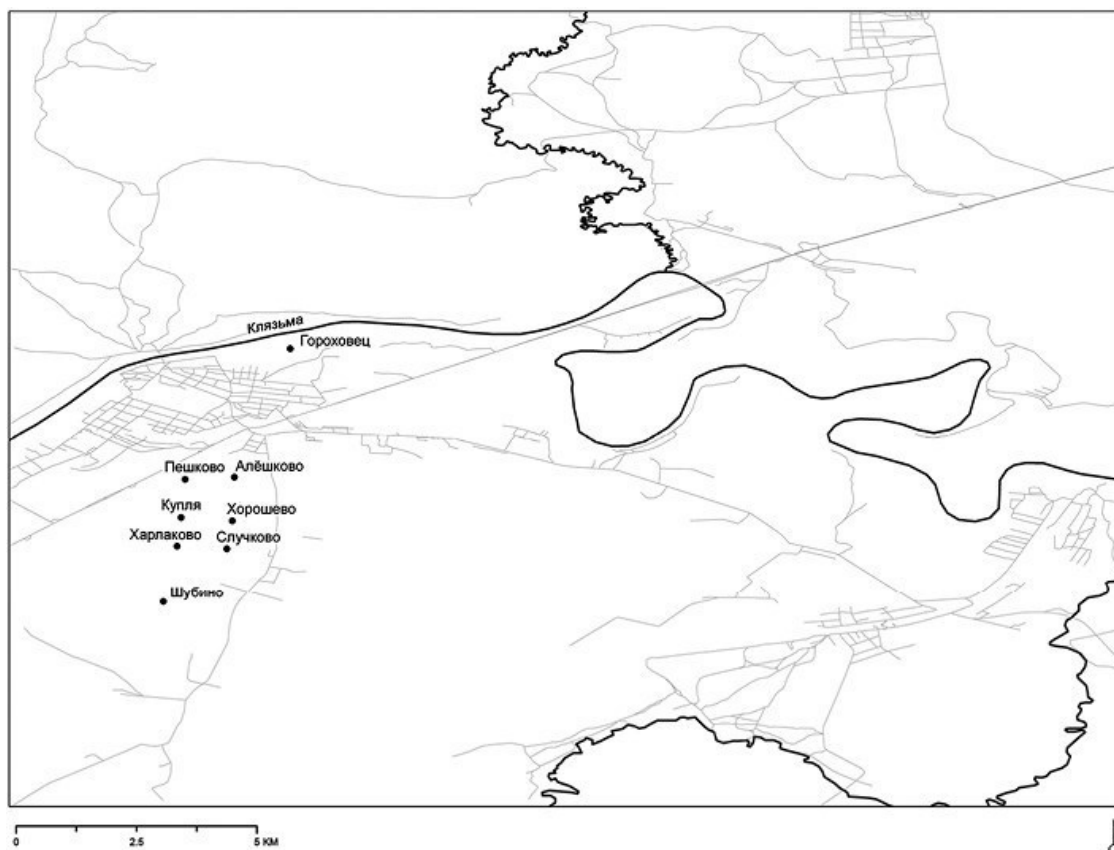
Приход с. Купля, располагавшийся к югу от малюсенького городка Гороховец (с населением примерно 1300 человек в конце XVIII в. и 2555 – в 1859 г.²⁸⁰) на р. Клязьме, состоял с середины XVIII по середину XIX в. в основном из шести деревень – три из которых (Купля, Хорошево и Харлаково) были населены помещичьими, а три (Пешково, Алёшково и Случково) – дворцовыми крестьянами. Это были небольшие деревни. По ревизской сказке от 1782 г., дворцовые деревни имели общую численность населения (мужчин и женщин от младенцев до стариков) в 157, 156 и 151 человек, а священник, переписывая прихожан в 1777 г., оценивает численность населения помещичьих деревень в 68, 89 и 113 душ²⁸¹.

Размер деревень определялся топографией. Приход с. Купля составлял часть заселенного клина – длиной 25 километров, шириной 8–12 километров – к югу от р. Клязьмы. С южного бока клин граничил со столь же широкой полосой непригодных для обитания болот и лесов. На противоположном от Гороховца берегу Клязьмы необитаемые и, по большей части, непроходимые болота и леса простирались на север на 40 и более километров. Крестьяне на

²⁸⁰ Словарь географический Российского государства. М.: Университетская типография, 1804. Ч. 2. Кол. 78; Географическо-статистический словарь Российской Империи. СПб.: Тип. Безобразова, 1863. Т. 1. С. 675.

²⁸¹ ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 301 (Владимирская казенная палата). Оп. 5. Д. 120. Л. 68–73 об., 164 об. – 172 об., 182 об. – 191; Ф. 556 (Владимирская духовная консистория). Оп. 111. Д. 108. Л. 187–198. Похоже, священник упустил из своих расчетов большинство маленьких детей.

юге от Клязьмы сами были окружены заболоченными землями; их деревни и поля ютились на земельных участках, которые поднимались над уровнем болот. Как свидетельствует описание этого района (не именно прихода с. Купля) середины XIX в., там, где в зимние морозы путь от одной деревни до другой составлял 5–10 километров, с апреля, когда топь оттаивала, по середину ноября, когда она вновь замерзала, иногда приходилось тащиться в обход за 15 или даже 30 километров²⁸². Даже в начале XXI в. не во все деревни бывшего прихода с. Купля можно было попасть после сильного летнего дождя, а в те, в которые попасть было можно, приходилось добираться по глубокой колее, песчано-глинистые края которой – вязкие и раскисшие от воды – грозили стать западней неосмотрительному шоферу²⁸³.

Карта 2. Приход Купля и Шубино

Такая земля не могла содержать живущих на ней крестьян. Для скота было недостаточно пастбищ, урожай зерновых давал всего 2,5 зернышка на каждое посеянное: после отделения зерна на следующую посевную у крестьян с каждого посеянного мешка на потребление оставалось лишь полтора. Даже в XVIII в. Гороховецкий уезд завозил зерно из южных губерний. Хотя на некоторых участках южного берега Клязьмы почва была пригодна для садоводства и огородничества, крестьяне не могли обойтись без постороннего приработка. В XVIII в. они плотно занимались различного вида кустарным производством, отхожим промыслом и торговлей²⁸⁴. В наказе в Уложенную комиссию Екатерины II в 1767 г. гороховецкие купцы говорили

²⁸² Дубенский Н. И. Владимирская губерния в сельскохозяйственном отношении. СПб.: М-во государственных имуществ, 1851. С. 33. О масштабах болот и болотистых земель в целом: Там же. С. 8–10, 14, 21–22, 31. Топографическая карта Владимирской губернии наглядно показывает, как болота и леса теснят селенья вокруг Гороховца.

²⁸³ Я в долгу перед Андреем Петровичем, урожденным гороховчанином и бывшим инженером-мелиоратором, который в советское время занимался осушением здешних болот, а в июле 2012 г. провез меня по доступным в ту пору частям прихода.

²⁸⁴ Дубенский Н. И. Владимирская губерния. С. 13–14, 88–90; Бакмейстер Л. И. Топографические известия, служащие

о том, что местные крестьяне строят суда, на которых купцы сплавляют вниз по реке товары, тянут суда вверх по течению, работают плотниками, дубят кожу для Санкт-Петербурга, занимаются гужевыми перевозками и «делают другую работу, без которой эти крестьяне просто не могут существовать». Купцы жаловались, что крестьяне торгуют аж до самой Астрахани, где покупают рыбу и везут ее вверх по Волге, чтобы сбыть в Саратове, и на обратном пути везут также зерно и другие съестные товары, которые продают в Гороховце, обходя таким образом предполагаемую купеческую монополию на такого рода торговлю²⁸⁵. Уже в XVII в. крестьяне добывали известняк из поверхностных залежей к югу от Клязьмы. В XVII же веке дворцовые крестьяне уезда (включая предков дворцовых крестьян прихода с. Купля) были приставлены к винокуренному делу (перерабатывали южное зерно). Этим промыслом они занимались по всей Центральной России еще и в XIX в., а в XVIII в. на его основе возник многочисленный класс котельщиков (мастеров, специализировавшихся на изготовлении всякого рода металлических сосудов). В конце XIX в. Гороховецкий уезд был основным поставщиком отходников-котельщиков для российской промышленности²⁸⁶

для полного географического описания Российской империи. СПб.: Императорская Академия наук, 1772. Т. 1. Ч. 2. Московской губернии, Переславская Залескаго, Володимерская, Суздальская, Юрьевская Польскаго, Переславская Рязанскаго провинции и часть Калужской провинции. С. 127–129; Словарь географический Российского государства. Гл. 2. Кол. 80; Географическо-статистический словарь. СПб., 1863. Т. 1. С. 676.

²⁸⁵ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1900. Т. 107. С. 177–178.

²⁸⁶ Андреев Н. И. Гороховецкая историческая хроника. Владимир, 2008. С. 32–37; *Он же*. Котельщики: гороховецкие отходники. Владимир: Транзит, 2010. С. 13–56.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.